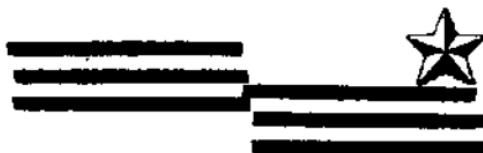

В. Д. ЛЕСЕВ

ПОИСК ПРОДОЛ- ЖАЕТСЯ

ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕН-
НОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.
ПОСВЯЩАЕТСЯ

В. Д. ЛЕСЕВ

ПОИСК
ПРОДОЛ-
ЖАЕТСЯ

КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЛЪБРУС»
НАЛЬЧИК · 1975

О Т А В Т О Р А

В течение ряда лет следопыты университета вели кропотливую работу по сбору материалов об участии в Великой Отечественной войне студентов, выпускников, преподавателей и сотрудников Кабардино-Балкарского педагогического института.

Поступившие документы военных лет — письма, пожелтевшие от времени, вырезки из газет и журналов, фотографии, копии наградных листов и боевых характеристик, извещений и благодарностей — позволили узнать многое о героизме и мужестве, стойкости и патриотизме на фронте и в тылу сотен воспитанников института.

Из номера в номер многотиражная газета «Университетская жизнь» знакомила читателей с именами ранее безвестных героев. О них рассказывалось на страницах республиканских газет и журналов.

В сентябре 1972 года в Нальчике прошла встреча выпускников бывшего педагогического института, посвященная сорокалетию с момента открытия вуза в республике. Участники встречи, а их было свыше трехсот, ознакомившись с собранными материалами и фотокопиями, высказали предложение рассказать о поисках и находках следопытов университета.

Так родился этот сборник документальных очерков.

Пользуясь случаем, выражая благодарность старшему лаборанту кафедры общей физики КБГУ Н. И. Диценко, выполнившему копии фотографий участников войны к сборнику, и старшему научному сотруднику КБНИИ Е. Т. Хакуашеву, ознакомившемуся с рукописью и сделавшему ряд ценных замечаний.

В М Е С Т О П Р Е Д И С Л О В И Я

В развитие экономики и расцвет народного образования, культуры и науки четырежды орденоносной Кабардино-Балкарии весомый вклад внесли профессорско-преподавательский состав, сотрудники и выпускники бывшего педагогического института и нынешнего университета. Не подвергая детальному анализу деятельность единственного в республике вуза за истекшие годы, хотелось лишь напомнить читателям основные вехи в его развитии и назвать некоторые наиболее характерные цифры.

Выполнив решение Центрального Комитета партии о расширении сети высших учебных заведений в стране, Совнарком РСФСР 7 июля 1932 года принял постановление о разделении Горского государственного педагогического института на два: Кабардино-Балкарский и Северо-Осетинский. Наркомпрос РСФСР ассигновал необходимые средства на строительство учебного корпуса, студенческого общежития и дома для научных работников в Нальчике. А пока развертывалось строительство, институт, с помощью областных партийных и советских органов, удалось разместить в городе Пятигорске. И первые 120 студентов (трех факультетов — языка и литературы, естественного и физико-математического) 15 сентября 1932 года приступили к учебным занятиям. В 1932/33 учебном году в институте работали 22 научных работника (в том числе один профессор и три доцента).

Несмотря на то, что на первом этапе работы вуз испытывал острый недостаток в педагогических кадрах высшей квалификации, слабой была его материальная база, он сыграл важную роль в деле изучения истории, этнографии, культуры, языка и литературы народов Кабардино-Балкарии.

Уже в 1934 году потребовалось расширение вуза. В его составе появился учительский институт с двумя отделениями — математическим и историческим (с двухлетним сроком обучения), был произведен первый набор на специальности заочного отделения.

В 1936 году состоялся первый выпуск около 80 преподавателей русского языка и литературы, родных языков, естествознания. Годом позже в школы республики было направлено 12 выпускников физико-математического факультета педагогического института и 20 выпускников математического отделения учительского института.

В 1937 году завершилось строительство учебного корпуса института и близилось к окончанию сооружение студенческого общежития и дома для научных работников в Нальчике. 1937/38 учебный год коллектив института начал в новых условиях в столице республики.

За первое десятилетие своей деятельности институт выпустил 1133 педагога по филологии, истории, математике, физике, химии, биологии, географии.

Мирный труд советского народа прервала война.

«В дни Великой Отечественной войны, — говорил в речи на Всесоюзном слете студентов 19 октября [1971] года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — десятки тысяч студентов, отложив книги и конспекты, взяли в руки оружие и вместе со всем народом встали на защиту Родины. Они не успели получить институтских дипломов, но на полях сражений заслужили аттестаты мужества и героизма. Они не успели получить университетских значков, но грудь их украсили боевые ордена и медали».

23 июня 1941 года состоялся митинг коллектива педагогического института по случаю вероломного нападения фашистской Германии. Днем позже вместе с первой группой офицеров запаса в войска были направлены преподаватель военной подготовки Н. М. Гутиев и студент Ю. П. Синицын.

В течении лета Нальчикский городской военкомат призвал несколько групп преподавателей, сотрудников и студентов. В их числе: преподаватели М. К. Алекберли, Д. И. Бычков, В. П. Гончар, Е. Ш. Левиев, П. П. Калашников, В. В. Наумова, М. П. Николаев, В. Г. Петров, Г. П. Петросян, П. Н. Панин, Х. Э. Темирканов, Г. К. Уткин, А. И. Щеголев, сотрудники К. А. Карапулов, И. С. Елагин, А. П. Кузнецов, М. Н. Немов, Р. М. Рафаилова и другие.

Многие выпускники сорок первого года были направлены на краткосрочные курсы офицерского состава в училища и академии.

Среди тех, кому пришлось прервать учебу в институте и взять оружие в руки, были Ноиз Абидова, Хамид Апажев, Александр Гунько, Каральби и Джрафар Дзаговы, Анатолий Доленко, Екатерина Дианова, Ирмиё Израилов, Залимхан и Хамид Камбиевые, Софья Кабалоева, Буба, Башир и Мухамед Кардановы, Зачи Князев, Леонид Кулаковский, Ахмедхан Надоев, Ильяс Тетуев, Абузед Теунов, Сарби Черкесов, Мухамед Шибзухов и многие, многие другие.

Сотни славных сынов и дочерей — воспитанников партийной и комсомольской организаций пединститута проявили в годы тяжких испытаний чудеса стойкости и мужества. В ожесточенных схватках с ненавистным врагом смертью храбрых пали: командир танковой роты гвардии капитан Грант Оганянц, посмертно удостоенный высокого звания Героя Советского Союза; комиссар Осинторфского комсомольско-молодежного подполья полтрух Евгений Вильсовский; преподаватель института, защитник Сталинграда С. И. Непша; участник освобождения столицы Югославии — Белграда офицер Марина Туков; командир стрелкового взвода 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии Мусафир Огурлуев; командир пулеметной роты гвардии капитан К. П. Геллис и другие.

Боевые ордена украсили грудь Д. И. Бычкова, Б. М. Карданова, М. П. Доценко, Х. И. Бадахова, Б. И. Куашева, Ф. В. Орлова, И. А. Чагелишвили, С. М. Черкесова, И. Л. Из-

райлова и многих других участников боевых операций в годы войны.

Самоотверженно трудился на возведении оборонительных объектов в районе городов Прохладного и Нальчика студенческий батальон.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Кабардино-Балкарии и частичного восстановления учебной базы институт возобновил свою работу. 15 апреля 1943 года 127 студентов приступили к учебе.

Нельзя без волнения читать документы тех лет, свидетельствующие о беспрецедентно высоком патриотизме небольшого коллектива института. Вот отрывок из телеграммы Верховному Главнокомандующему: «Вдохновленные победной симфонией Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками, профессорско-преподавательский состав, студенты и служащие восстановленного после немецкой оккупации Кабардино-Балкарского педагогического института внесли на постройку танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» свыше пятидесяти тысяч рублей. Сбор средств продолжается. Пусть наш скромный взнос послужит общему делу скорейшего уничтожения ненавистного врага».

И ответ: «Нальчик. Директору Кабардино-Балкарского педагогического института тов. Хаткову, секретарю партбюро тов. Савченко, председателю месткома тов. Таймуразову, председателю студпрофкома тов. Сисенковой. Прошу передать профессорам, преподавателям, студентам и служащим Кабардино-Балкарского педагогического института, собравшим 52000 рублей на постройку танковой колонны «Смерть немецким захватчикам», мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин».

За послевоенные годы институтом подготовлено около 5000 специалистов народного образования. Сейчас, по неполным данным, только в школах республики работает почти тысяча преподавателей, окончивших наш пединститут. Многие из них отмечены высокими правительственными наградами, удо-

стоены званий заслуженных учителей школ РСФСР и КБАССР, награждены значком «Отличник народного образования». Подлинными мастерами педагогического труда стали Герой Социалистического Труда директор Каменномостской средней школы Мухаб Алимович Камбнев, кавалеры ордена Ленина Лель Тембулатович Куготов и Сергей Павлович Восканов, заслуженные учителя школы РСФСР Мария Семеновна Воронкова, Александр Михайлович Бородин и другие.

Институт вырастил и воспитал немало ученых, деятелей литературы и культуры, партийных и советских руководителей. В университете, в ряде высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов страны, в школах и учреждениях трудится свыше ста выпускников института, имеющих ученые степени и звания. В их числе доктора наук А. М. Аппаев, Б. Х. Балкаров (Нальчик), Ю. А. Бобошко (Киев), Б. М. Карданов, Т. Х. Кумыков, Г. Х. Мамбетов, Х. Т. Медалиев, А. К. Темботов, Б. Х. Цаякилов, кандидаты наук А. Ю. Бозиен (Нальчик), А. Ф. Гулько (Ростов-на-Дону), М. А. Долов (ВГИ, Нальчик), Р. П. Игнатьева (Краснодар), У. А. Макоев (Москва), А. Ш. Муталипов (Баку), М. С. Тунин (Армавир), Н. Н. Холодов (Смоленск), Д. Т. Цопанов (Орджоникидзе), В. Г. Шевчук (Полтава), З. И. Шевцова (Петропавловск-Камчатский) и многие другие. Стали заслуженными деятелями науки КБАССР Е. Т. Хакуашев, Р. Х. Гугов и другие.

Свой творческий путь в большую литературу и журналистику на студенческой скамье института начинали Бетал Куашев и народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенщуков, член союза писателей учитель Прималкинской средней школы Валентин Грудзинский и специальный корреспондент газеты «Советская Россия» по Ставропольскому краю Анатолий Бочкарев, большинство журналистов наших республиканских газет и журналов, радио и телевидения.

Многие стали советскими и партийными работниками: это секретари Кабардино-Балкарского обкома КПСС

М. А. Кульбаев и М. Х. Шекихачев, министр культуры КБАССР К. К. Эфендиев, начальник республиканского управления профтехобразования, кандидат экономических наук Б. Х. Ифраимов, секретарь Президиума Верховного Совета КБАССР Ф. Т. Арсаева, начальник управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров КБАССР Е. Т. Кешева и другие.

В 1957 году на базе педагогического института был открыт Кабардино-Балкарский государственный университет с четырьмя факультетами, 21 кафедрой и контингентом студентов около 3000 человек.

Коллектив университета стал достойным преемником и продолжателем славных традиций, сложившихся в первом вузе республики.

В настоящее время на семи факультетах университета обучается свыше 9000 студентов. Университет готовит специалистов по 20 профилям. На 48 кафедрах учебную, воспитательную и научно-исследовательскую работу ведут 564 преподавателя, в числе которых 32 доктора наук, профессора, 294 кандидата наук, доцента, один заслуженный деятель науки РСФСР, 9 заслуженных деятелей науки КБАССР и 11 заслуженных специалистов различных отраслей народного хозяйства.

Университетом подготовлено около 13 тысяч специалистов с высшим образованием, в том числе 7927 учителей школ, 2470 инженеров, 1856 ученых агрономов и зоотехников, 272 ветеринарных врача, 323 специалиста органов народного здравоохранения и 98 специалистов бухгалтерского учета.

В стенах университета выросло 26 докторов наук и более 250 кандидатов наук. Четырем ученым советам предоставлено право приема к защите кандидатских диссертаций по 15 научным направлениям. На этих советах уже защищено свыше двухсот кандидатских диссертаций. Аспирантура при КБГУ дала путевку в науку 194 молодым исследователям.

Важным показателем деятельности вуза является интен-

сивность и значимость научных исследований, проводимых его научными работниками. В настоящее время определены четыре главных, имеющих важное народнохозяйственное значение, научных направления, вокруг которых концентрируются усилия больших групп исследователей. Это — поверхностные явления в твердых телах и расплавах, химия и технология молибдена и вольфрама, охрана и рациональное использование растительного и животного мира КБАССР, изучение взаимодействий космических лучей с веществом. Научная школа по поверхностным явлениям, возглавляемая заслуженным деятелем науки РСФСР, доктором физико-математических наук, профессором Задумкиным Сергеем Николаевичем достойно представляет науку Кабардино-Балкарию на всесоюзной арене.

Авангардом коллектива университета является его партийная организация, насчитывающая в своих рядах около 500 коммунистов. В ее поле зрения все принципиальные вопросы работы вуза: от совершенствования форм и методов обучения и организации научных исследований до формирования душ и характеров, закалки сердец и ума будущих специалистов народного хозяйства. В центре ее внимания — повышение уровня общественной работы, воспитание специалистов, обладающих высокой политической сознательностью, верных главным традициям Коммунистической партии, развитие таких форм общественной деятельности, которые позволяют студентам еще в годы учебы проверить свои силы и возможности.

Труд нашего коллектива получил высокую оценку. За заслуги в деле подготовки кадров для народного хозяйства университет награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР и Юбилейной грамотой Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров КБАССР. Ряд наших ученых отмечен правительственными наградами.

Достижения в развитии высшего образования социалистической Кабардино-Балкарии — убедительное доказательство

неустанной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о расцвете народного образования, науки и культуры народов, не имевших до Великого Октября даже своей письменности.

В становлении нашего вуза большая заслуга принадлежит местным партийным советским органам, уделяющим постоянное внимание развитию его материальной базы, росту и воспитанию научных кадров, созданию необходимых условий труда и быта студентов и научных работников. Постоянную помощь оказывают нашему университету Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР, некоторые старейшие высшие учебные заведения, академические институты и научные учреждения братских союзных и автономных республик, краев и областей страны. Благодаря такой помощи за короткий срок университет смог стать в ряд ведущих вузов северокавказской зоны.

Большой вклад в развитие высшего образования в республике внесли ученые и педагоги, связавшие свою деятельность с нашим вузом. Имена А. И. Антоковой, М. Л. Абитова, Я. В. Егупова, С. Н. Задумкина, Т. А. Жакомихова, Б. М. Карданова, Н. И. Кос, Т. Н. Нилова, Г. П. Петросяна, М. Б. Ханanova, А. И. Щеголева и других хорошо известны в Кабардино-Балкарии.

Многих, кто оставил заметный след в подъеме науки и культуры нашей республики, уже нет рядом с нами. Это профессора Х. М. Бербеков, А. Г. Бестужев, В. В. Иванова, С. М. Токмачев, Ф. И. Франкл, доценты Д. И. Бычков, В. В. Гурьянов, А. В. Дрокин, К. И. Маслюгин, А. Н. Парфенник, В. Г. Петров, В. Ф. Пилинис и другие.

Нынешнее поколение студентов университета, по достоинству оценивая заслуги своих предшественников, стремится отличной учебой, активной общественной деятельностью и трудом на благо социалистической Отчизны приумножить славные традиции вуза.

Наш коллектив гордится тем вкладом, который был внес-

Сен студентами, выпускниками, сотрудниками и профессорско-преподавательским составом бывшего Кабардино-Балкарского государственного педагогического института в общее дело победы над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, и с благодарностью склоняет головы перед беспримерным мужеством, героизмом, беспредельной преданностью Родине и светлой памятью тех, кто боролся за нашу победу и кому не удалось увидеть радостного Дня Победы.

I. НАВЕЧНО В СТРОЮ

1. ПЕРВЫЙ ПОХОД

Январское заседание совета физкультуры Нальчикского педтехникума посвящалось вопросу достойной встречи исполнявшегося в 1936 году пятнадцатилетия автономии Кабардино-Балкарии. В честь юбилея кто-то предложил организовать туристический поход, но мысль эта была встречена без особого энтузиазма. Походов проводилось много, и казалось, что еще один не очень украсит приближающуюся дату. Хотелось сделать что-то особенное.

— А что если провести поход по территориям братских соседних областей? — заметил Михаил Самутов. Этого комсомольского активиста, влюбленного в физкультуру, увлекающегося массовыми мероприятиями, и способного начинавшего художника в техникуме уважали все.

— Что ж, идея неплохая! — поддержал его преподаватель физвоспитания Алексей Владимирович Маревичев. — Только маршрут надо подработать.

— Да он сам напрашивается, — стремясь сохранить за собой инициативу, сказал, поднявшись, Михаил. — Я думаю, вдоль Терека можно пройти и по Северной Осетии, и по Чечено-Ингушетии, и по Дагестану...

— А если не вдоль Терека, а по Тереку? —

внес свою поправку обычно молчаливый Жамал Чеченов.

— На плоту... или на лодке... — мечтательно продолжил Михаил.

И вот идея в честь юбилея проложить водный маршрут к Каспийскому морю захватила всех участников заседания. Тут же для консультации были приглашены страстные любители походов по родному краю географ К. С. Крапивин и биолог М. П. Геллис. Оба они, хорошо знавшие водный режим Терека и его притоков, подтвердили, что на байдарках можно пройти из Кабардино-Балкарии к Каспию. Стал вопрос лишь за байдарками, которых в ту пору в Нальчике не было.

Но благодаря неутомимой энергии А. В. Маревичева вскоре были найдены чертежи байдарки и рабочие материалы и под руководством техникумовского столяра студенты Шис Бленаев, Александр Бакланов, Грант Оганьянц, Георгий Пелихов Михаил Самутов и Жамал Чеченов горячо взялись за дело.

Собственно ручно изготовленная байдарка была так хороша, что студенты-спортсмены решили пронести ее впереди колонны физкультурников на праздничной первомайской демонстрации. И когда под аплодисменты зрителей перед трибуной «проплыла» байдарка, причем в ней восседал самый спортивный техникума Алексей Швец, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Б. Э. Калмыков, пригласив к трибуне А. В. Маревичева, похвалил:

— Красиво! Но где вы плывать собираетесь?

— Мечтаем. Бетал Эдыкович, в ознаменование пятнадцатилетия автономии области пройти по Тереку к Каспию...

- А сумеете?
- Постараемся.
- Тогда прошу с вашими планами после праздников зайти ко мне.

После встречи с Б. Э. Калмыковым облисполкомом рассмотрел предложение совета физкультуры техникума, утвердил план похода и ассигновал на его проведение необходимые средства*.

А пока решался вопрос о приобретении настоящих байдарок, студенты изготовили еще одну двухместную типа каноэ. Испытания плавучих свойств байдарок прошли успешно. Кандидаты в состав команды похода были собраны на десятидневные сборы, во время которых они приобретали навыки управления байдарками на быстринах горных рек, овладевали различными стилями плавания и приемами спасения на водах.

Наконец наступил радостный день старта — 9 августа 1936 года. Вот как этот момент описывает в своем дневнике политрук похода М. П. Геллис:

«...На мосту через реку Урвань, у Новоивановки,— почетные гости во главе с тов. Калмыковым Б. Э. Много наших друзей из техникума, представители комсомольских органов, руководители спортивных организаций, жители и дети села. Теплые слова, дружеские рукопожатия, и мы в байдарках.

— Счастливого плавания! — доносится до нас напутствие Бетала Эдыковича.

Раздается свисток командира похода Маревичева, и наша восьмерка гребцов отправляется в первое в истории Кабардино-Балкарии плавание. Шум-

* Дневник похода. Архив вуза.

ные возгласы провожающих тонут в гуле бурной Урвани, разбивающейся об устои моста, подхватившей наши хрупкие лодки и понесшей их к морю. Оглядываюсь. Вижу лес рук провожающих...».

В поход на байдарках отправились шесть студентов-спортсменов — Саша Бакланов, Шис Бленаев, Грант Оганьяնц, Георгий Пелихов, Жамал Чеченов, Алексей Швец и два преподавателя — А. В. Маревичев и М. П. Геллис. В первый же день они прошли по рекам Урвани, Баксану и Малке к Тереку и пересекли границу области. На стремнинах горных рек байдарки выдержали первые испытания на прочность, а гребцы с честью вышли из опасного единоборства с водной стихией. О том, с какими трудностями пришлось встретиться байдарочникам, хорошо рассказывается в дневнике.

«..После Моздока путь Тереку перекрывают две плотины. Река в ярости обрушивает на них весь свой гнев. Подхватив наши байдарки, бросая их в самый водоворот и как будто решив проверить прочность и устойчивость их, Терек вдруг поднимает встречной волной первую лодку вверх, а потом, круто повернув, скрывает ее из наших глаз.

— Перевернулась! — кричит мой напарник Шис. Но я не успеваю ему ответить, как далеко впереди вижу благополучно миновавшую порог между плотинами байдарку. Чтобы дать возможность успешно пройти порог остальным байдаркам мы с Шисом, усиленно работая веслами, идем против течения метров сто, а потом круто поворачиваем на стремнину. Поток подхватывает нас, несет к правому берегу, и все наши усилия направлены лишь на то, чтобы лодка не стала поперец течения. Вот уже пенный водоворот. Толчок. И мы стремглав несемся вниз. Затем, приняв душ из брызг

еле успеваем выровнять накренившуюся байдарку...

...Пытались горы еще раз преградить путь Тереку. Но были разбросаны и погребены. Битва эта была давно, но старый Терек помнит ее и не может равнодушно пройти мимо этого места. Тут он стоит тысячеголосым воем, кидается от берега к берегу, в бешенстве покрываются седой пеной, кружит воронками, спускается водопадами с горами волн, чтобы дальше, успокоившись, развернуться в километровой ширине и плавно нести свои воды к морю. Не дружелюбен Терек и с ветрами. Не любит их он. Стоит подуть ветру с моря, как начинает он хмуриться, покрывается морщинами, седыми волнами. И нет тогда возможности плыть дальше: закачает, захлещет, перевернет... А ближе к морю плотной стенной обступает берега реки камыш. Высокий, желтый, он далеко заходит в воду, скрывает прибрежье, мрачным многокилометровым коридором окружает он русло реки. Плохо человеку в столь угрюмых уголках. С наступлением темноты, голодные и злые, набрасываются на задержавшегося в камышах путника мириады комаров. Терский комар кусает через одежду. Лезет в глаза и в рот. От его укусов тело распухает, и мучениям нет конца. Одно спасение — дымокур. Огонь, заваленный колодником, чадит. Едкий дым ест глаза, вызывает кашель, но спасает от горячих поцелуев комара...».

На каждом привале, большом или малом, отважные спортсмены проводили интересные встречи с детворой пионерских лагерей, с допризывниками и воинами Красной Армии, с колхозниками, рыбаками и рабочими прибрежных сел и городов. Они рассказывали об успехах орденоносной Кабардино-Балкарии в хозяйственном и культурном строительстве, о лучших людях области, о техникуме, о це-

лях похода. Как правило, встречи заканчивались спортивными играми, песнями и танцами.

В устье Терека, где он разливается на сотни рукавов и где нетрудно заблудиться, избрав не самый короткий путь к морю, байдарочники вынуждены были прибегнуть к помощи проводника из местных рыбаков. От Каргалинской протоки и до самого взморья вместе с проводником на «двойке» поочередно во главе байдарок шли самые сильные участники похода М. П. Геллис и Грант Оганьянц.

Встрече с морем в дневнике посвящены следующие строки:

«...Наконец Бирючен. Нас встречают рабочие рыбозавода. Удивляются, как мы на таких утых суденышках смогли добраться к ним. Дальше идти на байдарках не советуют...

Вечером совершенно случайно узнаем, что ночью рыбаки направляются через Аграханский залив. Идем к ним. Договариваемся плыть вместе. Они и слушать не хотят, чтобы мы в залив вышли на байдарках. Приглашают в свои рыбачьи «бударки». Но мы непоколебимы. И они, скрепя сердце, соглашаются.

...Темно. Дует слабый ветерок. Отчаливаем в полной тишине. Впереди вижу только два огонька. Это сигнальные фонари на рыбакской «бударке». Нам залива не видно. Но он ощущается. Байдарки начинает захлестывать волна. Сокращаем друг с другом дистанцию и стремимся держаться ближе к «бударке». Все насторожены. Лишь голоса рыбаков подбадривают нас.

Далеко слева небо начинает сереть. Рассвет гасит звезды, и мы замираем от восторга, видя вокруг необъятную морскую гладь. Рыбаки показывают в сторону берега, но нам из байдарок его не

видно. Огромным красным шаром выплыает, как будто из морских глубин, солнце. Смотрю на своих друзей и не узнаю их. Чувство встречи с морем захватило всех. Наверное, и у меня на лице восторженно-приподнятое выражение.

Рыбаки поднимают парус, чтобы уйти дальше в открытое море, а нам указывают путь на рыбозавод. Мы остаемся одни. От этого непроизвольно тянет ближе к берегу. Вот и он. Быстро вытаскиваем байдарки на пологий берег. Чувствуем радость от того, что стоим на твердой земле, и, не сговариваясь, бросаемся в воду. Мы достигли моря! Принимай нас из далекой Кабардино-Балкарии! Теперь наш путь к столице Дагестана — Махачкале».

Днем 20 августа в Южном Карамане, что километрах в тридцати пяти от конечного пункта похода, был сделан последний привал. Участники подвели краткий итог пройденному пути, обсудили проект рапорта, текст телеграммы в Нальчик и привели себя в порядок. Саша Бакланов, работавший до техникума парикмахером, ловко орудуя ножницами и бритвой, «навел блеск на шевелюрах и лицах байдарочников». Извлечены были белые парадные майки. Стоило в них облачиться, как заметно похорошели все. Еще ярче засверкала бронза походного загара, расцвели белозубые улыбки, посыпались шутки. Чувствовалась приподнятость от того, что трудный поход близится к завершению. Предстоял последний бросок. Политрук так рассказал о нем.

«...С каждым взмахом весла все отчетливее виден махачкалинский порт. Четко вырисовываются на гористом берегу белые здания. Можно уже различить черные точки у самой воды. Это, наверное, купальщики...

Огибаем волнорез. За ним море спокойнее. Нет такой качки, и скорость наших байдарок заметно возрастает. Быстро причаливаем, и Маревичев рапортует начальнику местного Освода об успешном завершении похода.

Нас тут же окружают десятки отдыхающих на берегу моря людей. Смотрят на наши байдарки и не верят, что мы на них пришли из далекой сухопутной Кабардино-Балкарии.

Вскоре нас пригласили к себе портовики. Здесь нам была оказана чрезвычайно теплая встреча, во время которой начальник товарищ Саенко от имени портовиков Махачкалы поздравил нас с блестящим проложенным водным маршрутом и пожелал нам и всем спортсменам Кабардино-Балкарии новых достижений...».

На второй день участников юбилейного похода приняли в Дагестанском облпарткоме, а к вечеру поезд мчал их в родной Нальчик, где уже ждали смелых байдарочников.

Первый поход стал хорошей школой для тех, кому через год удалось осуществить еще более блестательный спортивный подвиг — пройти на веслах от Кабардино-Балкарии до столицы Родины — Москвы. В девятку отважных байдарочников, стартовавших через год, вошло шесть спортсменов первого похода.

2. БРАТЬЯ

В первых числах ноября 1884 года на пути из ссылки Владимир Галактионович Короленко посетил затерявшийся в глухой якутской тайге городок Киренск. Позже в четвертой книге «Истории моего

современника» писатель посвятил главу этому городу и его обитателям.

Киренск — одно из мест, куда царская охранка ссылала многих активных участников политических выступлений против самодержавия. Наиболее выдающимися поселенцами тех лет были: участник Парижской Коммуны и конгресса I Интернационала М. П. Сажин, активная участница пропаганды народнических идей среди крестьянства Е. Н. Фигнер, видный польский писатель А. И. Шиманский, семья С. А. Лянды и другие. Среди остальной «киренской ссылочной братии... — писал В. Г. Короленко, — были здесь еще Свишунов, Микитьян, Геллис...».

Читая книгу, я подумал вначале, что это просто однофамилец нальчикских Геллисов, ничего общего не имевший с политруком байдарочного похода. Но оказалось не так.

— Геллис,— рассказывает старший лаборант кафедры ботаники КБГУ Татьяна Ивановна Сущина,— с которым встречался в Киренске Короленко и которого он упоминает в своих воспоминаниях, был участником одесского кружка молодежи и за пропаганду среди рабочих был приговорен к каторге, замененной потом ссылкой на поселение. Много лет посвятившие развитию народного образования в нашей республике, Капитон Петрович и Михаил Петрович Геллисы — сыновья политического ссыльного из Киренска. Мне это хорошо известно потому, что они мои родственники. Благодаря влиянию Михаила Петровича я на всю жизнь связала свою судьбу с ботаникой...

Небольшой городок на берегу Лены стал родиной десятерых детей П. Я. Геллиса. На их образование, воспитание и формирование большое влия-

ние оказала среда, состоявшая из революционно настроенных передовых представителей интеллигенции, волею судеб оказавшихся в глухи Сибири. Дети очень рано пристрастились к чтению, и уже на школьной скамье довольно отчетливо определились интересы каждого.

Юные Геллисы, восторженно приветствуя победу социалистической революции, стремилисьнести и свой вклад в защиту ее завоеваний. Но непосредственно в боях с колчаковцами участвовал только старший из братьев — Арсений. Не удалось сбыться его мечте об окончании юридического факультета: схваченный адмиральской контрразведкой, Арсений был расстрелян.

После гражданской войны киренчане получили возможность продолжать свое образование. Многие из выпускников школ города поступали в Иркутский университет. Всю свою жизнь с ним связал Владислав Петрович Геллис: он был студентом, аспирантом, ассистентом, доцентом и до конца дней своих деканом одного из его факультетов.

Капитон и Михаил тоже выпускники этого университета. Первый окончил филологический, а второй — биологический факультет. Так случилось, что оба получили направление на работу на Северный Кавказ и примерно в начале тридцатых годов начали учительствовать сначала в Пятигорске, а потом в Нальчике. Учащиеся ряда школ Нальчика и студенты педтехникума, педрабфака и пединститута предвоенных лет хорошо помнят их.

Братьев Геллисов отличали высокое педагогическое мастерство, незаурядная профессиональная эрудиция, страстная увлеченность, чрезвычайная аккуратность в работе. Оба были прекрасными рассказчиками.

Многие их ученики, спустя годы тепло вспоминая о своих наставниках, рассказывают, что Геллисы старались не только дать своим питомцам хорошие знания и привить глубокие идеальные убеждения, они большое внимание уделяли тому, чтобы воспитать у них скромность, простоту, правдивость, человечность. Никогда не пытались они подавить силой своего авторитета чью-либо инициативу, были внимательны и требовательны. Поэтому часто им доверяли их юные друзья самые сокровенные свои мысли и чаяния. Не случайно многие из питомцев, стремясь им подражать, в хорошем смысле этого слова, посвятили себя служению народному образованию. Наверное потому один из любимых по педрафаку учеников Михаила Петровича Грант Оганьянц при поступлении в вуз избрал специальность своего учителя и блестяще окончил химико-биологический факультет нашего пединститута. Кто знает, если бы не война, учил бы теперь Грант детей так любимой им биологии...

Памятна питомцам и коллегам Геллисов не только их страстная отдача нелегкому педагогическому труду, но и бурная общественная деятельность. Они были инициаторами и участниками многих интересных дел молодежи: литературных вечеров и заседаний предметных кружков, диспутов и концертов художественной самодеятельности, спортивных соревнований и походов по родному краю.

Видимо, потому, когда возникла необходимость назначить политрука первого байдарочного похода, ни у дирекции, ни у партийной организации техникума не возникло никаких сомнений относительно кандидатуры М. П. Геллиса.

Скупо, очень скупо пишет он в своем дневнике о той большой работе, которую пришлось ему ве-

сти в ходе подготовки и проведения похода. И все же небольшую информацию из дневника удается извлечь. Вот, например, такой эпизод: «...за паромом скопление людей. Слышна музыка. Подплываем и выходим на берег. Раздается мощное «ура!». Оказывается, нас встречает группа допризывников. Начальник допризывной подготовки поздравляет с благополучным прибытием и желает успешного завершения похода. С ответным словом выступаю я. Горячо благодарю за радушный прием и выражая от имени байдарочников уверенность, что наша встреча будет служить дальнейшему укреплению дружбы братских народов. Говорю о том, что только благодаря торжеству ленинской национальной политики к расцвету экономики и культуры пришли народы Северного Кавказа.

Рассказываю о достижениях колхозников орденоносной Кабардино-Балкарии, о героях труда, о знатной Биле Мисостишховой и покорительнице воздушного океана пилоте и парашютистке Ане Маремуковой, о нашем Бетале...».

В рапорте об итогах похода, подписанным А. В. Маревичевым и М. П. Геллисом, подчеркивается, что студенты, воспитанники ленинского комсомола, не только с честью выдержали серьезное испытание на физическую выносливость, но и, проявив высокую дисциплину, зарекомендовали себя патриотами, готовыми к труду и обороне социалистической Родины.

И когда над нашей страной нависла грозная опасность фашистского порабощения братья Геллисы, как и многие их воспитанники, с оружием в руках стали в ряды защитников ее независимости.

Капитон Петрович командовал пулеметной ротой 250-го гвардейского полка 83-й гвардейской

стрелковой дивизии, громившей немецко-фашистских захватчиков на землях Белоруссии. В конце декабря 1943 года в районе деревни Гороватка Витебской области офицер Геллис К. П. пал смертью храбрых в жестоком бою.

Участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны и Михаил Петрович. Был ранен. Награжден. После войны учителяствовал в Московской области. Сейчас пенсионер. Вспоминая время работы в Нальчике, он пишет: «Быть может, потому, что лучшие годы связаны с работой в Кабардино-Балкарии, моему сердцу до сих пор милья ледяные падахи вершин Центрального Кавказа, неповторимые по красоте горные ущелья, величественные ледники, шумливые, с крутым нравом стекающие с них реки и, конечно, люди: гостеприимные и радушные, гордые и внимательные, чуткие в горе и в радости, старательные ученики моей педагогической юности и друзья по работе, общественной деятельности и походам...».

3. ДЕВЯТЬ ОТВАЖНЫХ

В октябре 1937 года ряд центральных газет и наша «Социалистическая Кабардино-Балкария» опубликовали материалы ТАСС и специальных корреспондентов под заголовками: «Блестяще завершен поход на байдарках», «Встреча в Москве отважных спортсменов Кабардино-Балкарии», «Из Нальчика в Москву», «Девять отважных» и другие.

Участникам похода в Москву было послано приветствие обкома ВКП(б) и исполкома КБАССР, в котором говорилось: «Грудящиеся республики гордятся вашей победой, возможной только в нашей

великой стране, идущей под руководством партии от победы к победе».

Желание сделать достойный подарок приближающейся XX годовщине Великого Октября и совершив нечто подобное подвигу советских летчиков, успешно осуществивших беспосадочные перелеты через Северный полюс в Америку, привело комсомольцев Кабардино-Балкарского пединститута и педрабфака к мысли пройти на байдарках в столицу Родины — Москву. Решение студентов было одобрено и поддержано республиканскими физкультурными, комсомольскими и партийными организациями.

Организатором и душой похода стал Алексей Владимирович Маревичев, страстный любитель туризма, работавший тогда председателем республиканского комитета физкультуры и спорта. В походе на него возлагались обязанности лоцмана.

В день старта, 18 июля 1937 года, газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» опубликовала статью А. В. Маревичева «В Москву — на байдарках», которая знакомила читателей с маршрутом похода и его участниками. «Командор похода, — говорилось в ней, — комсомолец Чеченов Жамал — студент пединститута. Энергию, смелость, ловкость Жамала хорошо знают участники прошлогоднего похода (КБАССР—Махачкала). И он по праву теперь возглавляет поход».

Находчивый и выдержаный участник первого похода учитель Солдатской средней школы Георгий Пелихов был назначен политруком группы.

В числе участников семнадцатилетние учащаяся национального театра при Дворце пионеров, одна из лучших физкультурниц республики Маржан Шинахова и слушатель педрабфака Алексей

Щвец; на год-два старше их были студенты пединститута Шис Бленаов и Грант Оганьянц, педрабфаковец, отличный спортсмен Владимир Тараканов. Девятым участником похода стал оператор Ростовской кинофабрики Асланбек Каиров.

Девятка смельчаков из Нальчика на байдарках собственной конструкции преодолела за 86 дней похода около пяти тысяч километров водного пути по несудоходным горным рекам Урвани и Баксану, бурным Малке и Тереку, северо-западной глади Каспия и великой Волге.

Поход явился серьезным испытанием не только физических, но и духовных сил участников. Ведь некоторым из них впервые пришлось выйти в открытое море на легких байдарках, выдержав серьезный экзамен по настоящему водному слалому в ревущих потоках горных рек, борясь с водоворотами в устье Терека и штормом на Волге. В том месте, где Волга образует Самарскую луку, байдарочники впервые вынуждены были для сокращения маршрута четыре километра нести лодки на себе.

Несмотря на все трудности похода, юные спортсмены из Кабардино-Балкарии с честью выдержали экзамен, закалились и окрепли.

12 октября 1937 года тысячи трудящихся столицы заполнили гранитные трибуны Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Здесь — физкультурники спортивных обществ столицы, рабочие московских заводов и фабрик, наши земляки — студенты театрального училища, представители Всесоюзного и Московского комитетов по делам физкультуры и спорта, секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Б. Э. Калмыков.

В сопровождении флотилии гребных и моторных лодок к причалу подходит пять байдарок, и

под овации встречающих на землю столицы вступают посланцы Кабардино-Балкарии. Начинается митинг.

Прошли годы. Как же сложились судьбы участников похода?

Маржан Фицевна Шинахова сейчас работает культпросветработником в доме отдыха «Заря» в Долинске.

— Никогда не забудутся дни, связанные с походом,— рассказывает она.— Скрывать нечего, очень трудно было в нем. Но он памятен, главным образом, массой интересных впечатлений, встреч и знакомств. До сих пор вспоминаются добрые напутствия рыбаков Дагестана, провожавших нас в нелегкое плавание по Каспию. От Астрахани и до самой Москвы в маленьких и больших населенных пунктах нас так тепло и радушно встречали, что сил прибывало. Мои друзья по походу были настоящими героями. Сейчас уже нет с нами А. В. Маревичева. С большой теплотой вспоминают его многочисленные ученики за то, что он многое делал по воспитанию у них страсти к физкультуре и путешествиям, любви к родному краю.

После похода Владимир Тараканов и Алексей Швец решили навсегда посвятить себя физкультуре. Начинавший учиться в нашем пединституте, Владимир Тараканов в 1942 году был зачислен студентом Ленинградского орденов Ленина и Красного Знамени института им. Лесгафта, оказавшегося в годы войны в Нальчике. После его успешного окончания Владимир Иванович Тараканов получил направление на работу в Кабардино-Балкарский пединститут. Сейчас он трудится на Украине, являясь ведущим преподавателем кафедры физвоспитания Черкасского пединститута.

Одним из лучших преподавателей физоспитания в Нальчике и одним из любимых учителей у учащихся нальчикской средней школы № 17 является Алексей Федотович Швец. Путь его к работе в школе лежал через Ленинградский техникум физкультуры. Вот что рассказывалось в корреспонденции М. Ланского «Школа силы и мужества» на страницах «Ленинградской правды» 6 июля 1940 года:

«Попав в техникум, Алексей нашел полное осуществление своих желаний. Его увлечение физкультурой вошло в русло систематической учебы, всестороннего и гармоничного развития. Он изучал на практике различные стили ходьбы на лыжах, работал на брусьях, учился метко стрелять из разных положений, метал гранату и копье, переплывал бассейн, держа винтовку над головой, преодолевал прелестия, знакомился с тактикой и топографией.

В дни боев с белофиннами, когда великий город Ленина самоотверженно помогал Красной Армии громить врага, тридцать лучших студентов техникума отправились добровольцами на фронт. Им не нужно было никакой предварительной подготовки. Они шли, в совершенстве владея лыжами и винтовкой, гранатой и компасом. Уже через несколько дней они встретили лицом к лицу коварного врага...»

Алексей Швец и его товарищи мужественно переносили и свирепые морозы, и бессонные ночи, и дальние переходы по глубоким снегам. Они участвовали в боях и всюду заслуживали высокую оценку командования. Вместе с ними выдержал серьезный экзамен перед страной весь техникум».

20 марта 1940 года трудящиеся Ленинграда тепло встречали бойцов-лыжников, доблестно сражавшихся на Карельском перешейке, а еще через

несколько дней Алексей Швец со своими боевыми товарищами из 63-го отдельного добровольческого лыжного батальона был на приеме, организованном в их честь Ленинградским комитетом физкультуры и клубом мастеров спорта.

Не знал тогда Швец, что на Карельском перешейке его друг по походу Шис Бленаов, заместитель политрука роты 217-го стрелкового полка, находился почти рядом с ним, штурмую линию Маннергейма. За проявленную храбрость и умение решать сложные задачи в боевой обстановке Шис был рекомендован командованием для учебы в военном училище.

Старшему брату Хазраилу, проходившему срочную службу в армии на Дальнем Востоке, Шис писал: «Пока жизнь моя состоит из одной учебы. Школа, педрабфак, институт, училище. Пора бы уже на деле проявить свои силы». Грянула Великая Отечественная война, и вскоре выпускник военно-политического училища, политрук Шис Муготович Бленаов получил направление в действующую армию и принял участие в ряде боевых операций 933-го стрелкового полка. К сожалению, ни в одном из его писем с фронта матери и брату нет ни одного слова о боевых делах, об опасностях фронтовой жизни.

— Брату моему,— рассказывает Х. М. Бленаов, теперь шофер автотранспортной конторы «Каббалпотребсоюз»,— повезло на хороших друзей и наставников. Из хилого, болезненного и застенчивого мальчика вырос крепкий и мужественный воин. Он очень любил спорт. Участвовал в лыжных походах, в двух байдарочных переходах, в велопробегах. Очень гордился полученным за поход в Москву в награду велосипедом. С фронта чаще ли

сал матери, чем мне. В его письмах больше было тревоги и заботы о матери, чем рассказов о фронтовых дела. В начале лета 1942 года из госпиталя города Беломорска пришло письмо. Первая часть его была написана рукой Шиса, а вторая — незнакомым почерком. Шис писал, что в тяжелом бою он получил ранение, но просил не беспокоиться о том, что он в госпитале. Видно, сил ему не хватило. Письмо дописывала медсестра. Ранение оказалось столь серьезным, что и сложная операция по ампутации обеих ног и все попытки спасти Шиса были безуспешными. Вскоре пришло извещение о его смерти в госпитале.

Выпускник техникума кинематографии А. Д. Каиров внес большой вклад в создание документальных лент о Кабардино-Балкарии. Только за десять послевоенных лет им было снято более тридцати киноочерков об успехах в экономическом и культурном строительстве нашей республики.

В годы Великой Отечественной войны с кино камерой и автоматом Асланбек Дзодзамович прошел многие километры фронтовых дорог. Будучи в 37-й Армии, он принимал участие в обороне Кавказа и изгнании немецко-фашистских захватчиков с территории Кабардино-Балкарии. Созданный им в 1942 году фильм «Битва за Кавказ» — убедительный рассказ о доблести и героизме защитников этого края.

Как военному оператору А. Д. Каирову довелось выполнять ряд особых поручений командования. Он снимал боевые операции авиационного полка «Нормандия—Неман», Чехословацкого корпуса, некоторых подразделений партизанских соединений.

В послевоенные годы кинооператор побывал в

борющемся Вьетнаме и ряде социалистических стран. Сейчас Асланбек Дзодзамович Каиров, кавалер пяти правительственные наград, отличник кинематографии СССР, работает оператором Центральной ордена Красной Звезды студии научно-популярных и учебных фильмов в Москве.

За большие заслуги в развитии культуры нашей республики Указом Президиума Верховного Совета КБАССР от 22 января 1973 года ему присвоено звание заслуженного работника культуры Кабардино-Балкарской АССР.

В 1939 году студент второго курса литературного факультета педагогического института Жамал Чеченов по комсомольскому призыву был направлен в авиационное училище. Учеба шла успешно, но закончить полный курс училища помешала война. Слушателей группы Жамала определили на должности младших командиров в одну из авиационных частей, которая, вопреки желаниям курсантов, была направлена не на фронт, а на Дальний Восток. Его попытки попасть в действующую армию успехом не увенчались. Требовалось охранять небо и на восточных рубежах Родины. Здесь он принимал участие в разгроме империалистической Японии.

Все годы службы в армии Чеченов не забывал о юношеском увлечении физкультурой. Поэтому, когда пришла пора увольнения в запас, он с радостью принял предложение о работе в аппарате Ставропольского краевого комитета по делам физкультуры и спорта, а позже — директором стадиона в городе Ессентуки. В настоящее время Жамал Шахарович — председатель городского комитета физкультуры.

Будучи как-то в Ессентуках, я разыскал Жамала Шахаровича Чеченова. Меня встретил мужчина,

хорошо сохранивший военную выпрямку и довольно стройный для своих лет, хотя годы посеребрили его пышную шевелюру и нанесли заметную паутину морщин на лицо. Чувствовалась многолетняя дружба с физкультурой и в его осанке, и в каждом жесте, и в той легкости, с которой он перемещался по комнате.

Когда я изложил цель своего визита, Жамал Шахарович быстро воскресил в своей памяти эпизоды тридцатипятилетней давности, рассказал о тех встречах, которые состоялись с друзьями походу после войны, посетовал на то, что никому так и не удалось что-либо выяснить о судьбе Георгия Пелихова, и поинтересовался, что известно мне о его друзьях.

К сожалению, при встрече с Чеченовым и мне ничего не было известно о том, как сложилась судьба политрука похода. Несколько позже пришло письмо от председателя исполкома Солдатского станичного Совета депутатов трудящихся Н. С. Герасименко, который сообщил, что Пелихов Георгий Николаевич действительно работал учителем Солдатской средней школы в 1937/38 г. В 1938 году был призван в ряды РККА и направлен в авиационное училище. В 1940 году служил в авиационной части в Красноярском крае. Незадолго до начала войны лейтенант Г. Н. Пелихов отправил жену Любовь Павловну к родителям в станицу Солдатскую. Всего одно письмо получила она от мужа. Позднее из части, где служил летчик Г. Н. Пелихов, пришло извещение, что экипаж бомбардировщика, на котором он летал, в самом начале войны не вернулся с боевого задания на свою базу.

Когда состоялась обстоятельная обоюдная информация, Жамал Шахарович познакомил меня с

бережно хранившимися у него все эти годы вырезками из газет, фотографиями и документами, связанными с походом. Мое внимание привлек экземпляр выписки из протокола постановления Президиума Исполнительного Комитета Советов КБАССР от 23 октября 1937 года «О награждении участников байдарочного похода имени XX-летия Октябрьской революции по маршруту Кабардино-Балкарская АССР — Москва». Вот что, в частности, в этом документе говорится:

«...1. За проявленные во время похода мужество, отвагу и выносливость... командора похода Чеченова Жамала, политрука Пелихова Георгия, лоцмана похода Маревичева Алексея, байдарочников Бленаова Шиса, Оганьянца Гранта, Тараканова Владимира, Швеца Алексея, Шинахову Маржан наградить денежной наградой по 500 рублей каждого, а кинооператора Каирова Асланбека, сумевшего в трудных условиях успешно заснять на кинопленку все этапы байдарочного похода, наградить денежной наградой в 1000 рублей.

2. Возбудить ходатайство перед правительством Союза ССР о награждении участников байдарочного похода имени XX-летия Октябрьской революции правительской наградой»*.

* * *

Осенью 1973 года киносъемочная бригада студии «Центрнаучфильм» во главе с кинооператором А. Д. Каировым вела съемки в колхозе коммунистического труда «Красная нива» и в зверосовхозе «Майский» Майского района нашей республики.

* Фотокопия. Архив вуза.

Так случилось, что в первый же день приезда бригады мне удалось увидеться и поговорить с Каировым. О нашей беседе я рассказал работникам республиканского телевидения, и по инициативе редакции молодежных передач в канун 56-й годовщины Великого Октября была организована встреча участников байдарочного похода, на которую из пяти оставшихся в живых байдарочников прибыли четверо — Маржан Шинахова, Алексей Швец, Жамал Чеченов и Асланбек Каиров. Был приглашен также брат Шиса — Хазраил Муготович Бленаов.

Радостной, очень трогательной и незабываемой была эта встреча. Участники ее, не стесняясь слез, прямо в студии поведали о том, как сложились их судьбы, какую роль сыграл в их жизни поход, как пригодились впоследствии навыки, приобретенные в нем. Они были единодушны в том, что секрет успеха в выпавшем на их долю серьезнейшем и почетном испытании заключался, главным образом, в высоком чувстве коллективизма, патриотизма, в спаянности, стремлении преодолеть все трудности и оправдать доверие трудящихся республики, пославших их на этот спортивный подвиг.

Участники похода на одной из заставок к передаче остались свои автографы и подарили ее в память об этой встрече редакции молодежных передач республиканского телевидения.

4. ФРОНТОВЫЕ ВСТРЕЧИ

В конце ноября 1942 года 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус из района севернее Моздока через прикаспийские буруны перешел в наступление и, овладев хутором Беленкови-

чи, начал штурм Ага-Батыря — мощного узла сопротивления противника*.

Отсюда, от предгорий Кавказа, боевой путь корпуса пролег через земли Ставрополья, через донские и украинские степи. За образцовое выполнение боевых заданий командования, за беззаветное мужество личного состава и проявленный в боях массовый геройизм на пути от Терека до Кальмиуса 11-я и 12-я гвардейские Донские кавалерийские дивизии корпуса были награждены орденами Красного Знамени.

И всюду, где всего жарче разгорались схватки, в боевых порядках 39-го кавалерийского полка всегда казаки видели отважного комсорга полка, получившего боевое крещение еще в 115-й кавдивизии, сталинского стипендиата нашего пединститута Сарби Черкесова.

Весной 1943 года, после восьмимесячных непрерывных боев, приказом командования Южного фронта корпус был выведен в резерв на доформирование и пополнение людьми и техникой. Казаки и казачки Дона, собрав свыше 15 миллионов рублей, внесли их на строительство танковой колонны и просили передать ее 5-му Донскому кавкорпусу. Просьба эта была удовлетворена. А вскоре среди частей усиления, прибывших в корпус, оказался в 71-й танковый полк «Донской казак», вошедший в состав 11-й дивизии.

Так командир танкового взвода 71-го полка старший лейтенант Г. А. Оганьяնц начал свой боевой путь в казачьем кавалерийском корпусе.

7 сентября 1943 года приказом по Южному

* См.: «Баллада о Донском крае». Ростов н/Д, 1970 стр. 111.

фронту 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус вводился в прорыв на Кальмиусском укрепленном рубеже вслед за 11-м танковым корпусом. Кавалеристы должны были перехватить важную железнодорожную магистраль Мариуполь—Донецк и овладеть городом Волновахой — крупным узлом железных и грунтовых дорог.

8 сентября оборона немецко-фашистских войск на реке Кальмиус была прорвана на всю глубину. Но на подступах к Волновахе наши войска натолкнулись на яростное сопротивление противника. Гитлеровское командование стянуло к этому узлу обороны крупные силы пехоты, танков и артиллерии, опоясало город системой инженерных коммуникаций, проволочными заграждениями и минными полями. Главный удар по овладению городом наносила 11-я гвардейская кавдивизия, поддержанная 71-м танковым полком.

Взвод старшего лейтенанта Оганьяница был направлен в полосу наступления 39-го полка. Казаки, воодушевленные поддержкой танков, ринулись на укрепления противника. Но кинжалный огонь одного из дотов на фланге прижал их к земле. Танки оторвались от цепи атакующих, и один из них направился к пулеметному гнезду, но не достиг его — снаряд вражеского противотанкового орудия повредил гусеницу. Танк стал неподвижной мишенью, поэтому по приказу командира экипаж оставил его и укрылся в воронках.

Вторая машина, сделав маневр в сторону от орудия, имитируя попытку уйти от огня, вдруг на полном ходу пересекла окопы противника и с фланга выскочила к орудийному дворику, гусеницами раздавила орудие и разметала прислугу. А когда танкисты подавили пулеметное гнездо, казачья

цепь вновь поднялась в атаку и овладела первой линией вражеской обороны.

В самый разгар атаки на наступающие цепи наших бойцов обрушила бомбовый удар группа «юнкерсов». Танкисты вынуждены были оставить машины и укрыться в ближайших воронках.

— Осторожнее, не видишь человека! — перекрывая гул бомбёжки, крикнул Черкесов, оказавшийся в одной из воронок, удобнее укладывая раненого офицера, которого он привнес сюда.

— Вижу, потому и прикрываю! — озорно ответил находившийся здесь танкист.

И как только взгляды их скрестились, каждый понял, что мир тесен. Надо же было угодить в одну воронку на таком большом фронте двум товарищам по учебе в пединституте Гранту Оганьянцу и Сарби Черкесову?!

— Радость встречи была так велика, — рассказывает Сарби Маштаевич Черкесов, — что мы на мгновение даже забыли о грозящей обоим смертельной опасности.

9 сентября наша дивизия овладела Волновахой и ей было присвоено звание Волновахской. А вскоре я проводил Гранта на одно из ответственных боевых заданий.

...В полосе наступления нашей дивизии противник начал сосредоточение больших сил пехоты, артиллерии и механизированных войск. Видимо, готовился к контрудару. Требовалось провести разведку боем, захватить «языка», уточнить данные скоплений войск и внести коррективы в план дальнейшего наступления.

Для выполнения этого задания выбор пал на взвод старшего лейтенанта Оганьянца. Зная, что на левом фланге наших войск местность заболоч-

на, мелкими островками встречается редколесье, противник меньше всего ждет прорыва на этом участке и не укрепляет его. Оганьянц решил именно здесь выйти в тыл вражеским войскам. Его план был прост. В момент имитации наступления на правом фланге он со своими танкистами форсирует болото и выйдет к лесному массиву, прикрывающему главную магистраль, по которой идет подтягивание резервов к фронту. Там организуется засада до появления транспорта противника, и если его удастся захватить и разгромить, то задача будет решена.

Разведав брод, Грант повел танкистов на задание, когда на правом фланге наши войска сделали видимость перехода в наступление. И как только танки достигли леска и скрылись в нем, высланный дозор сообщил, что по лесной дороге движется вражеская колонна, в которой несколько тягачей с орудиями на прицепе, пять или шесть машин с боеприпасами, одна легковая машина, бронетранспортер и две машины с пехотой.

Было решено атаковать врага с двух направлений. Один танк должен разгромить голову колонны и не дать развернуть противнику орудия, а командирская машина — уничтожить бронетранспортер, рассеять пехоту и захватить «языка». Танкисты блестяще провели операцию и овладели важными штабными документами и «языком».

Все участники разведки были отмечены правительственные наградами. Первый орден — орден Отечественной войны II степени засиял на груди моего друга Гранта Оганьянца...

О второй встрече на дорогах войны поведал ныне старший преподаватель кафедры общей физики КБГУ Аскерхан Хажимурзович Хагабанов.

— В марте 1944 года после окончательного разгрома Корсунь-Шевченковской группировки противника наш корпус получил приказ передислоцироваться из района западнее Звенигородки в сторону ушедшего вперед фронта. Артиллерийская батарея, в которой я служил, после ночного марша по весенней распутьице подходила к небольшой речке на рассвете, и, хотя мы двигались много часов, я, к своему удивлению, обнаружил, что от деревни, откуда начался наш марш, уйти далеко нам не удалось. Утром стало видно, что дорожная колея превращена в месиво танковыми гусеницами, и все это затруднило наше продвижение.

На отлогом берегу речки, в стороне от дороги, стояли танки, а ближе к переправе группа танкистов уточняла с каким-то общевойсковым командиром маршрут дальнейшего движения.

Измотанный трудным ночных переходом, , лишь скользнул беглым взглядом по лицам танкистов и пришпорил коня, чтобы быстрее спуститься к реке. Вдруг из группы раздался окрик: «Слушай казак! Далеко путь держишь?».

Я понял, что он адресован мне. Да и голос показался знакомым и даже по-кавказски родным. Не оглядываясь, я свернул на обочину, спрыгнул с лошади и через мгновение оказался в крепких объятиях стройного, высокого танкиста.

— Грант! — воскликнул я, когда ослабл объятия. — Какими судьбами?

— Как видишь, я! — ответил он и, разворачивая меня за плечи лицом к друзьям-танкистам объявил: — Разрешите представить вам моего друга Аскерхана из солнечной Кабардино-Балкарии доложить, что мы не просто земляки, мы однокашники. В одном институте учились!

Каждый, кому довелось испытать радость встречи с другом в годы войны, знает ей цену. Поэтому, отложив свои дела по маршруту, танкисты искренне трясли мою руку и от всей души приглашали отведать с ними хлеб-соль. Чувствуя, что все это помешает нам поговорить, Грант, широким жестом как бы отгораживаясь от однополчан и обнимая другой за плечи, увлек меня ближе к переправе.

После первых объятий и восклицаний, понятных только случайно встретившимся на дорогах войны старым друзьям, начались обоюдные расспросы. И тут только мы узнали, что давно уже воюем в одном корпусе. Невольно вспомнилось, что кто-то из наших пединститутских мне говорил, что Грант мечтал или даже служил в летной части. Улучив момент, я спросил:

— Насколько мне известно, ты готовился стать летчиком или даже был им. Почему же сейчас танкист?

— Я уверен,— с присущим ему юмором ответил мой собеседник,— что ты тоже не думал стать лихим донским казаком? Мечта мечтой. А вот когда дела коснулись, то мечта ушла куда-то в сторону. На танке скорости не те, что у самолета, но врага можно бить с неменьшим успехом, чем в воздухе.

Глаза его, излучавшие тепло и радостно горевшие в момент встречи, вдруг налились холодом, как только он вспомнил о противнике. И я почему-то подумал, что не зря все мы в студенческие годы, чуть-чуть влюбленные в Гранта и немножко ему завидовавшие, считали, что он обязательно станет героем.

Мы быстро обменялись информацией об известных нам фактах из жизни Нальчика и нальчан, вспомнили почти всех, с кем учились, погоревали о

том, что война вырвала из наших рядов многих товарищей по учебе и, так как у неправды долго задерживаться было нельзя, то, условившись писать друг другу, тепло расстались.

5. СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ ГЕРОЯ

Знакомство их состоялось на одном из студенческих вечеров. Трудно сказать, почему скромно прижавшаяся у выхода из актового зала института первокурсница Лена Сухарева удостоилась внимания всеобщего любимца, бессеменного ведущего студенческих концертов художественной самодеятельности, кумира болельщиков спорта Гранта Оганянца. Наверное, невольное восхищение этим незаурядным парнем, светившееся в ее глазах, выдало глубоко спрятанное желание остановить его, заговорить с ним, высказать сокровенное.

Как будто угадав ее мысли, Грант, потесни друзей в одном из ближайших рядов зала, пригласил Лену сесть рядом с собой. Разговор шел об этом: об институтских делах, о последнем успешном выступлении волейбольной команды, о том, что предстоит практика и что Грант с Женей Воронковым хотят попасть к Игорю (Игорь Николаевич Тимонов — учитель химии средней школы № 1 г. Наличика). Лена не заметила, как увлекла ее беседа и когда кончился вечер, уже на разных правах с друзьями друзьями Гранта, отправилась к студенческому общежитию.

— Прошли годы, — рассказывает учительницы одной из средних школ города Жданова Елена Дмитриевна Сухарева, — но до сих пор в памя-

моей сохранились те счастливые часы и минуты, проведенные рядом с Грантом. Это был удивительный человек. Он не мог жить без коллектива. Мне редко удавалось видеть Гранта в одиночестве. Всегда его окружали ребята: и во время учебных занятий, и в перерывах, и в студенческом общежитии, и на спортивной площадке. Там, где был Грант, было всегда весело и оживленно. Времени своего он не щадил. Оно у него уходило на учебу, общественные дела, на заботу о друзьях, на тысячи разных дел.

Однажды с группой товарищей глубокой осенью мы пошли к треку (озеро в парке). Купающихся не было. Грант, обратившись ко мне, сказал:

— Лена, хочешь, я покажу тебе свой стиль плавания?

Я пыталась возразить. Мне казалось, что в воду уже страшно забираться. Но Грант, к немому восторгу друзей, сбросив одежду, нырнул и очень быстро достиг середины озера. Его попытки привлечь нас искупаться не имели успеха. До сих пор я отчетливо помню, как, выйдя из воды и пытаясь согреться, Грант сделал несколько головокружительных акробатических прыжков и застыл у крутого обрыва над речкой. Его стройная фигура напоминала статую. Не любоваться им было нельзя.

С Грантом было хорошо. Он обладал выдержкой и тактом, умел себя достойно вести в любой ситуации, умел постоять за себя и друзей, был неизвяжич и горд. Не помню случая, чтобы он сказал мне обидное слово.

В 1940 году он окончил институт и был призван в армию. С этого времени и до последних дней я

получала от него письма. Выдержки из них могут рассказать о нем многое.

Город Береза Брестской области. Полковая школа.

Сентябрь 1940 года.

«...Сегодня получил первое «боевое» крещение. Был в гарнизонном карауле. 5-го на стрельбище в упражнении из винтовки выбил 30 очков из 30 возможных. На «отлично» выполнил упражнение в стрельбе из пулемета. В общем, служба идет хорошо...».

«...Выходной день начался с боевой тревоги. Без привычки было трудно, пришлось в полном снаряжении совершить марш-бросок на 12 км. К несчастью, моросил мелкий противный дождь. Нашему отделению пришлось особенно трудно, так как марш-бросок совершали мы со станковым пулеметом. Несмотря на это, отделение из новичков с высшим образованием не отстало...».

«...Пишу из Брест-Литовска. Сюда приехал на легкоатлетические соревнования... С радостью получил твое последнее письмо и с удовольствием смотрю присланные тобой снимки. Вижу родные горы, лес, парк. В памяти всплывают Нальчик и тысячи воспоминаний, связанных с ним...».

28/XI 1940 года. «...О своих успехах. Сейчас абсолютно нет свободного времени, так как сдаем по два предмета каждый день. А перед сдачей надо перечитать уставы и наставления по тем дисциплинам, которые сдаем. Как ни говори, годичную программу за два месяца в школе нелегко пройти... Я пока сдаю все предметы на 4 и 5...

Через три дня кончу школу, и обмотки придется сдать, а привык все-таки к ним...».

«...Сегодня оставляю стены полковой школы.

Окончил ее отлично. Получил направление в разведывательный взвод...».

Смоленск, Военно-политическое училище.

21/II 1941 года. «Я командир отделения. После тренировки в метании гранаты лыжная вылазка в полном боевом. Винтовка, противогаз, скатка (шиньель), ранец, подсумки, лопата — вот неполный перечень снаряжения. Уложился вовремя. А ведь надо пройти с грузом в 31 кг 10 км за час пятнадцать минут. Какой аппетит после этого!..».

8/V 1941 года. «...Второй курс выпускают досрочно к 30 мая. На очереди мы — первокурсники».

Энгельс. 12/VIII 1941 года. «...Мы не на фронте. Говорят, надо доучиться...».

Саратов. 4/I 1942 года. «..Ты считаешь, что я уже давно воюю. Увы, еще буду здесь... два месяца... Я даже не помню такого дня, чтобы не думать о том, что творится на фронте...».

22/I 1942 года. «..Последние дни у нас в Саратове стоят большие морозы. Сегодня —41°, да еще с ветром...».

26/I 1942 года. «...Говорят, в марте нас выпускят. Скорее бы...».

18/II 1942 года. «...Скоро придется оставить стены училища.

Вчера второй раз смотрел «Анну Каренину» в постановке московских артистов. Этот спектакль можно смотреть и смотреть. Сегодня вечер, посвященный Станиславскому...».

24/II 1942 года. «...Нас снова задержали в училище. Я уже ничего не понимаю. Сегодня подал рапорт, чтобы меня отправили в любой род войск, только бы не сидеть здесь, в тылу...».

— Весной 1942 года,— рассказывает Елена Дмитриевна,— Грант после окончания училища по-

лучил направление на должность комиссара авиационной эскадрильи авиа части, которая базировалась в Буденновске. Однажды во время занятий по физподготовке ко мне подошел мальчик и вручил записку: «Лена! Я здесь, рядом! Грант». Не помню уже, как я прошла эти несколько метров. Передо мной стоял стройный офицер, возмужавший, но все такой же, каким был в студенческие годы, Рантик.

— Получил краткосрочный отпуск,— щелкнув каблуками и взяв под козырек, по-военному доложил он,— чтобы забрать тебя в Буденновск!

— Меня? Сейчас? — удивилась я.

Шла война, ежедневно уносившая тысячи жизней. Казалось целевым вести разговор о женитьбе. И все-таки Грант меня убедил. Свадьба была скромной. В зале нас провожали летчики. Они же устроили нам праздничный стол, пожертвовав своими пайками, раздобыв где-то в окрестных селах всякой снеди и наловив свежей рыбы в пруду. Было очень весело, хотя многие из участников свадебного обеда знали, что в любую минуту их ждет боевое задание.

До начала августа жили мы с Грантом на квартире у одной старушки, которая привязалась к нему как к сыну. С каждым днем обстановка на Южном фронте все более осложнялась. Получив разрешение от командования, Грант проводил меня в родным в Ессентуки и отбыл вместе с частью на юг. На какое-то время связь наша прервалась. Потом снова пошли письма.

Действующая армия. 12/1 1943 года. «...Выехав в августе из Ессентуков, я попал на курсы переподготовки в Тбилиси. Из авиации пришлось пересесть на танк. Проучился около трех месяцев и был направлен сначала в район Баку, затем на побережье

Черного моря, где нахожусь и сейчас... Очень волнуюсь о вас...».

После окончания краткосрочных курсов командного состава старший лейтенант Г. А. Оганьянц был направлен в Тамбов на должность командира взвода формируемого полка «Донской казак», вошедшего весной 1943 года в состав 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса. В этом прославленном соединении и прошел боевой путь выпускника нашего пединститута.

28/VII 1943 года. «...Отдыхаем в лесу. Уже надоело. Хочется в бой. Скорее бы на фронт».

9/X 1943 года. «...Успокаиваю себя только тем, что после каждой нашей атаки становится все меньше врагов... Сегодня получил приказ о награждении меня орденом Отечественной войны II степени. Это за осенние бои. Вчера был у меня Сарби (Сарби Маштаевич Черкесов — товарищ по учебе в институте, комсорг казачьего полка в годы войны, бывший редактор газеты «Путь к коммунизму». — В. Л.). Мы с ним в одном соединении. Только вышли из боя. Через день снова идем в бой. Погоним захватчиков дальше...».

9/XI 1943 года. «...Находимся на прежнем направлении. Здесь остается добить небольшую группировку, чтобы двинуться дальше... Последнее время удается на танке пробиться в самую гущу обороны противника и хорошо видеть их обезумевшие от страха лица. До того впадают в панику, что стрелять прекращают. Я даже осмелился, высунувшись из башни танка, дать очередь из автомата. Разбегаются, подняв руки. Куда девалась фашистская спесь...».

13/XI 1943 года. «...Пока остаюсь неуязвимым для снарядов противника... Меня всюду преследует

удача. Нередко... на моей машине не меньше десятка следов от снарядов, но они не для меня...».

«...Итак, можно считать, что немца с этого берега Днепра изгнали окончательно. В последних боях взяли много пленных, вооружения, трофеев, еще больше потопили в Днепре. В самой последней атаке пришлось попасть в переплет. Но выручили мои орлы. А когда бой был окончен, то на моем танке ребята насчитали 14 попаданий и гусеница еле держалась. Видимо, не зря называют меня «счастливчиком» и «неуязвимым».

Сейчас вышли на отдых. Расположились в хорошем месте. Справа — Днепр, слева — море. Как на курорте. Был у меня Сарби. Чувствую себя прекрасно. Выспался за целых 2—3 недели. Ведь иной раз по двое суток преследовали противника без отдыха».

12/XII 1943 года. «...Все это кончится, когда последний фашист встанет на колени. И это будет. Рано или поздно, но будет! Обо мне не беспокойтесь. Я буду жить и воевать «всем смертям назло». Крепись, родная. Голову выше. Не теряй надежды на будущее. Оно будет очень красивым...».

13/I 1944 года. «...Пишу с Днепропетровщины. Скоро опять встречи с ненавистным противником. Вот сволочи, всю Правобережную разрушили. Проходим населенные пункты, где даже курятники сожжены или взорваны».

14/II 1944 года. «Здравствуй, милая Леночка! Я несколько дней не писал тебе. Были горячие бои. Уничтожаем врага на правом берегу. Сопротивляется он упорно. Стремится вырваться из окружения. Но мы скоро покончим с этой нечистью... Сарби передает казачий привет».

21/II 1944 года. «...Наконец-то немного передох-

ием. Все эти дни пришлось принимать участие в разгроме и уничтожении окруженной группировки. Иной раз стволы у орудий накалялись добела... Здесь, в районе Шполы и Звенигородки, немцам сделали маленький Сталинград. Тысячами выходили они навстречу нашим войскам с поднятыми руками и хором кричали «капут».

26/V 1944 года. «...Пишу в землянке под грохот орудий и вой пролетающих снарядов. Сюда доносятся четкая дробь автоматных и пулеметных очередей.

...Иду в бой. Пожелай мне удачи...».

— В августе семьдесят четвертого года,— говорит Елена Дмитриевна,— исполнилось тридцать лет со дня последнего боя Героя Советского Союза гвардии капитана Гранта Аракеловича Оганьяница. А мне все кажется, что вдруг откроется дверь, весело улыбаясь, порог перешагнет Грант и скажет: «Вот я и прибыл! Ведь я обещал!».

6. НАВЕЧНО В СТРОЮ

Все, началось с небольшой заметки майора Х. Сиджаха «Руками солдатских умельцев», опубликованной 16 февраля 1972 года в газете «Красная звезда». В ней говорилось, что Герои Советского Союза гвардии, капитан Г. Оганьянц, гвардии старший сержант П. Кузнецов и гвардии сержант А. Иринин приказом министра обороны СССР навечно зачислены в списки Н-ской гвардейской части. На территории военного городка руками солдатских умельцев под руководством сержанта Лауэра и майора Шутенкова им воздвигнуты памятники.

У наших следопытов невольно возник вопрос: и о Гранте ли Оганьянце шла речь в этой заметке? Вместе с тем брало сомнение. А может быть, это однофамилец? Ведь из имевшихся в нашем распоряжении материалов его имя не значилось навечно зачисленным в списки части.

Были опрошены все, кто писал или собирал материалы о Герое Советского Союза гвардии капитане Гранте Аракеловиче Оганьянце, состоялись многочисленные встречи с его друзьями студенческого лет, посланы письма тем, кто располагал сведениями о его боевом пути. Даже его однополчане из Донскому казачьему корпусу А. Х. Хагабанов С. М. Черкесов не могли утверждать, что его имя навечно зачислено в списки части. Написали в редакцию «Красной звезды». Вскоре оттуда прислали адрес автора заметки майора Х. И. Сиджаха, еще через некоторое время пришло письмо и от него.

«Рад сообщить, что я действительно писал Герое Советского Союза гвардии капитане Гранте Аракеловиче Оганьянце, выпускнике вашего института, навечно зачисленном в списки части,— писал он.— Высыпаю вам фотографию памятника, воздвигнутого ему однополчанами в далекой Кяхте».

Так было получено первое подтверждение того, что в газете шла речь о нашем Гранте Оганьянце, одном из двадцати Героев Советского Союза Кабардино-Балкарии, навечно зачисленном в одну из частей Советской Армии.

А вскоре, после опубликования в газете «Кабардино-Балкарская правда» рассказа о судьбах двиняшки отважных байдарочников, совершивших беспримерный переход от предгорий Кавказа до ст-

лицы нашей Родины — Москвы, начали поступать новые материалы о Герое.

Первой откликнулась Зинаида Николаевна Маревичева, которой удалось в архиве мужа разыскать дневник политрука первого (1936 года) байдарочного похода М. П. Геллиса.

Потом пришло письмо из Кисловодска от учителя средней школы № 8 Петра Афанасьевича Чеплакова, который писал: «...Не знаю, известно ли Вам, что жена Гранта Елена Дмитриевна Сухарева также училась в нашем пединституте и теперь учительствует в городе Жданове. Ее родители и одна из сестер живут в Ессентуках».

...И вот я у Сухаревых. Небольшой приземистый домик на одной из самых оживленных магистралей Ессентуков — улице Октябрьской. Его до сих пор частенько посещают друзья Гранта и Лены. Здесь помнят Гранта студентом, выпускником института и училища, офицером Советской Армии.

— Последний раз,— вспоминает младшая сестра жены Оганьянца Евгения Дмитриевна,— Грант был в этом доме в годы войны. От его стройной, в строгой армейской форме, фигуры веяло спокойствием и мужеством. Я уже не помню, по какой причине он оказался в наших краях, скорее это было связано со служебной командировкой. Но тогда мне казалось, что только необыкновенная, возвышенная любовь его и моей сестры способствовала их встрече даже в те очень трудные дни войны. О его глубоком и большом чувстве к Лене свидетельствуют почти ежедневно присылаемые ей открытки и письма с фронта. Мы знали благодаря этому о многих боях, в которых приходилось участвовать нашему Гранту. Многие письма, фотографии и вырезки из газет сохранились у сестры. Но кое-что

она передала в музей и журналистам, которые занимались сбором материалов о боевом пути гвардии капитана Г. А. Оганьянца. Летом Елена Дмитриевна намеревается побывать у нас. Я попрошу ее привезти с собой все материалы о Гранте...

Позже я встретился с Еленой Дмитриевной Старовойтой и услышал ее взволнованный рассказ о годах студенческой юности, о первых встречах с Грантом, о его друзьях, о письмах с фронта... Она прислала материалы, которые вошли в предыдущий очерк. От нее я узнал, что есть экспозиция, посвященная одиннадцати Героям Советского Союза 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в Новочеркасском музее истории донского казачества. В этой экспозиции рассказывается и о подвиге гвардии капитана Г. А. Оганьянца.

Боевому пути Донского кавалерийского корпуса посвящена книга ростовского писателя И. В. Овчиненко «Пятый Донской». И в ней не забыт под выпускника нашего пединститута.

На наш запрос в Новочеркасск очень быстро ответила заведующая отделом Советского общества Музея истории донского казачества Эмма Александровна Николаева и прислала фотокопию наградного листа, который представлялся командиром 71-го танкового полка «Донской казак» полковником Писаревым на присвоение звания Героя Советского Союза Г. А. Оганьянцу.

Из наградного листа стало известно о его последнем подвиге.

Наши войска, успешно очищавшие Советскую Буковину, летом 1944 года вели ожесточенные бои в предгорьях Карпат, преодолевая глубоко эшелонированную оборону противника.

нированную еще до начала войны оборону на старой румынско-венгерской границе.

Танковая рота гвардии капитана Гранта Оганьянца первой вырвалась к реке Серет в районе Ротунда — Ажюдень. Противник встретил танкистов мощным артиллерийским и минометным огнем. Чувствовалось, что все уязвимые места были хорошо пристреляны и находились под постоянным вниманием оборонявшихся. Командир роты, не взирая на опасность, лично разведал брод и нашел удобное место для форсирования. Прозвучала команда. Танки ринулись в воду, а за ними пошла пехота. Враг не устоял против яростной атаки советских танков и пехоты. На правом берегу был захвачен плацдарм.

Но в условиях горно-лесистой местности Карпат наступать было все труднее. На пути танкистов возникали одна преграда за другой. Хорошо замаскированные противотанковые орудия, надолбы и естественные рвы не позволяли маневрировать и развивать наступление. Особенно тяжелый бой выдержала рота гвардии капитана Оганьянца 26 августа 1944 года. Ей пришлось преодолеть долговременную оборону противника со сложными инженерными коммуникациями и заграждениями. Действуя решительно и смело, командир роты приказал огнем орудий сокрушить противотанковые заграждения и на головном танке устремился в образовавшуюся брешь, увлекая за собой танкистов и пехоту.

И снова преграда. На этот раз минное поле. Капитан вышел из танка, чтобы отыскать проходы. В этот момент рядом разорвался спаряд, смертельно ранивший его.

Воины жестоко отомстили врагу за смерть лю-

бимого командира. За пять дней боев танковая рота Оганьянца нанесла врагу тяжелые потери. Она подбила 4 танка, уничтожила 46 орудий и минометов, 90 пулеметов, 41 автомашину и более 900 солдат и офицеров противника. Рота захватила много боевой техники и пленила свыше полутора тысяч вражеских солдат и офицеров.

За проявленный героизм, доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года гвардии капитану Оганьяну Гранту Аракеловичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза*.

А потом позвонил работник треста «Нальчикгоргаз» Павел Антонович Ланин:

— Вы знаете, я недавно уволился в запас. А служить мне последнее время пришлось в том соединении, где навечно зачислен в списки части Герой Советского Союза гвардии капитан Г. А. Оганьянц. Я отправил в политотдел части все материалы, которые опубликованы были о Герое в нашей периодической печати. Уверен, там с большим интересом отнесутся к ним...

При встрече подполковник запаса П. А. Ланин рассказал:

— Воины-гвардейцы свято чтут подвиги героев-однополчан. В музее боевой славы части собран богатый материал о подвигах гвардейцев в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Особое место отведено Героям Советского Союза.

13 сентября 1966 года приказом министра обороны СССР Герой Советского Союза гвардии капитан Оганьянц навечно зачислен в списки части. В

* Архив МО СССР, оп. 793756, д. 35, л. 65.

первой роте Н-ской гвардейской танковой части стоят бюст и койка героя. Ежедневно на вечерней поверке первым называется имя участника смелого похода байдарочников, воспитанника комсомольской организации Кабардино-Балкарского пединститута Гранта Оганьянца, павшего в боевой строй...

В городе Коканде, где родился Грант, есть улица, носящая его имя.

Не забывают о нем и земляки. Решением исполнкома Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся от 21 сентября 1967 года одна из новых улиц города Нальчика в районе ипподрома названа именем Героя Советского Союза Г. А. Оганьянца.

В Черновцах, где похоронен герой, есть в краеведческом музее посвященная ему небольшая экспозиция. Среди экспонатов, представленных на ней, имеются фотографии отважных байдарочников из Кабардино-Балкарии и материалы, которые удалось разыскать о герое нашим следопытам.

II. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

I. ДВЕНАДЦАТЬ

В 1937 году состоялся первый выпуск физико-математического факультета молодого института. Дипломы об окончании вуза получили 12 выпускников: Султан Болотоков, Мухаметгери Герандоков, Мария Захарова, Гид Кабалоев, Хабиж Кумахов, Николай Нонац, Вера Омельченко, Евдокия Острянина, Хаути Сабанов, Асланби Тяжгов, Наталья Фролова и Сосаруко Хапачев. Нелегкой оказалась их судьба.

На свой первый самостоятельный урок в Первочегемской средней школе Хабиж Кумахов шел, находясь под впечатлением недавнего выпускного вечера. Декан факультета доцент А. П. Шибаев и любимый наставник заведующий кафедрой Г. Н. Нилов тепло поздравили их, выпускников факультета, и пожелали им больших успехов на ниве народного просвещения.

После обычного «Здравствуйте, ребята!» волнение улеглось. Продуманный и не раз мысленно воспроизведенный первый урок, накануне не дававший спокойно уснуть, прошел так быстро, так увлек молодого учителя, что звонок на перерыв, показалось ему, прозвучал слишком рано.

Учебные будни, педсоветы, математический кружок, общественная деятельность, должность заву-

ча — все это отнимало столько времени, что только на ноябрьские праздники он сумел вырваться в Урвань к родным. Дома с большим интересом слушали его рассказы о школе, об увлекательной профессии педагога, радовались успехам, сочувствовали неудачам и гордились тем, что их Хабиж был одним из первых в республике кабардинцев-математиков, получивших высшее образование в своем пединституте.

Война прервала так счастливо начавшую складываться жизнь. После окончания танкового училища Хабиж участвовал в ожесточенных боях за Сталинград, в разгроме окруженнной вражеской группировки. В ходе Сталинградской битвы Хабиж писал родному брату в госпиталь: «Дорогой братишка! Я очень и очень рад за то, что наши родные места освобождаются. Аккуратно слежу за сводками Совинформбюро об освобождении каждого села. Очень волнуюсь за наших родных. Живы ли они после хозяйничания оккупантов? Так хочется получить весточку из дома». Вскоре, к радости Хабижа, из Урвани пришли письма от жены Казибан и от родителей.

В мае 1943 года Хабиж снова на передовой, громит немецко-фашистских захватчиков. В первых числах июля 1943 года его часть была направлена в район села Поныри на Курской дуге.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях пишет: «Перегруппировав свои ударные танковые части, противник с утра 7 июля бросился в ожесточенную атаку на Поныри. Целый день в районе Понирей не смолкал непрерывный гул ожесточенного наземного и воздушного сраже-

ний. Враг бросал в бой все новые и новые танковые части, но ему не удавалось сломить оборону»*.

Накануне этой битвы Хабиж написал отцу письмо. Он сообщал, что дела на фронте идут все лучше, все ближе наша победа. Но письмо это пришло в Урвань, когда Хабижа уже не было в живых. Скупы слова официального извещения, но и по ним можно судить о подвиге славного воина, представителя одной из самых мирных на земле профессий — учителя. В нем говорится: «Командир роты капитан Хабиж Машевич Кумахов, верный воинской присяге, в бою за социалистическую Родину, проявив геройство и мужество, погиб 8 июля 1943 года».

* * *

В марте 1942 года завуч Хамидиевской средней школы Сосаруко Гериханович Хапачев был направлен в военное училище. В июне сорок второго года коммунист Хапачев прибыл на Западный фронт и получил назначение на должность заместителя командира роты по политчасти в одной из дивизий 16-й Армии.

В феврале 1943 года эта армия нанесла удар в направлении Брянска. В результате двухдневных ожесточенных боев удалось взломать лишь первую линию обороны противника. Дальнейшему движению препятствовала господствующая в глубине обороны противника высота с разветвленной сетью огневых точек.

* Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 484—485.

Наши войска пытались овладеть ею с помощью обходного маневра. Замполит Хапачев, взявший командование вместо убитого командира роты, несколько раз водил бойцов в атаку на высоту, но успеха добиться не удалось. Командир батальона приказал Хапачеву с группой бойцов скрыто проникнуть в тыл противника и отвлечь во время атаки часть сил на себя.

В ночь на 26 февраля бойцы во главе с Хапачевым по небольшой ложбинке проникли в тыл немцев, тихо сняли дозоры и стали оканчиваться. Вдруг пронеслось: «Внимание, фашисты!». В тыл начал отходить сменившийся гарнизон узла обороны. Немцы шли в полный рост, не ожидая засады.

— Стрельбу не открывать! — разнеслось по цели. — Подпустить поближе!

И когда враг приблизился почти вплотную, Хапачев крикнул:

— Стой! Руки вверх!

Это было так неожиданно, что почти все немцы, бросив оружие, подняли руки вверх. Около сорока пленных были отконвоированы в тыл. На рассвете атакой с двух сторон высота была взята. Наши части возобновили наступление.

Впереди полка двигались бойцы Хапачева. Противник бешено сопротивлялся. Смертью храбрых пал связной замполита сибиряк Семериков, успевший подавить огневую точку противника. Еще трое бойцов замертво упали на бруствер вражеского окопа. Атака стала ослабевать. Тогда Сосаруко Гериханович с криком: «Вперед! За Родину!» первым прыгнул во вражеский окоп и увлек за собой наступавшую цепь.

Это был последний бой, в котором участвовал

Хапачев. Получив тяжелое ранение, он надолго пал в госпиталь. Подлечившись, инвалид Отечественной войны гвардии старший лейтенант в отставке Сосаруко Гериханович Хапачев возвратился учительскому труду. Его грудь украсил орден Красной Звезды.

Сейчас Сосаруко Гериханович находится на пенсии. Но он участвует в общественной жизни. Письме следопытам университета он написал: «Имя грядущих поколений шли в бой мои одноклассники. Многим из них так и не удалось увидеть многих дней. Но не только на фронте с оружием в руках боролись мы за ваше счастье — на каждом уроке в школе стремились готовить вас к этому душему. Я счастлив, что мои товарищи по учебному институту сохранили верность долгу, верно такой нужной людям профессии учителя...».

* * *

В 1972 году мне удалось побывать в Новоивановской средней школе Майского района. С ее красным новым школьным зданием, кабинетами, залами меня знакомил учитель физики Николай Августович Нонац, тот самый Нонац, который в чи-двенадцати выпускников окончил в 1937 году физмат и получил направление в Новоивановскую среднюю школу.

— Общественность Новоивановки, — сказал директор школы Дмитрий Петрович Кабузихин в этом году отметила тридцатипятилетие работы Николая Августовича Нонаца в нашей школе. К неми врос выходец из Прибалтики в землю Кафарино-Балкарии. Сын его Владимир, выпускник Грозненского сельскохозяйственного института, являлся главным инженером колхоза «Ленинцы», а д

Татьяна, следуя примеру отца, закончила физико-математический факультет КБГУ. Николай Августович не только прекрасный педагог, труд которого отмечен рядом грамот и значком «Отличник народного просвещения», но и активный общественник.

Память Николая Августовича сохранила многие подробности студенческой жизни.

— Поступил в институт, когда он еще находился в Пятигорске,— говорил он.— На курсе нас было немного, поэтому хорошо помню каждого. Необыкновенными способностями отличался Султан Болотоков, ему все давалось с лету. Хабиж Кумахов был постарше нас, отличался большим прилежанием и, я бы сказал, особенной стеснительностью. Это служило поводом для острых на языкчик Веры Омельченко и Марии Захаровой лишний раз прокатиться по его адресу какой-нибудь колкостью.

— Приходилось ли Вам встречаться со своими однокурсниками?— задал я вопрос.

— Да. В 1943 году после освобождения республики от немецко-фашистских оккупантов видел Асланби Тяжгова. Потом удалось разыскать наших девушек. Маше Захаровой в трудные годы войны пришлось восстанавливать одну из пятигорских средних школ, а потом возглавлять коллектив этой школы. Нет уже в живых Марии Тихоновны Захаровой и Евдокии Романовны Остряниной. Погибли в годы войны, кроме Хабижа Кумахова, также Султан Болотоков и Мухаметгери Герандоков. О судьбах Хаути Сабанова и Асланби Тяжгова мне ничего неизвестно. Говорят, что в Орджоникидзе работает в одной из школ Гид Кабалоев, но я этого не знаю точно.

— Кто из ваших учеников сейчас работает селе?

— На каждом участке колхозного производства, во всех сельских учреждениях да и в самой школе работают мои ученики или ученики моих учеников.— Задумавшись на минуту, он добавил: Наверное, никто так не ощущает связи с жизнью как учитель. Ведь благодаря, главным образом, усилиям, его кропотливому и очень сложному труду формируется человек. Поэтому совершенно конечно испытываешь чувство гордости за то, что тебе доверен такой участок работы. Я счастлив, остался верен учительскому долгу. Радуюсь, что моим стопам пошло около ста питомцев нашей школы, учителями которых сейчас во многих уголках страны...

Их было двенадцать первых. По-разному сложились их судьбы. Но все они оказались достойны своей героической эпохи.

2. СПРАВКА ИЗ АРХИВА

Прошло больше года с момента опубликования в газете «Кабардино-Балкарская правда» очерка судьбах первых выпускников физико-математического факультета, когда в перерыве одного из родских совещаний ко мне подошел редактор краевого издательства «Эльбрус» Клишби Балкарский без вступлений сообщил:

— С Вашим очерком я хорошо знаком. Я вырезал его из газеты и выслал сыну одного из выпускников, о котором у Вас не было никаких сведений. Речь идет о Хаути Сабанове. Я могу кое-что помочь, но боюсь, что и те документы, которые

удастся раздобыть, не позволят узнать все о его судьбе.

Мы условились о встрече, и вскоре в руках моих оказались документы, представляющие семейную реликвию Сабановых. Сохранились диплом, выданный Кабардино-Балкарским педагогическим институтом выпускнику 1937 года Сабанову Хаути Хажибекировичу, несколько справок и пять фронтовых открыток и писем.

Из справок стало известно, что после окончания института Хаути получил направление в Шалушинскую среднюю школу, где работал до самого призыва в армию. Думал он навсегда осесть в Шалушке, поэтому с помощью родных приобрел здесь домик, обставил его и ввел в дом молодую жену Салисину.

Война смешала все планы.

Сабанов был призван в армию и с первых же дней участвовал в боевых действиях. Писем из дома он не получал. Все его попытки узнать, как обстоят дела у жены и сына, не увенчались успехом: на его послания ответы не приходили. Тогда Хаути написал своему другу Шагибану и просил помочь выяснить причины молчания. Оказалось, Салисина, не умея писать по-русски, стеснялась обращаться к кому-либо за помощью.

Шагибан помог. И одно из писем Хаути к нему Салисина сохранила вместе с фронтовыми письмами мужа.

«...Я выношу Вам,— писал в нем Хаути,— большую благодарность за то, что Вы помогли моей жене написать письмо, которое я получил четвертого августа. С получением этого письма я успокоился. Наконец-то мне удалось узнать о здоровье жены и сына...».

В открытках и письмах домой Сабанов извещен об отправленных средствах и о том, что дела идут хорошо.

16 августа в своем письме он сообщал жив и здоров... Абсолютно не беспокойся об Пожалуйста, не жалей денег... Купи себе и ку хорошую одежду и обувь. Какие новости в Лескене? Как растет наш сын?...».

В коротких открытках — трогательная о том, чтобы обеспечить самым необходимым семью, решить вопрос с домом в Шалушке. Салисине придется переезжать в Лескен к родителям и желание вырастить и воспитать сына насторожил человека.

В одном из писем он писал:

«...Оставайся навсегда Сабановой, какие общения ни приносила почта. Не верь никаким хамам и документам о том, что я не существую — не получишь от меня письма...».

В конце сентября 1941 года связь прервалась. Не дождалась Салисина Сабанова вестою мужа.

Имея фронтовой адрес Сабанова, я решил просить архив Министерства Обороны СССР о хождении службы и месте гибели младшего сына Х. Х. Сабанова. Оттуда пришла ссыпка: «Командир взвода 630 легкого артиллерийского полка 175 сд младший лейтенант Сабанов Хажибекирович, 1912 года рождения, пропал без вести на фронте Отечественной войны в 1941 г.».

Конечно, этого очень мало. Но в главном ка из архива помогла.

175-я стрелковая дивизия формировалась на территории Кабардино-Балкарии с первых

Великой Отечественной войны. В ее состав входили 560, 632 и 728-й стрелковые полки, 635-й гаубично-артиллерийский полк, 630-й легкоартиллерийский полк и 117-й отдельный противотанковый дивизион.

В первых числах июля дивизия была погружена в эшелоны и направлена на фронт. А уже в середине июля прибыла в район Киева.

В течение двух с лишним месяцев принимали участие в героической обороне Киева бойцы и офицеры дивизии. Многие из них отдали свои жизни в ожесточенных боях начала августа.

Гитлеровское командование, учитывая, что фронтальные атаки немецких войск не принесли успеха, начало готовить удар в обход Киевской группировки войск. Это создало период небольшой передышки, когда можно было укрепить оборону столицы, мобилизовать резервы, произвести передислокацию войск.

Во второй половине сентября пришел приказ о том, чтобы части, оборонявшие Киев, начали организованный отход на левый берег Днепра.

«...Несмотря на тяжелое положение, которое сложилось в боях при выходе из окружения: малочисленность людского состава, ограниченность боеприпасов, неясность обстановки, болотистость местности,— бойцы смело вступали в бой с врагом, продолжая наносить ему невосполнимые потери.

Многие раненые и контуженные воины не избежали фашистского плена, но и там, перенося ужаснейшие лишения, издевательства, они не склонили головы перед врагом... старались в тех конкретных условиях, в которых очутились, продолжать борьбу с фашизмом, тем самым помогая приблизить день победы над немецко-фашистскими извергами.

Многие товарищи участвовали в подпольной ра-

боте. Некоторые присоединились к партизанским отрядам... Немало воинов дивизии перешли в партизаны, присоединившись к своим войскам, продолжая борьбу с фашистами»*.

В числе тех, кто встретил врага на подступах к Киеву, а затем оказался в окружении, был и ший лейтенант Хаути Хажибекирович Сабаноев, командир взвода 630-го легкотанкового полка. А о том, где принял он последний бой, еще предстоит узнать.

3. ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА

Документы и письма пришли и от завуча лы-интерната № 1 города Орджоникидзе Гидарозовича Кабалоева, одного из двенадцати первых выпускников физико-математического факультета педагогического института.

«...До сих пор не понимаю,— пишет он,— почему тогда, в 1936 году, не был осуществлен первый выпуск физико-математического факультета педагогического института. Студенты были очень трудолюбивыми, добрыми и старательными. Заканчивало четырехгодичный курс одиннадцать человек. С моим курсом дела обстояло так. Приняли нас 43 человека, на второй курс перевели шестнадцать, на третьем учиться не могли, и на четвертый курс перешел я один. Естественно, из-за одного студента четвертый курс сократить не мог, поэтому и оказался я двенадцатым на пятом. Очень трудно пришлось мне. Требовалось перешагнуть год учебы. Только благодаря по-

* И. Ф. Евдокимов. Сыны Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне. Нальчик, 1966, стр. 94.

друзей по студенческой скамье и преподавателей сумел я в 1937 году окончить институт. За это им моя вечная благодарность...».

До 1942 года молодой учитель математики работал в Докшукинской средней школе. Хотелось многое осуществить. Но помешала война. После непродолжительного обучения военной специальности в запасном полку — назначение в действующую армию и на фронт. Летом 1942 года Г. Н. Кабалоев участвовал в кровопролитных сражениях между Доном и Волгой. А 14 августа механизированные части немецко-фашистских войск, прорвавшие нашу оборону, пленили подразделение, в котором он нес службу.

Кабалоев в полной мере испытал все тяготы и ужасы лагерной жизни.

Долгожданная свобода пришла только в августе 1944 года. Ее принесли воины прославленной 59-й гвардейской Краматорской Краснознаменной дивизии, наступавшей вместе с другими соединениями Советской Армии в полосе, где находился лагерь. Многие военнопленные влились, как пополнение, в эту дивизию и в ее составе прошли долгими боев через Румынию и Венгрию. В ожесточенных боях за освобождение Будапешта Гид Наурузович получил тяжелое ранение в голову и почти на три месяца попал в полевой госпиталь. Потом снова принимал участие в боях на заключительном этапе Великой Отечественной войны. А когда отгромели залпы великой победы, вернулся в школу к учительскому труду.

Спустя многие годы инженер одного из Коломенских предприятий Н. Цогоева в статье «Мы родом из детства», опубликованной в газете «Социалистическая Осетия», писала: «...было трудное по-

левоенное время. Мы стали понимать, что подвиг, что такое наша большая Родина.

Школа задыхалась от нехватки учителей. два месяца после начала учебного года к 8-й класс пришел учитель математики. Вошел мительно, в видавшей виды военной гимнастике спросил, что мы проходили на предыдущем повернулся к доске и начал доказывать теорему. Учитель забыл доказательство. Заминка длилась всего несколько мгновений. Из-за первой встал ученик нашего класса и без слов начать доказательство дальше. Учитель его закричал: «Нет!». Не было ни ухмылок, ни смешков. Наш класс явил несвойственное в таком возрасте детям кодушие и понимание того, что этот человек, шедший к нам прямо из госпиталя, имеет право, чего мы не прощали другим учителям.

Выходя из класса, наш учитель написал на доске, как его зовут: Гид Наурузович Кабалое. Наурузович вел у нас математику, физику, астрономию. Мы любили его и все его предметы, которые он у нас вел.

Сейчас Гид Наурузович преподает в Тбилиси в университете Орджоникидзе. Можно только позавидовать тем, кто с ним работает, и ученикам, кого у него учатся»*.

Так прояснилась еще одна из страниц в судьбе выпускников физико-математического факультета 1937 года.

* Газ. «Социалистическая Осетия», 1973, 4 нояб.

4. ПОЛИТРАБОТНИКИ

В 1937 году пединститут окончила большая группа выпускников, среди которых были Петр Антипов, Аскер Аппаев, Аслан Бичеев, Таужан Бишкова, Нуна Гаунов, Азретали Гетажеев, Хажисет Додохов, Хамад Камбиев, Исмаил Кудаев, Бица Сасикова, Зачи Темботов, Исмаил Ульбашев, Тика Хажироков, Жамбот Хакулов и другие.

За годы учебы многие из них приобщились к активной общественно-политической деятельности, получили навыки организаторской и пропагандистской работы с людьми, не раз избирались в руководящие комсомольские, профсоюзные и партийные органы. До сих пор хранят в своей памяти студенты тридцатых годов воспоминания о бессменном председателе студенческого профкома Петре Антипове и его боевых помощниках Хамаде Камбиеве и Исмаиле Ульбашеве. Институтская комсомолия хорошо знала активистов Кориля Махошева, Бицу Сасикову, Зачи Темботова, Хабалу Хабитова.

Это им принадлежала инициатива организации при Пятигорском аэроклубе первого кружка парашютистов, проведения похода девятнадцати через перевалы Кавказа в Сванетию и многих выходов студенческих агитбригад в села республики.

После окончания института некоторые из выпускников были направлены на должности директоров школ, избраны в руководящие комсомольские органы, а кое-кто оставлен для работы в институте.

Опыт общественной работы, полученный в институте, большинству очень пригодился впоследствии.

Когда грянула Великая Отечественная война,

ряд выпускников 1937 года получил направление партийно-политическую работу в войска. В трудные дни боев партийным словом и личным примером армейские политработники учили воинов стойкости и мужеству, воспитывали ненависть к захватчикам, увлекали боевые подразделения за собой в атаки.

Совсем недавно журналист Х. Х. Кауфов, неоднократно выступавший в республиканской печати с рассказами о доблести наших земляков в годы войны, знакомил меня с материалами и документами о боевом пути старшего политработника Ахмата Темботове.

С должности секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ в первых числах августа 1941 года Зачи был призван в ряды РККА и вскоре направлен в 285-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника политотдела по комсомольской работе. Уже в сентябре дивизия вступила в бои на Северо-Западном фронте, сдерживая ожесточенные попытки врага прорваться к столице нашей Родины — Москве. Работники политотдела дивизии, находясь в боевых порядках полков, нередко принимали непосредственное участие в отражении атак противника. В одном из боев старший лейтенант Темботов был ранен и после излечения в госпитале получил назначение сначала на должность помощника начальника политотдела по комсомолу 17-й отдельной стрелковой бригады, а затем 264-й стрелковой дивизии, сражавшихся на подступах к Москве.

В начале января 1942 года группа наших войск нанесла удар в направлении Волоколамска. Участник тех боев, бывший старший инструктор политотдела дивизии, ныне гвардии майор запаса Василий Трофимович Лысенко вспоминает:

— С первого дня наступления Зачи находился

передовых подразделениях. В числе первых он вошел в город Истру, собственными глазами видел оскверненные исторические памятники этого города. Гневу моего друга не было предела. Надо было видеть, как страстно он выступал перед солдатами, клеймя позором злодеяния захватчиков.

Образцы храбрости проявил он в боях за овладение станцией Шаховская, когда передовым частям пришлось выдержать шестичасовой натиск противника, пытавшегося выбить наши войска из этого оперативно важного пункта.

Зачи был человеком, не ведающим страха. Порой казалось, что он поступает чрезмерно рискованно. Помню, в феврале 1942 года в районе Ржева при прорыве бражеской обороны в числе добровольцев танковых десантов не раз можно было видеть помощника политотдела Зачи Темботова. Дивизия за проявленный геройзм под Москвой получила звание гвардейской. Гвардии капитаном стал наш комсомольский вожак.

В ноябре 1942 года дивизия была переброшена на Юго-Западное направление, а в самом начале 1943 года в связи с полученным ранением мне пришлось расстаться с моим другом.

О дальнейшем рассказывают документы из архива Министерства обороны СССР.

В первых числах марта 1943 года из района Люботина противник нанес сильный контрудар по войскам левого крыла Воронежского фронта, а бронетанковые и механизированные соединения оттеснили армии Юго-Западного фронта за реку Донец. Нашим частям пришлось оставить Харьков.

6 марта 1943 года в районе станции Мерефы гвардии капитан Темботов с горсткой бойцов при-

нял неравный бой и пал смертью храбрых, приведя остатки отходящей дивизии.

В центре села Ракитичи воздвигнут скромный памятник погибшим гвардейцам и нашему земляку Зачи Мударовичу Темботову.

* * *

Выпускник физико-математического факультета института 1938 года, ныне доцент кафедры по экономии КБГУ, Агубекир Кокоевич Караев начал службу проходил вместе с группой призывников из Нальчика, среди которых были его друзья студенческих лет Ларион Якобчук, Леонид Челов и начинающий поэт Алим Кешоков, в 168-дивизионном саперном батальоне.

Шли бои на Карельском перешейке. В частности усиленная боевая подготовка, личный состав был экипирован для участия в операциях в условиях суровой зимы Севера. Прибывала новейшая техника, учебное оружие заменено было боевым. случилось так, что поднятому по тревоге батальону объявили об окончании боевых действий на ском фронте. Многих слушателей полковой школы командировали в училища.

Великую Отечественную войну А. К. Караев встретил ответственным секретарем бюро ВЛ батальона курсантов Новоград-Волынского пехотного училища.

— В моей памяти особенно отчетливо сохранились воспоминания о встречах с друзьями по в годы войны,— говорит Караев.— Об одной и хотелось бы рассказать. Широким фронтом наше контрнаступление под Москвой. После формирования и пополнения многие части из р

ва передвигались в сторону фронта через заснеженный городок, название которого я уже позабыл. Нам, пехоте, повезло. Мы раньше других расквартировались, успев устроиться на ночлег под крышами уцелевших домов. Позже в наш городок прибыла танковая часть. Офицер-танкист, подыскивавший место для ночлега своим друзьям и заглянувший к нам на огонек, вдруг назвал меня по имени. Не узнать его было невозможно. Это был любимец институтской молодежи, вожак комсомольской организации Корней Махошев. Все мы знали и уважали Корнея за неиссякаемую энергию, инициативу, постоянную помощь студентам.

О многом вспоминали мы в тот памятный вечер. Но главной темой было то, что наше поколение выросло поколением патриотов. Простой армейский ужин скрасил нашу беседу. А когда пришла пора расставаться, мы, пожелав друг другу успехов, крепко обнялись и условились о встрече после войны. Спустя годы узнал я, что наш замечательный комсомольский вожак пал смертью храбрых. Короткая, но яркая жизнь Корнея Махошева навсегда сохранилась в сердцах тех, кому пришлось с ним учиться, работать и воевать.

Получив назначение на должность заместителя командира батальона по политчасти 538-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии, старший лейтенант А. К. Караев воевал на 1-м Прибалтийском, а затем на Ленинградском фронте.

Летом 1944 года 4-я Ударная армия вела ожесточенные бои на Выборгском направлении. В полосе наступления батальона противник, имея долговременные хорошо оснащенные оборонительные сооружения и разветвленную сеть огневых точек, оказывал упорное сопротивление. В один из дней

начала июня после артиллерийской подготовки длившейся более полутора часов, батальон пошел в атаку, но, встретившись с яростным огнем противника, вынужден был залечь. Условия местности позволяли окапываться, а непрерывный огонь вражеских дотов приносил все новые потери. Погиб комбат. Каждую минуту могли дрогнуть и искалечения спасения в своих окопах бойцы. Приняв на себя командование, замполит А. К. Караев сумел поднять и увлечь за собой в атаку батальон. Бойцы ворвались сначала в окопы боевого охранения, затем по ходам сообщения добрались до главных сил и завязали рукопашный бой. Атака была стремительной, что противник обратился в бегство, оставляя десятки убитых и раненых.

Командование высоко оценило подвиг солдат и офицеров батальона. Многие участники этого боя, в том числе и замполит, были награждены боевыми орденами и медалями.

Как священную реликвию о тех памятных днях хранит Агубекир Кокоевич Караев вместе с боевыми наградами памятный знак ветерана 4-й Удмуртской армии.

* * *

На должности политрука отдельного эскадрона химзащиты 115-й кавалерийской дивизии проходил службу и принимал участие в трудных боях на постуках к Сталинграду Хабала Хамзетович Хабиров, впоследствии заслуженный учитель школы КБАССР.

Под Большой Мартыновкой в июле 1942 года погиб Исмаил Жунусович Кудаев, работавший

формирования 115-й кавалерийской дивизии директором Верхнечегемской школы.

Среди имен тех, кто, по полученным нами сведениям, также значился в списках погибших на фронтах Великой Отечественной, было и имя Петра Ивановича Антипова.

Каково же было наше удивление, когда в адрес юбилейной комиссии по проведению сорокалетия со дня открытия Кабардино-Балкарского пединститута в 1972 году пришло от него письмо из города Краснодара.

«...После окончания института,— писал он,— получил назначение на должность директора нальчикской средней школы № 9, где работал до декабря 1938 года. Затем в числе 25 тысяч коммунистов был призван на партийно-политическую работу в ряды РККА. В армии избирался секретарем партбюро, был пропагандистом, а с 1939 года выполнял обязанности секретаря партийной комиссии Краснодарского военно-пехотного училища.

С первых дней Великой Отечественной войны находился в действующей армии. В 1941 году в составе 56-й Армии оборонял подступы к городу Ростову, в 1942 году в 62-й гвардейской защищал Сталинград, а в 1943 году участвовал в боях по освобождению Кубани. В ожесточенных сражениях на «Голубой линии» был тяжело ранен, лишился ноги и до 1944 года находился на излечении в госпиталях. В Нальчик уже не возвращался, вспомнил свою гражданскую профессию и стал учительствовать в средней школе № 8 города Краснодара. Сейчас на пенсии, но продолжаю по мере сил участвовать в жизни школы и ее партийной организации...».

Остается только добавить, что ратные подвиги

Петра Ивановича отмечены орденом Отечественной войны II степени и несколькими медалями.

Литературный факультет нашего пединститута окончила Ольга Прохофьевна Антилова, Петра Иващенко. В ее письме много теплых слов о студенческой поре и институте: «...Для нас и тут был настоящей школой коммунизма. В нем чаились представители многих национальных страны. Нашими хорошими друзьями были кавказец Жамбот Хакулов, балкарец Исмаил Ушев, украинка Мария Дудченко, армянка Екина Закарьян, осетин Джабраил Макоев, а также Ольга Жакова и многие, многие другие, все вспомнить не могу.

Институту мы обязаны тем, что на всю жизнь сохранили привязанность к педагогической профессии и к общественно-политической деятельности. Студенческой скамье мне приходилось руководить кружком по истории партии, быть избранной членом институтского партбюро и даже представлять нашу парторганизацию на одной из областных конференций. Опыт партийной работы, полученный в вузе, очень пригодился мне в дальнейшем.

Когда кованый фашистский сапог стал нашим землемером и в звании младшего лейтенанта направлена на партийную работу в войска, участие в войне и труд в годы мира отмечено несколькими правительственными наградами.

После войны работала преподавателем школы ВВС и завучем Краснодарской школы № 8...».

Недолго учительствовал Жамбот Темботович Хакулов. В феврале 1940 года его призвали в армию, и с той поры он более двадцати лет прослужил в ее рядах. От рядового до подполковника — таков путь выпускника исторического факультета педагогического института.

— Война застала наш понтонно-мостовой полк в лагерях близ Каунаса,— рассказывает Жамбот Темботович.— Я был заместителем политрука роты, которой была поставлена задача 24 июня 1941 года после отхода наших войск взорвать мост через Неман. Над Каунасом стоял дым пожаров, район у реки простреливался противником, и все же горстке понтонеров удалось перед самыми передовыми частями противника взорвать мост и пробиться к своим через горящий город. Трудно сейчас вспомнить все детали тех первых дней войны, но полк наш с честью выполнил задачу по наведению понтонного моста через реку Вилию. В том месте, где наводился мост, ширина реки была всего около семидесяти метров, но оно непрерывно бомбилось и простреливалось противником. Обеспечивать переправу была оставлена наша рота. По понтонному мосту непрерывным потоком шли тылы двух армий Прибалтийского военного округа, остатки разбитых в первые дни боев частей и подразделений. Двое суток без пищи, без сна и отдыха бойцы нашей роты, теряя боевых друзей, поддерживали бесперебойную работу переправы. И только тогда, когда удалось отвести огромнейший поток живой силы и техники и когда боевые заслоны отступавших частей вышли к западному берегу Вилии, по приказу командующего инженерными войсками ок-

руга зенитчики, прикрывавшие переправу, начали расстреливать понтоны. Снять их уже не представлялось возможным.

Нам со старшиной роты Григорием Андемом Яшаном с большим трудом в непрерывных боях пришлось отводить из Литвы часть полка, чтобы передать радость встречи с однополчанами из лоруссии. Не потерявшей боеспособность, вышли к Новгороду. Потом обеспечивали выход наших войск на Волховском направлении. Меня и избрали ответственным секретарем ВЛКСМ батальона.

В 1943 году на Северо-Западном фронте велись переправы через реку Пола под Ригой. Позже форсировали Березину и Сож. Наступающими войсками вернулись к Западной Двине. Потом были Висла, Одер и, наконец, женный Берлин. Войну закончил я заместитель командира батальона по политчасти. Страна узнала о том, что некоторые мои друзья по институту не вернулись с фронтов. Но все воевали они по-геройски.

Сейчас кавалер ордена Отечественной войны II степени, двух орденов Красной Звезды и медалей Жамбот Темботович Хакулов работает членом областного автомотоклуба ДССР.

5. ВЕТЕРАНЫ

Для обоих встреча была столь неожиданна, что в первые минуты они лишь, обнявшись, пытавшиеся друг друга по плечам, стараясь унять кативший к горлу комок и отвести в сторону влажневшие вдруг глаза.

Г. А. Оганянц

Ш. М. Бленов

А. Д. Каиров

К. Ш. Кулиев

Б. И. Куашев

А. О. Шогенцуков

Б. М. Карданов

Д. И. Бычков

А. Х. Налоев

Х. И. Бадаев

Ж. Т. Хакулов

П. И. Антипов

Б. М. Базиев

А. Х. Хагабанов

С. М. Чернявский

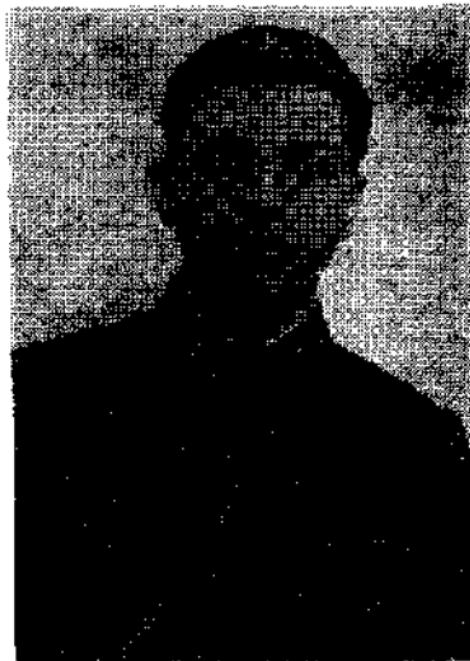
Ф. В. Орлов

М. И. Огурлыев

А. А. Муталипов

С. Х. Балкаров

Х. О. Кетекчиев

М. П. Доценко

М. Б. Туков

К. Б. Туков

И. Т. Тетуев

Л. К. Петренко

М. Я. Ушакова

В. А. Кузнецов

М. А. Кульбаев

М. А. Камбиев

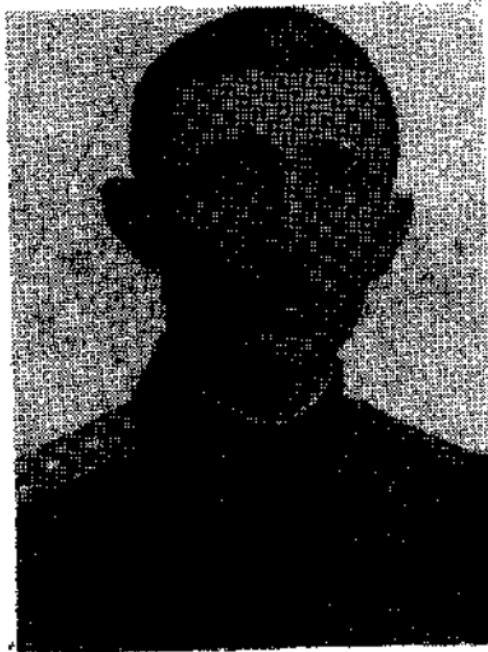
Ю. Х. Богомолов

А. Ю. Бознев

М. М. Самутов

Г. П. Петросян

С. Х. Болотоков

М. Х. Болотоков

А. К. Караев

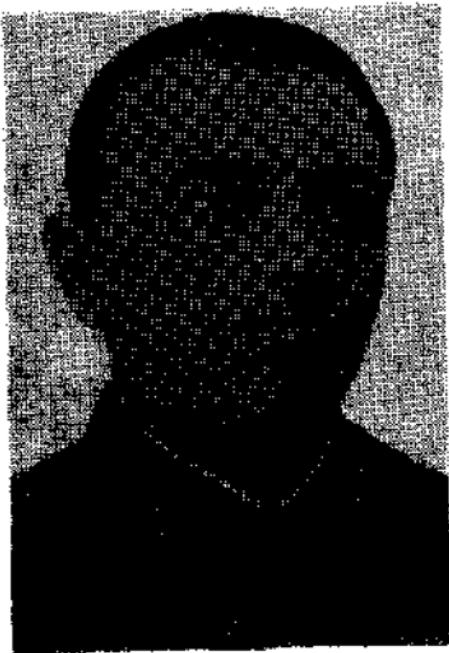
А. И. Щеголев

Ж. К. Эфендиев

С. В. Зуев

Х. Г. Адажев

М. Х. Казаев

И. Л. Израилов

— Не чаял, отправляясь на встречу выпускников пединститута,— прервал, наконец, затянувшуюся паузу высокий стройный полковник,— встретить здесь тебя. Не думал даже... что ты жив...

— За эти годы многих наших друзей не стало, ведь такую войну пережили. — И как бы стражнув груз воспоминаний, невысокий, коренастый, еще сохранивший спортивную выправку собеседник полковника вдруг улыбнулся и сказал:— А помнишь, Борис, как мы тебя уговаривали выступить?

— Ну как же, не только помню. С того дня на всю жизнь подружился с физкультурой. Мне памятны мои друзья по спортивному коллективу пединститута: Женя Воронков, Грант Оганьяնц, Иван Чагелишвили, Гавриил Ликов и многие другие. Тогда, конечно, не думал я, что спортивная закалка поможет мне перенести все трудности походно-боевой жизни. Я и сейчас играю в волейбол, капитан команды городошников нашего училища и, хотя разменял шестой десяток, чувствую себя великолепно. А как ты?..

— А я так и остался на всю жизнь с физкультурой и спортом. Все эти годы работал со студентами и учащимися.

Они, устроившись за один из столиков в вестибюле университета, вернулись к пережитым годам, а мне удалось узнать об этом следующее.

В напряженной спортивной борьбе проходило первенство КБАССР по штанге 1938 года. Победа в каждой весовой категории давала право не только стать чемпионом республики, но и войти в состав сборной, которой вскоре предстояло на первенстве Российской Федерации защищать честь Кабардино-Балкарии.

С большим успехом на этих соревнованиях вы-

ступили полулегковес молодой преподаватель физического воспитания нальчикского сельхозтехникума О. Б. Гагареян и полутяжеловес студент исторического факультета пединститута Борис Базиев. Любовь и преданность спорту на многие годы подружила их.

Позже, после окончания пединститута, будучи секретарем Нальчикского горкома комсомола, а затем после окончания Брянского военно-политического училища, став кадровым офицером Советской Армии, не оставлял Борис Машевич юношеского увлечения спортом. Особенно важную роль сыграла физическая закалка в трудные годы военных испытаний.

В 1942 году рота лейтенанта Б. М. Базиева была нуждена была прямо с марша вступить в бой в районе сел Нелидово и Шанина Гора на Калининском фронте, где враг, имея преимущество в технике, решил вклиниваться в нашу оборону. Трудно прошло в первые минуты боя ротному. Окопчики были мелкими, сплошных траншей не существовало, местность простреливалась артиллерийско-минометным огнем противника, рота несла большие потери.

— Окапываться! — приказал ротный. И вот уже обозначилась первая цепочка окопов. Выдвинулись на фланги бронебойщиков с противотанковыми ружьями и проверил наличие бутылок с зажигательной жидкостью и противотанковых гранат, лейтенант, не обращая внимания на наихудшие комбинации грязи к новенькой офицерской форме, оказывал в тех местах, где было всего труднее.

Действия командира по организации обороны оказались своевременными. Базиев успел только поставить задачи взводам, как на позиции роты ворвались в атаку вражеские танки и бронемашины. П

их прикрытием двинулась вперед пехота. От шквального огня орудий и пулеметов, от лязга гусениц и скрежета металла содрогалась земля. «Выстоять! Выдержать этот первый написк!» — твердил себе лейтенант Базиев. Лихорадочно работала мысль: «Только бы бронебойщики не побежали». От их мужества зависело многое. Слева вспыхнуло несколько дымков. Один из атаковавших танков развернулся и двинулся в сторону бронебойщиков. Напряжение достигло предела. В этот момент вдруг, будто наткнувшись на препятствие, танк резко остановился. На встречу ему выскоил солдат. Сделав несколько шагов, он бросил бутылку с зажигательной жидкостью в моторную часть танка и укрылся в окопчике.

— Молодец! — перекрывая шум боя, крикнул командир роты. Над танком взвилось пламя. Подбитая машина нарушила план вражеской атаки. А мужество бронебойщика придало уверенности нашим бойцам. Вскоре несколько смельчаков подожгли второй танк. По команде ротного заговорили пулеметы, отсекая вражескую пехоту. Инициативой боя завладели оборонявшиеся.

— Приготовиться к атаке! — приказал взводным Базиев. Когда был подбит третий танк, а пехота противника залегла, мощное «ура!» подняло наших бойцов в атаку. Увлекая за собой воинов, лейтенант Базиев в числе первых достиг траншей, на кануне оставленных нашими частями. В пылу боя он не сразу заметил, что ранен. Только вмешательство комбата заставило Базиева отправиться в госпиталь. За умелое руководство боем, в котором противник потерял три танка и до 60 солдат убитыми, а шесть фашистских солдат и один офицер были пленены, лейтенант Б. М. Базиев получил ор-

ден Красной Звезды. Многие отличившиеся в этою бою солдаты были представлены к награде.

Богатырское здоровье Бориса Машевича помогло быстро залечить раны, и он снова стал в ряды защитников Родины. Позже, уже командиром Стальона, Базиев принимал участие в боях на территории Венгрии и Австрии и за умелые боевые действия был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За отвагу».

Сейчас гвардии полковник Б. М. Базиев передает свой богатый боевой опыт слушателям Львовского высшего военно-политического училища.

* * *

Командир орудия отдельной противотанковой истребительной батареи 36-й танковой бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса сержант Ованес Богослович Харагезян прошел славный боевой путь от стен Сталинграда до Будапешта и Берлина. Он участвовал в освобождении Ростова, Одессы, в прорыве сильно укрепленной обороны противника на реке Миус, в разгроме Ясско-Кишиневской группировки немецко-фашистских захватчиков, в боях на территории Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии и Югославии.

В армейской газете «Сталинградец» гвардии майор Г. Макурин писал: «...Самым смелым артиллеристом на батарее гвардии капитана Синенкова по праву считается Ованес Харагезян... На его боевом счету 5 сожженных немецких танков, десять истребленных гитлеровцев... Накануне очередного боя Харагезян зашел в землянку парторга и подал ему заявление.

— Прочтите, товарищ гвардии старшина...

«Завтра иду в бой,— говорилось в заявлении.— Как и всегда, буду беспощадно уничтожать гитлеровцев. На этот раз решил идти в бой коммунистом. Это почетное звание оправдаю с честью».

— Знаю,— сказал парторг,— у тебя слова никогда не расходятся с делом. Желаю наилучших успехов.

Еще никогда так метко не стрелял из своей пушки сержант Харагезян. Он подбил три вражеских танка, поджег немецкий бронетранспортер и уничтожил два пулемета.

Так отметил день своего вступления в партию артиллерист Харагезян».

В марте 1945 года в адрес Республиканского комитета физкультуры и спорта, Нальчикского сельхозтехникума и семья Харагезяна пришли письма из части, где воевал наш земляк. С его разрешения привожу отрывок из этих писем.

«...Противник после двухчасовой артиллерийской подготовки перешел в контратаку. На узком участке фронта немцы ввели в бой до 50 танков и самоходных орудий. Разгорелся жаркий бой. Ценой огромных потерь противнику удалось вклиниться в нашу оборону. И здесь он встретился с изумительной стойкостью орудийного расчета гвардии сержанта Харагезяна. Прямой наводкой артиллеристам удалось поджечь несколько танков. И все же осторвленный враг, несмотря на потери, рвался вперед. Земля содрогалась от разрывов снарядов. Презирая смерть, отважные артиллеристы отразили 7 следовавших одна за другой атак противника и отстояли занятые позиции... Враг не прошел...

В этом бою расчет сжег 5 немецких танков, 3 бронетранспортера и истребил до 200 немецких солдат и офицеров.

За образцовое выполнение боевых заданий мандования на фронте борьбы с немецкими захватчиками кавалер ордена Красной Звезды и ордена Славы III степени гвардии старший сержант Хагезян О. Б. представлен командованием к награждению орденом Красного Знамени.

Командование гордится подвигами т. Хагезяна».

Письмо подписали командир батареи гвардии старший лейтенант Постоваров и его заместитель гвардии лейтенант Литвинов.

За совершенный подвиг артиллерист О. Б. Хагезян был награжден орденом Славы II степени и до конца войны еще один орден Красной Звезды украсил его грудь.

Более десяти лет после войны Ованес Богослов (или, как его на русский манер привыкли называть студенты и учащиеся, Иван Павлович) посвятил свою работу на кафедре физвоспитания Кабардино-Балкарского педагогического института, а до ухода на пенсию успешно трудился в Нальчикской средней школе № 4.

Ветераны физкультурного движения в республике и ветераны Великой Отечественной войны Борис Машевич Базиев и Ованес Богосович Хагезян все свои силы и знания отдают самому ценному нашему богатству — советской молодежи, готовя ее к труду и защите Родины.

6. ОДНОПОЛЧАНЕ

В 1972 году следопыты училищ профтехобразования проводили в Нальчике слет, посвященный итогам походов по местам боев, проходивших в годы Великой Отечественной войны в Приэльбрусье.

Среди приглашенных на слет был один из героев обороны перевала Донгуз-Орун, награжденный за мужество в боях на Эльбрусском направлении орденом Красного Знамени, комсорг 214-го кавалерийского полка 63-й кавдивизии Михаил Михайлович Гроц.

Уже после слета Михаил Михайлович в беседе с автором книги «На Эльбрусском направлении» Олегом Опрышко сказал:

— А знаете, где-то здесь, в Нальчике, живет мой большой фронтовой друг, которому я обязан жизнью. Может быть, Вам знаком он? Фамилия его — Хагабанов.

Радостной и трогательной была встреча однополчан. Позже старший преподаватель кафедры общей физики КБГУ Аскерхан Хажимурзович Хагабанов рассказал о том, как попал в одну часть с Михаилом Михайловичем и спас ему жизнь.

— Наша маршевая рота, сформированная из возвращающихся на фронт после госпиталей участников Стalingрадской битвы, остановилась на ночлег в одной из донских станиц близ Батайска. В станице расквартированы были подразделения 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, выведенного в тыл на пополнение людьми и техникой. Заботливый лейтенант интендантской службы отвел нам два класса в здании школы, дал задание накормить нас горячим ужином, подбросить сена для ночлега и исчез. Мы, довольные теплым приемом и утомленные долгим переходом, быстро разместились и уснули.

Утром побудку устроили нам хозяева. И когда рота наша выстроилась перед группой офицеров казачьего корпуса, один из них достал из плащета бумагу и без всяких вступлений зачитал приказ

Верховного Главнокомандующего, касающийся возвращающихся на фронт после ранения бойцов офицеров. На основании этого приказа нас забрали в состав казачьего корпуса. А чтобы в часы, где до ранения проходила наша служба, нас считали дезертирами, командование корпуса брало на себя заботу информировать об этом соответствующие штабы. Как только умолк офицер, из стройной колонны маршевиков понеслось:

- Да я в жизни на лошади верхом не сидел, какой же из меня кавалерист!
- А я вообще только в кино лошадь видел.
- У меня есть армейская специальность...
- Да чтобы я артиллерию сменил на кавалерию!..

Последняя реплика заставила одного из офицеров с орденом Красного Знамени на груди сделать шаг в сторону того, кто ее выкрикнул, и радостно произнести:

— Что же вы раньше молчали? Да у нас в дивизии батарея вообще личного состава нет! Слушай меня, команду! Артиллеристы, два шага вперед!

Группа бойцов маршевой роты, в том числе и я, шагнула вперед.

Так состоялось наше знакомство с комиссаром артиллерийской батареи Гроцем и причисление к «богам войны» артиллерийско-минометного полка 63-й кавалерийской дивизии Донского казачьего корпуса. А вскоре я был назначен командиром орудия расчета.

В первые дни боевой учебы мы даже не замечали, что служба наша шла в кавалерийской дивизии. Дело в том, что орудия полком были получены, а средства тяги отсутствовали. И пока мы изучали материальную часть, знакомились с искусством...

тиллерийских наводчиков, заряжающих, подносчиков снарядов, разведчиков и связистов, обучались приемам стрельбы, ни у кого из нас не возникло даже мысли, что главное испытание впереди.

Но вот в один из дней нас выстроили для получения конной тяги. Комиссар Гроц сообщил, что, наконец, батарея становится полнокровной боевой единицей полка, так как теперь она в состоянии совершать необходимые маневры. Личному составу ставилась задача в кратчайший срок овладеть искусством кавалерийской езды.

К части офицерского состава батареи, ни одного из числа тех, кто в жизни верхом на лошади не сидел, не перевели в другие подразделения. Но подготовить из таких бойцов заправских кавалеристов командирам стоило немалого труда.

Мне в детстве приходилось часто иметь дело с лошадьми, да и кто из наших нартановских мальчишек не умел управлять конем и не любил скачек? Поэтому радостно было сознавать, что именно ко мне за помощью обращались многие бойцы, по возрасту и жизненному опыту годившиеся мне в отцы. В самый разгар учебы, когда батарейцы овладевали приемами ухода за конем, правилами экипировки и верховой езды, уехал на курсы переподготовки наш комиссар. Это было связано с упразднением института комиссаров в армии.

В конце августа 1943 года полк был поднят по тревоге и, совершив многодневный переход, в составе 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса включился в боевые действия на Южном фронте. Трудные испытания выпали на долю артиллеристов при прорыве Кальмиусского укрепленного района и во время наступления по осеннему бездорожью. Почти полмесяца продолжались непре-

рывные бои. Более двухсот пятидесяти километров утопая в раскисших от дождей низинах, постоянно помогая выбивающимся из сил лошадям, артиллеристы буквально на руках выносили орудия из грязного месива, проходя с боями по югу Украины.

На всю жизнь запомнились теплые встречи, которые оказывали нам жители многих населенных пунктов, из которых только что изгнан был враг. Так было в освобожденных Цюрупинске и Голой Пристани, где, несмотря на позднюю осень, буквально засыпали цветами. 3 ноября мы покончили с Днепровской водой.

В период упорных боев по освобождению Приводорежной Украины коммунисты батареи оказали мне большое доверие, избрав парторгом. Это совпало и с другим, знаменательным для меня событием. За уничтожение двух фашистских танков нашим орудием во время ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника командование наградило меня орденом Славы III степени. Позже, за участие в боях по освобождению Молдавии, на орудийный расчет снова был отмечен правителственными наградами. Меня и наводчика наградили орденами Красной Звезды.

В Молдавию уже комбатом вернулся в батарею старший лейтенант М. М. Гроц. С ним почти до конца войны прошла батарея по дорогам Румынии и Венгрии.

В феврале 1945 года наши войска окружили Будапештскую группировку противника. Из района озера Балатон, мобилизую все резервы, немецко-фашистское командование решило нанести контрудар с целью деблокирования окруженных войск. Участники тех боев хорошо помнят ожесточенные атаки вражеской пехоты и танков на наши позиции.

И все же мы выстояли. Образцы мужества и геройства проявили бойцы и офицеры 5-го гвардейского Краснознаменного Донского Будапештского казачьего кавалерийского корпуса.

В один из дней напряженных боев разведка донесла, что на участке нашей дивизии готовится танковая атака противника. Из штаба последовал приказ срочно передислоцировать батарею на прямую наводку танкоопасного участка. Обычно огневые позиции мы меняли с наступлением темноты. Но обстановка требовала нарушить этот порядок. Поэтому, дав команду сниматься, комбат Гроц со своим коноводом вышел из укрытия и кратчайшим путем через лежащее перед позицией батареи поле решил проскочить простреливаемую зону и выйти к намечаемому рубежу.

Не успели мы выкатить орудия из двориков, как появился запыхавшийся коновод.

— Комбат тяжело ранен! — выпалил он. — Его срочно нужно доставить в госпиталь!

— Беги в санбат, — распорядился я, — бери санинструктора и санитаров и мигом к комбату. Я иду к нему до их подхода. За себя оставляю наставника.

Мне до сих пор хорошо помнится участок поля, где был ранен Гроц. Невысокая прошлогодняя стерня, разбросанные клочья потемневшей за зиму соломы, несколько воронок от разрывов снарядов и мин, небольшая пирамида из камней, видимо собранных с участка его хозяином. Комбат лежал на спине. Голова его была приподнята. Левой рукой он опирался о землю, а правой пытался из-под себя вытащить планшет и оружие. Черты его красивого лица заострились, щеки посерели, на лбу выступили капельки пота от нестерпимой боли. Круп-

ным осколком оторванная ниже колена нога в сапоге держалась лишь на куске кожи. Коновод успел ремнем перетянуть рану и, чтобы она не засосилась, подложил под ногу камень.

— Все, парторг,— медленно разжимая спешившиеся губы, промолвил Гроц,— отвоевался твой комбат...

По выражению его глаз я понял, к какому решению пришел он. Молодой, заслуженный, боевой офицер, еще не успевший обзавестись семьей, в эти дни, когда решался исход войны, вдруг оказался выбитым из седла. Превозмогая страшную боль временами теряя сознание, он стремился во что бы то ни стало вытащить пистолет, на его счастье прикрытый собственным телом.

Я быстро просунул руку под его спину, извлек из кобуры пистолет и на глазах Гроца опустил в свой карман.

— Товарищ комбат! Плясать еще будешь и то да, быть может, вспомнишь парторга... А пистолет верну после госпиталя...

Видимо, об этом случае говорил Гроц, когда приезжал в Нальчик на слет следопытов.

7. КОМИССАР ПОДПОЛЬЯ

На Витебщине, недалеко от Осинторфа, у самой автомагистрали Минск—Москва, высится монумент, вершину которого венчает скульптурная фигура юноши, поднявшего над головой красное пятнище. Это памятник юным подпольщикам, действовавшим в годы Великой Отечественной войны в районе торфопредприятия «Осинторф», БелГРЭС и железнодорожной станции Осиновка. Деятельность комсомольско-молодежной подпольной орга-

анизации направлялась сначала командиром партизанской бригады Героем Советского Союза Константином Сергеевичем Заслоновым, а после его гибели — командиром 16-й Смоленской партизанской бригады Иваном Романовичем Шлапаковым.

Командиром Осинторфского подполья был Станислав Петрович Шмуглевский, а комиссаром — Евгений Владиславович Вильсовский.

По заданию партизанского командования подпольщикам удалось проникнуть в некоторые учреждения оккупантов, получить возможность хорошо законспирировать деятельность отдельных патриотов и целых групп комсомольцев, переправлять за линию фронта и в партизанские отряды советских граждан, собирать и передавать партизанам необходимую информацию о противнике, доставать и обеспечивать партизанских разведчиков немецкими паспортами и пропусками, сообщать населению сводки Совинформбюро, вести работу по разложению частей так называемой «русской освободительной армии», сласать от угона в Германию юношей и девушек, участвовать в ряде дерзких диверсионных операций.

Начальник штаба партизанского движения Белоруссии и второй секретарь ЦК КП(б)Б Петр Захарович Калинин так аттестовал комиссара подпольной организации: «Евгений Владиславович Вильсовский быстро стал самым близким другом комсомольцев. Смелый, решительный, он, когда требовалось, первым шел на риск. Но, как более опытный боец, всячески оберегал своих молодых друзей, требовал, чтобы в их действиях не было излишней горячности, беспечности, самонадеянности. Знание немецкого языка помогло Евгению Владиславовичу занять довольно видную админи-

стративную должность, войти в доверие к оккупантам и, не вызывая подозрений, руководить подпольной работой...»*.

В 1971 году издательство «Беларусь» выпустило книгу С. П. Шмуглевского «Рядовые подполья», которая посвящена истории возникновения и деятельности Осинторфского комсомольско-молодежного подполья. Мое внимание при чтении книги невольно привлекло место, где идет рассказ о первой встрече Вильсовского со Шмуглевским.

«...Ради знакомства,— говорил Вильсовский,— о себе расскажу следующее: окончил педагогический институт, работал директором школы в Нальчике, преподавал немецкий. На фронте был политруком роты, под Осинторфом получил ранение, отстал от своей части, оказался в тылу у немцев, долго блуждал по лесам...».

И в подтверждение того, что разговор шел о очень серьезном деле, Вильсовский извлек из тайника в сапоге свой партийный билет.

Так как в Нальчике единственным вузом был пединститут, то я невольно подумал: а не учился ли Вильсовский в Кабардино-Балкарском пединституте?

Вскоре мысль эта получила подтверждение.

— Мы с Евгением Вильсовским не только учились на одном отделении факультета языка и литературы нашего пединститута,— рассказал ныне профессор, проректор КБГУ Борис Хазешевич Балкаров,— но и жили в студенческом общежитии в одной комнате. С нами учился и был также жиль-

* П. З. Калинин. Партизанская республика. Изд-е 3. Минск, «Беларусь», 1973.

цом нашей комнаты Лиуан Шхаумежев. Как сейчас помнится, нам с Лиуаном многому приходилось учиться у нашего старшего товарища как в организации распорядка работы, так и в поддержании порядка в жилье и в умении выглядеть аккуратно. Евгению претил всякий беспорядок. От него частенько влетало нашим однокурсникам, позволявшим являться на учебные занятия в неопрятном виде.

Наши друзья по учебе Бетал Куашев, Андрей Ольховиков, Михаил Семенихов не раз пытались вместе с нами готовиться к зачетам и экзаменам, но очень скоро не выдерживали предложенного темпа и вынуждены были возвращаться к своей «проверенной системе». Многое в последующие годы мне пришлось пережить, но до сих пор следую выработанной в студенческие годы привычке распределить время и следить за порядком в делах.

Но не только этим помнится нам Евгений Вильсовский. Будучи старше большинства из нас, он был добрым советчиком в трудную минуту, выручал, когда случались финансовые затруднения, мирил, если прения сторон выходили за дозволенные рамки, помогал в выборе, когда возникала необходимость в приобретении какой-либо вещи. С интересом слушали мы его рассказы о политических событиях в стране и за рубежом. Ведь он до учебы в институте прошел достаточную жизненную закалку.

К сожалению, мы тогда мало интересовались кто откуда. Ни разу не спрашивал я Евгения о его родных и родственниках. Знаю только, что он ухаживал и даже дружил с официанткой из нашей студенческой столовой. Но ни имени, ни фамилии ее я не помню. Как-то я встретил эту женщину в Наль-

чике, но постеснялся ее остановить. А она сделал вид, что не узнала меня.

Хорошо помню, что Евгений, помимо учебы успевал еще готовиться к урокам, которые вел одной из школ города. Наверное, живы учителя, которые знали его по работе в школе.

Окончили мы институт в 1940 году. Распределение, а затем война разметали нас по всей стране. Так были потеряны следы многих однокурсников.

...Августовской ночью сорок первого года в окна дома Букатиков кто-то постучал. Анна Антоновна осторожно приоткрыла окно и едва различила силуэт военного.

— Я ранен,— превозмогая боль, прошептала женщина.— Если можно, помогите мне сделать перевязку.

— Сейчас...

Анна Антоновна, боясь разбудить дочерей, быстро проскользнула в сени, сняла засов и выскочила во двор. Стараясь как можно меньше шуметь, она помогла неизвестному подняться на чердак и устроила его в темном чулане. Спустилась на кухню, привратила лампу, все, что хранилось в домашней аптеке, и снова поднялась на чердак. К счастью, рана оказалась легкой. Пуля полицая пробила мякоть ноги навылет. Требовалось только остановить кровотечение и наложить повязку.

Так состоялось знакомство Анны Антоновны Букатик с политруком Вильсовским.

Рискуя собственной жизнью и жизнью своих дочерей, Анна Антоновна сумела выйти Вильсона из затруднительного положения. Дело в том, что муж хозяина дома Казимир Букатик был репрессирован в 1937 году (реабилитирован в 1948 году), поэтому, выд

в бургомистрате и комендатуре Вильсовского за его родственника, якобы не желающего служить в Красной Армии, Анна Антоновна сумела получить для него постоянный пропуск, разрешающий ходить по территории торфопредприятия и даже добилась права на открытие небольшой сапожной мастерской.

В одну из октябрьских ночей 1941 года состоялась встреча Шмуглевского с Вильсовским. «С этой ночи,— писал Станислав Петрович,— коммунист Вильсовский вошел в мою жизнь и жизнь моих друзей как настоящий товарищ, добрый учитель и строгий командир. Он стал душой подполья, его официальным комиссаром».

С октября сорок первого года все операции осинторфских подпольщиков проводились не только под руководством, но и при активном участии Евгения Вильсовского.

Одной из славных страниц в деятельности подпольной организации явилась операция по освобождению военнопленных. Поздней осенью 1941 года в двух поселках торфопредприятия немецкое командование построило лагеря, а в январе под усиленным конвоем автоматчиков с овчарками к нему потянулись сотни голодных, измученных, полуживых людей. Вскоре пленных начали привлекать к работе по заготовке торфа, и подпольщикам удалось установить с ними связь. А когда через охранника, который под страхом расправы передавал оружие и информацию о положении дел в лагере, стали получать сведения о пароле для охраны лагеря, решено было провести операцию по спасению военнопленных.

Вечером Евгений Владиславович Вильсовский,

переодетый в форму немецкого офицера, направил-
ся к посту под видом проверяющего караулы. По-
лучив отзыв на окрик, ничего не подозревавший ча-
совой подпустил его к посту. Ударом ножа Виль-
совский снял часового, а молодые подпольщики
под его прикрытием через проделанный проход в
проволочных заграждениях вывели тридцать одно-
го военнопленного и переправили в лес к парти-
занам.

Участвовал Вильсовский и в подрыве немецко-
го эшелона с Продовольствием, и в переводе в пар-
тизансскую зону подразделений РОА, и в десятках
других операций комсомольско-молодежного под-
полья.

В сентябре 1943 года началось наступление Со-
ветской Армии на Витебском направлении. Фрон-
т приближался к Осинторфу. От комбрига Шлапако-
ва пришел приказ перевести подпольщиков в пар-
тизансскую зону. В ночь с 19 на 20 октября в по-
следний раз собрался штаб осинторфских подполь-
щиков. Председательствовал на нем комиссар Ев-
гений Вильсовский. Штаб принял решение о лик-
видации подполья и переводе подпольщиков тайны-
ми тропами в район действия 16-й Смоленской пар-
тизанской бригады.

Утром 21 октября начальник штаба партизан-
ского движения Белоруссии П. З. Калинин получи-
л от комбрига И. Р. Шлапакова радиограмму: «Се-
годня ночью в состав бригады влились члены осин-
торфского подполья. Перед уходом из Осинторф-
ими разгромлен бургомистрат. Захвачены ценные
документы».

Но не удалось Евгению Владиславовичу Виль-
совскому увидеть радостный день победы.

По данным партийного архива Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, с 5 октября 1943 года Е. В. Вильсовский являлся рядовым партизаном партизанского отряда № 6 16-й Смоленской партизанской бригады Витебской области и, участвуя в диверсионной операции, 28 ноября 1943 года пал смертью храбрых.

8. ЛЕРО И ШТЫК

В стенах родного института сделали свои первые шаги в большую литературу многие впоследствии известные писатели и поэты республики.

Народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР им. Горького Кайсын Шуваевич Кулиев в своей биографии пишет:

«...Мне не было и восемнадцати лет, когда я приехал в Москву и поступил в Театральный институт имени Луначарского (ГИТИС).

...Артистом я, конечно, не стал. Вернувшись в Нальчик, преподавал литературу в учительском институте. Весной 1940 года вышла моя первая книга стихов «Здравствуй, утро!».

...В конце июня 1940 года, приняв экзамены у студентов учительского института, всем поставив «отлично» и «хорошо», подарив им по экземпляру первой своей книги, я уехал в Красную Армию. Я был молод, здоров, счастлив, несмотря на то, что, как и многие, чувствовал все нарастающую угрозу войны, которой были посвящены многие строки только что вышедшего моего сборника.

Друзья мои провожали меня шумно и нежно. Тогда мы не могли представить себе размеры предстоящих испытаний и бедствий. Мы в тот вечер никак не думали, что одни из нас погибнут на фронте, а другие через пять лет встретятся так далеко от родных гор...

Не вернулись с фронта и некоторые из моих студентов. Как хорошо, что яставил им высокие оценки. Они хорошо учились. Я уверен, что также хорошо они сражались с фашистами. Но там оценки ставились уже без меня...».

Начав службу в парашютно-десантных войсках Кайсын Кулиев встретил войну на самых западных рубежах нашей Родины, испытал горечь отступления и невосполнимых утрат друзей по оружию первых дней боев в Прибалтике.

Во время десантной операции в районе Орла был ранен и после излечения в госпитале с удостоением военного корреспондента направлен на Сталинградский фронт. Так случилось, что попал он для прохождения дальнейшей службы в газету 51-й Армии «Сын отечества», где работали его друзья по перу Алим Кешоков и Валентин Овечкин. Собирая материалы для газеты, Кайсын Кулиев бывал в частях, которые вели ожесточенные бои за освобождение Ростова-на-Дону, Донбасса, Левобережной Украины и Крыма. На подступах к Севастополю Кайсын Шуваевич в боевых порядках одной из дивизий 51-й Армии участвовал в операции по прорыву немецко-фашистских оборонительных рубежей и был тяжело ранен. За проявленное мужество в этом бою он был награжден орденом Отечественной войны II степени. Награду ему вручал в Симферопольском госпитале командующий 51-й Армией генерал Крейзер.

В конце тридцатых лет на литературном факультете института обучалось много талантливых студентов. И кто знает, не будь войны, о скольких бы еще поэтах и писателях удалось бы нам услышать.

Будучи наделенным незаурядными способностями в юности, Адам Шогенцуков долго колебался перед выбором, чему отдать предпочтение — изобразительному искусству или литературе. Несколько его картин периода учебы в педучилище экспонировались на Северо-Кавказской краевой выставке и были удостоены диплома первой степени краевого отдела народного образования, а автор был рекомендован решением жюри для учебы в Ленинградской академии художеств. И только обстоятельства, помешавшие выехать в Ленинград, и учеба на литературном факультете пединститута определили окончательный выбор Шогенцукова.

У Бетала Куашева колебаний не было. Его поэтическое кредо складывалось под безграничным влиянием творчества Владимира Маяковского и Сергея Есенина. А внимание к молодой поэтической поросли со стороны Али Шогенцукова, его наставления, постоянный контроль и помощь начинающим поэтам помогли обоим вникнуть в тайны художественного мастерства, осознать и оценить силу поэзии, проникнуться чувством ответственности перед народом-читателем.

Учеба в пединституте сыграла определенную роль в формировании будущих писателей. Лекции и практические занятия ряда увлеченных литературой преподавателей, таких, как только начинавший в то время свою педагогическую деятельность Д. И. Бычков, молодой, но уже многое сделавший в литературоведении М. П. Николаев и другие; сту-

денческое литературное объединение и газета факультета; вечера поэзии и импровизированные представления в студенческих общежитиях — все это не могло не оказать своего влияния на становление начинающих писать студентов.

До сих пор вспоминают многие однокурсники стихотворные состязания в остроумии Бетала Куашева и Андрея Ольховикова; серьезные размышления о роли литературы и языка Султана Баучиева, Евгения Вильсовского и Бориса Балкарова; выступления знатоков балкарского фольклора Мурата Кучмезова и кабардинского — Адама Шогенцукова.

Увлеченность студентов передавалась и преподавателям. На всю свою жизнь сохранил Дмитрий Иванович Бычков верность одной теме, наиболее полно отразившейся в его книге «Братство народов — братство литератур».

Мурат Кучмезов не одни каникулы провел в аулах Хуламского, Безенгийского и Черекского ущелий, по крупицам собирая все, что сохранилось устное народное творчество. У него в студенческие годы было достаточно материала для издания целого сборника по балкарскому фольклору. Но тут появилась новая увлеченность — хотелось перевести на балкарский язык самые любимые стихи М. Ю. Лермонтова.

Хужоков, Шхаумежев и Балкаров были первыми читателями перевода поэмы Коста Хетагурова «Перед судом» на кабардинский язык, сделанного Беталом Куашевым.

Только недавно стало известно, что некоторые свои произведения и корреспонденции Андрей Ольховиков подписывал «студент Зотов». Оказывается,

фамилия эта была выбрана не случайно. Она состоялась из заглавных букв фамилий друзей по учебе и самого автора: Загреба, Оганьянц, Тимонов, Ольховиков и Воронков.

И хотя первые стихотворения молодых поэтов представляют собой посвящения, носящие характер зачастую неприкрыто подражания любимым авторам, в них просматривается высокая культура стиха, попытка сказать свое слово в поэзии.

Великая Отечественная война стала частью биографий студенчества тех лет и не обошла друзей по учебе в институте. Борис Балкаров и Бетал Куашев учителяствовали в Приморском крае, Андрей Ольховиков преподавал литературу в средней школе сел. Кызыбурун I, Адам Шогенцуков был директором Третъекызыбуруунской средней школы, а Мурат Кучмезов инспектором школьного отдела Министерства просвещения республики.

За месяц до начала войны из Брестской крепости, где проходила срочная служба, Султан Баучиев писал однокурснице Ираиде Волковой: «...схватка с врагом неизбежна при всем моем нежелании... Со слезами о золотой молодости в бой не пойдешь. Поэтому очень нужно учиться воевать...».

И они учились науке защищать родную землю на трудных дорогах войны.

В тяжелых боях под Смоленском смертью храбрых 21 августа 1941 года пал Мурат Сулейманович Кучмезов. Добровольно ушедший на фронт Бетал Куашев начал боевой путь рядовым автоматчиком 85-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии у стен Сталинграда, а закончил войну в Берлине командиром стрелкового батальона, кавалером орденов Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и

ряда медалей. Умер Бетал Ибрагимович Куаш 1 мая 1957 года в расцвете творческих сил. В его произведениях послевоенных лет наиболее ярко выражены темы минувшей войны, борьбы за мир, блокады, городной миссии советского солдата-освободителя, высокого патриотизма и интернационализма. Вот строки из известного его стихотворения «Индыш»:

Просторы Волги, льды ее и дали,
Все волны вместе и глоток любой
Со всем народом горе испытали
И, как солдаты, принимали бой.

(Перевод Н. Гребнева).

23 июня 1941 года на митинге студентов, сотрудников и преподавателей пединститута молодой преподаватель, лейтенант запаса Д. И. Бычков говорил: «Я подал докладную, чтобы меня направили в действующую армию. Я даю обязательство, что не уроню чести командира РККА, чести коммуниста!» И он сдержал свое слово. От предгорий Кавказа до Альп прошел славный путь офицера Д. И. Бычкова. Два ордена Красного Знамени и не сколько боевых медалей украсили грудь храброго воина. В архиве Министерства обороны хранится наградной лист, который представлялся командиром стрелкового Рымникского полка подполковнику Мамеловым 12 ноября 1944 года на командир батальона капитана Д. И. Бычкова. Вот что в нем говорится: «Батальон, которым командовал Бычков, первым ворвался в крупный промышленный центр Венгрии гор. Дебрецен и отличился при форсировании реки Тиссы. В завязавшемся бою за село Тисса-Кесса он умело организовал взаимодействие

вие стрелковых рот, проявил личное мужество при переправе и занятии плацдарма. Его подразделение уничтожило в этом бою 75 солдат противника и пленило 96. Капитан Бычков Д. И. представляется к награждению орденом Суворова III степени»*.

Смерть рано вырвала из рядов преподавателей нашего университета этого талантливого педагога и исследователя. В 1963 году «перестало биться, по словам писателя М. Киреева, соколиное сердце нашего друга».

Волею судеб Адаму Шогенцукову вместе с курсантами Новочеркасского кавалерийского училища пришлось защищать землю родной Кабардино-Балкарии. О героизме воинов, стоявших на смерть на рубежах Малки, Баксана, Черека и Терека, достаточно подробно рассказывается в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ», в сборнике «Сыны народов Северного Кавказа в боях за Родину», в ряде очерков, в том числе и самого Шогенцукова «Помнит Баксан, не забыл и Черек». В составе 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса прошел боевой путь народный поэт Кабардино-Балкарии от родного Кавказа до столицы Чехословакии Праги и пронес через все испытания тетрадку-дневник, в которой были первые наброски поэмы «Подвиг». Есть в ней замечательные строки:

Подвиг вечен.
Это знает каждый.
И в народе говорят у нас:
«Трус — не воин, он умрет однажды,

* Архив МО СССР, ф. 33, оп. 690306, д. 1633, л. 67.

Да еще от страха сотни раз».
Смелому судьба дана большая,
Ясная дорога суждена.
Жизнь того, кто подвиг совершает,
На века народом продлена.

(Перевод Ю. Полухина
и Б. Дубровина).

Это о них, о друзьях по студенческой скамье
сменивших перо на штык, ставших на защиту Фа-
дина и отдавших за нее жизни, слова поэмы. «
Андрея Ольховикова и Лиуане Шхаумежеве, о Су-
тане Баучиеве и Евгении Вильсовском, о Мурате
Кучмезове и Амите Муталипове, о тех, кому ве-
жить в памяти людской.

III. ВЫПУСКНИКИ СОРОК ПЕРВОГО

1. НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Радость успешного окончания вуза омрачена была страшной вестью: «Война!» Актовый зал Кабардино-Балкарского госпединститута переполнен. В нем собрались все: от первокурсников до выпускников, от техничек до руководства. Возбужденные и сразу посурковавшие лица юношей и девушек, со средоточенные взгляды участников митинга обращены к трибуне, на которой секретарь партбюро института Биляр Емазаевич Кабалоев. Он тогда сказал: «Товарищи! Вероломная фашистская клика выступила против нас войной. Пусть знает враг, что великий советский народ сумеет разгромить любые полчища хищников. Гитлера и его свору озверевших разбойников постигнет та же участь, какая постигла в 1812 году Наполеона. Весь народ станет на защиту своей Родины. Начинающаяся война, как и война двенадцатого года, явится отечественной войной. Мы победим! Порукой нашей победы — наша славная Красная Армия, наш народ, наше правительство, наша партия!»*

Выступившие на митинге преподаватели Д. И. Бы-

* Газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, 23 июня.

чков и А. И. Антонова, студент И. К. Пернацкий и другие выразили уверенность в неминуемом разгроме вероломного врага и призвали весь колектив института внести свой посильный вклад в общее дело борьбы с фашистскими захватчиками.

— От имени выпускников института сорок первого года,—сказала на митинге студентка четвертого курса Е. В. Позднякова,— заверяю всех присутствующих здесь, родную партию и советское правительство, что если потребуется, то мы станем в ряды защитников Родины, не пожалея сил и жизни, отстаивая ее независимость!

И выпускники сорокового первого сдержали свое слово.

* * *

Уже в первых числах июля сорок первого года Нальчикский городской военкомат отобрал группу выпускников пединститута и направил в военные училища и на курсы при военных академиях.

В город Москву в академию имени Ф. Э. Дзержинского получили направление выпускники физмата Дмитрий Алоев, Борис Бетиев, Иван Гриненко, Григорий Кравченко, Виктор Соловьев, Василий Федченко и Александр Чижкин.

В академию химзащиты им. К. Е. Ворошилова направлялись выпускники факультета естествознания и химии Петр Вальвач, Михаил Доценко, Петр Палушин.

Но обстановка, которая складывалась к осени первого года войны на Московском направлении, не позволила курсантам училищ и академий нормально учиться.

В начале октября 1941 года силами двух танковых групп и полевых армий, при мощной поддержке авиации, противник прорвал линию обороны Западного фронта и устремился на Гжатск и Можайск. Большая группа наших войск из состава Западного и Резервного фронтов оказалась в окружении в районе Вязьмы. Важным рубежом обороны на подступах к Москве должна была стать строившаяся в то время Можайская линия. Но к моменту прорыва фронта наших войск на ней почти не было. По указанию Ставки Верховного Главнокомандования началось срочное формирование и подтягивание к Москве 5, 16, 43, и 49-й Армий. На Можайскую оборонительную линию перебрасывались войска из резерва, курсантские подразделения из военных училищ, отдельные танковые и артиллерийские части. Слушателей краткосрочных курсов при академиях бросили на пополнение частей, стягиваемых на подступы к Москве.

«...В первых числах октября,— пишет старший преподаватель Тамбовского артиллерийско-технического Краснознаменного училища подполковник В. Н. Суровцев,— нас, выпускников краткосрочных курсов, направили в войска на должности артиллерийских техников. Связь между нами прервалась. В чине воентехника 2-го ранга (по-теперешнему — техника-лейтенанта) я получил назначение на должность арттехника 20-го танкового полка 20-й бригады в Пятую армию. После разгрузки восточнее Можайска бригада вступила в бой. Так волею судеб оказался я в тех местах Подмосковья, где проходило знаменитое Бородинское сражение, обессмертившее подвиг русского солдата».

О событиях тех дней рассказывает полковник А. Н. Киселев*:

«...Все здесь напоминало о бессмертном подвиге во имя Родины. Казалось, встали здесь советские солдаты — сибиряки и дальневосточники, моряки-добровольцы, танкисты трех очень немногих численных танковых бригад, курсанты Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина — перед лицом истории, и это она сама величала: не посрамите славы ваших предков, умножьте боевую доблесть их новыми подвигами, стойте до конца, смерть, защищая столицу. И они стояли. ...Гибельные раз за разом повторяли атаки, не считаясь с потерями. Невосполнимые утраты несли и наши войска. 16 октября, когда атакующие подразделения противника прорвались к армейскому начальственному пункту, был ранен командарм Д. Д. Ляшенко и погиб смертью героя замечательный боевой командир Двадцатой танковой бригады Т. С. Орленко».

И снова слово В. Н. Суровцеву: «...Многократное превосходство противника в танках вынуждало наши войска сдать Можайск и с тяжелыми боями отступать до Перхушкова. Чудеса героизма привели войсковые резервы из Сибири. Благодаря нашей армии удалось приостановить наступление немецко-фашистских войск, закрепиться на рубеже в 80 километрах в 80 от столицы и подготовиться к Кабельскому контрнаступлению. После большинства в конце 1941 года бригада была переформирована. Я получил назначение в 50-ю Армию... Затем

* «Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1970, стр. 120.

чил войну в чине капитана, начальника артиллерийского снабжения гвардейской Севастопольской ордена Кутузова минометной бригады на Втором Белорусском фронте...».

После войны большую часть службы провел В. Н. Суровцев на преподавательских должностях в военных учебных заведениях. В звании подполковника с должности старшего преподавателя программирования на ЭВМ Тамбовского артиллерийско-технического Краснознаменного училища уволился в запас, но остался преподавателем высшей математики в училище.

Однокурсник В. Н. Суровцева и его товарищ по краткосрочным курсам в артиллерийской академии Дмитрий Алоев в звании лейтенанта был направлен в 49-ю Армию на должность начальника боепитания бронелоеазда 572-й артбригады. Сорок девятая армия принимала участие в боевых операциях на южном фланге Западного фронта. Части и соединения этой армии отличились в ожесточенных оборонительных боях на рубежах севернее Тулы, а затем в нанесении сокрушительного удара по противнику в направлении Калуги. За успешное проведение боев на подступах к Москве многим подразделениям было присвоено звание гвардейских. Стал гвардеец и лейтенант Д. Г. Алоев.

А когда обстоятельства военного времени позволили отозвать из действующей армии курсантов училищ и слушателей академий Дмитрий Алоев вернулся в артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского и в 1944 году окончил полный ее курс.

5 марта 1945 года в ходе освободительных боев в Прибалтике кавалер орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды гвардии капитан

Д. Г. Алоев погиб в районе станции Вай (Литва).

В трудные дни осени 1941 года защищая Москву Борис Бегиев, Петр Вальвач, Михаил Ценко, Григорий Кравченко и другие выйники сорок первого. Боевое крещение под Москвой на должности командира стрелковой части 34-й особой стрелковой бригады сибиряк получил ныне подполковник запаса М. П. Доценко.

В ходе подготовки к 40-летию со дня открытия Кабардино-Балкарского педагогического института нам удалось связаться со старшим редактором издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» В. А. Федченко. Вот что написал он в адрес юбилейной комиссии:

«...С готовностью отвечаю на ваше письмо, должен сказать, что писать о себе совсем не стыдно, и особенно в том случае, когда знаешь, что слуг особых у тебя никаких нет, и если что тебе сделано, то лишь благодаря усилиям и беззаветности твоих соратников и коллег. В дни боев под Москвой мне пришлось участвовать в сооружении обнинительных рубежей у Сталинграда. Потом прожить учебу в академии. После окончания ее оставлен на преподавательскую работу, вел общий курс физики. После демобилизации в 1956 году из армии поступил работать в издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Нашему коллективу редакции научно-популярной литературы удалось организовать выпуск научно-художественных книг, объединенных в серию «Эврика». В книге этой серии в доступной и занимательной форме рассказывается о переднем крае науки, о самозначительных открытиях и достижениях в науке и технике, о подвигах советских людей в науке. Этому издательству работаю я и по настоящее время».

старшим редактором. От всей души желаю нашему вузу самых больших успехов в подготовке таких воспитанников, которые еще выше подняли бы уровень нашей науки! К моим словам пожеланий присоединяются мои московские друзья Ольга Кукариня, Лидия Васильева, Тамара Бороздна, которые в разные годы окончили наш пединститут».

Адрес Аанны Константиновны Чикиной сообщил мне В. Н. Суровцев. А вскоре от нее из Таганрога пришло письмо. «...Мой сын Александр,— писала она,— выпускник физмата 1941 года, после окончания ордена Ленина военной академии имени Ф. Э. Дзержинского получил направление на Центральный фронт. В связи с тем, что в 1942 году из Тырныауза, где я работала, мне пришлось уходить с нашими войсками через перевал Бечо, связь с сыном была прервана. Только после освобождения Кабардино-Балкарии и возвращения из эвакуации узнала некоторые подробности из его фронтовой биографии.

На одном из участков фронта в районе города Ефремова была отрезана и окружена группа наших войск. Обстановка с каждым днем становилась все сложнее. Сказывалось отсутствие резервов и боеприпасов. Решено было из добровольцев создать группу прорыва, пробить «коридор» к окруженцам, доставить им боеприпасы, вывести измотанные в тяжелых боях уцелевшие подразделения и раненых. В числе добровольцев был и старший лейтенант А. П. Чикин. Задачу по прорыву и выводу войск группа выполнила успешно, но сын мой в этом бою пал смертью храбрых. Случилось это 1 февраля 1943 года. Уже после войны прах его перезахоронен в Кургане Славы, который воздвигнут как памятник павшим в районе города Ефремова...».

Через тридцать один год в том же актовом зале проходил митинг по случаю войны, встретившие выпускники сорок первого года, прибывшие в Нальчик на сорокалетний юбилей открытия нового вуза. Своих однокурсников собирали старые организаторы многих интересных дел дружеского коллектива химиков Михаил Доценко. Время не прошло даром, но как и прежде ярко горели глаза, задористо звучал смех по поводу каждой удивительной шутки, не требовалось многословия при сообщении о делах в прошедшем тридцатилетии. Выстоявшие бедили, остались верны Родине. В часы тяжелых испытаний вспоминали родной институт, давший им не только путевку в жизнь, но и достаточную идеальную закалку.

У двери тридцать седьмой аудитории по имени Доценко остановились. Сделав глубокий поклон в сторону аудитории, он сказал:

— Отсюда, друзья мои, пошла наша счастливая студенческая жизнь. Всякое потом было на всю жизнь запомнил аудиторию, в которой прошла первая лекция.

Осторожно приоткрыв дверь и убедившись, что в аудитории никого нет, Доценко пригласил гостей зайти в нее. И здесь каждый поведал, как прошли у него эти годы.

Кавалер ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и еще десятка боевых наград, подполковник запаса М. П. Доценко после окончания Москвы принимал участие в боях под Смоленском, потом учился в академии. В 1944 году в 3-м Прибалтийском фронте очищал советскую землю от фашистских захватчиков и за освобождение

столицы Латвии — Риги получил благодарность Верховного Главнокомандующего. Участвовал он и в разгроме империалистической Японии.

Отчитались о пройденном пути кавалер ордена Славы и двух орденов Красной Звезды Б. М. Агогев, ныне учитель средней школы № 1 в городе Беслане; участник войны учитель нальчикской средней школы № 6 П. П. Папушин; преподаватель пятигорского медучилища Д. А. Склярова; выступавшая на митинге от имени выпускников сорок первого года теперь учительница прохладненской школы Е. В. Позднякова (Вельдяева) и другие. Вспоминали всех, кто не дожил до радостного Дня Победы и до встречи через тридцать один год.

С гордостью говорили участники встречи о тех, кто осенью сорок первого года с честью прошел славное боевое крещение у стен столицы нашей Родины города-героя Москвы.

2. СТУДЕНЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН

В грозные годы Великой Отечественной войны героическими усилиями нашего народа воздвигались оборонительные рубежи, сыгравшие немаловажную роль в деле разгрома войск противника.

Уже в первые месяцы войны по директиве Ставки Верховного Главнокомандования началась подготовка к созданию глубоко эшелонированной обороны в северных предгорьях Кавказа. По указанию местных партийных органов на строительство оборонительных рубежей направлялись рабочие, колхозники, служащие, учащиеся старших классов и студенты, не подлежащие мобилизации в армию.

В подчинение 10-го армейского управления оборононительных работ НКО СССР и 10-й саперной милиции, осуществлявших военно-инженерные работы на Кавказе, вошло несколько строительных батальонов, сформированных в республике. Свыше тысячи юношей и девушек послал в них Кабардино-Балкарский обком ВЛКСМ*.

Среди подразделений, направленных на строительство оборонительных рубежей в район горы Прохладного, был и студенческий батальон, сформированный из студентов и преподавателей Кабардино-Балкарского института и педучилища.

— Не удалось мне работать в одной из сельских стопольских школ,— рассказывает выпускница первого года преподаватель Пятигорского дицинского училища Дарья Артемовна Склярова, куда я должна была выехать по распределению связи с военными действиями мне пришлось работать в пединституте на должности старшего лаборанта кафедры химии и оставаться в составе комитета комсомола института, так как еще во время учебы я была избрана заместителем секретаря комитета ВЛКСМ.

В сентябре 1941 года закончилось формирование студенческого батальона для работы на строительстве оборонительных рубежей. Комиссаром был назначен секретарь партбюро института Павел Емазаевич Кабалоев (ныне первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС), а его помощником по комсомолу утвердили меня. В конце сентября наш батальон прибыл в распоряжение одного из районов полевого строительства близ горы

* Партиархив Кабардино-Балкарского обкома КПСС.

Прохладного и приступил к работам. Мы не были белоручками. В те времена изнеженных студентов не было. Прекрасно понимали трудности, в которых оказалась страна, и очень хотели своей скромной работой быть полезными. Но было нелегко. Основным рабочим инструментом являлась лопата, главным строительным объектом — противотанковый ров. Трудиться приходилось весь световой день, с небольшим перерывом на обед. Ныла поясница, на первых порах набивались на ладонях кровавые мозоли. И только глубокой ночью можно было услышать, что кто-то из девчонок «расклепился» и всплакнул. А наутро снова все становились в боевой строй батальона. Моя однокурсница Тая Баканеева до сих пор хранит справку, выданную комиссаром нашего батальона Б. Е. Кабалоевым, которая должна была быть представленной в Президиум Верховного Совета нашей республики на предмет награждения Баканеевой Т. Д. за успешную работу в период строительства оборонительных сооружений в районе Прохладного и Нальчика медалью «За оборону Кавказа».

В конце октября занятия в институте были прерваны даже на выпускных курсах. Вот что рассказывает тогда студент четвертого курса ныне учитель истории средней школы № 3 города Кисловодска Стамбулян Эммануил Карпович:

— Моими однокурсниками были Атапин, Грищенко, Дзагов Джраф, Дзагов Караджби, Заветаев, Ликов, Логинов, Саркисянц, Серикова, Писарева, Тенишев, Тюрин, Юров и другие. Кое-кого из них мобилизовали в армию, а оставшихся направили в район города Прохладного на сооружение противотанковых рвов. Я хорошо помню, что по прибытии нас приветствовал помощник комиссара

по комсомолу одного из районов полевого сельства выпускник нашего института Иван нацкий. Мы прекрасно тогда понимали серьезную обстановку. Ведь противник развертывал ужеступление на Ростовском направлении, возникла реальная опасность Северному Кавказу. И нечего было на то, что нам пришлось трудиться в условиях наступивших холодов, а зима сорок пять была очень суровой (иногда на месте работы ходило разжигать костры, чтобы оттаить землю). Жили мы в не очень благоустроенных и несвежих помещениях, работали с большим энтузиазмом. Не было ни одного не выдерживающего нормы, а ведь выбрасывать землю на трехметровой глубине — дело нелегкое. Задача как мне помнится, наша группа выполнила до конца. На строительстве оставался наш основной тальон, а выпускников вернули в Нальчик. В эти с войной сроки обучения были сокращены первой половине декабря мы держали государственные экзамены, а уже 22 декабря мужская нашего выпуска была призвана в ряды Красной Армии. Я получил назначение в 126-ю гаубицескую артиллерийскую бригаду большой мощности Группы Главного Командования, дислоцировавшуюся в Закавказье. Со мной служили и воевали друзья из учебы в институте историк Владимир Заветаев, тератор Иван Погорелов, физик Яков Рогов.

На строительстве противотанковых рвов хордудились студенты литфака: Раиса Голоднюк, Лентина Верещагина, Оля Кукариня, Аня Леонтьева, Иван Погорелов, Петр Тюменев, Мария Ускова, многие другие.

— Мне хорошо помнится, — говорит учительница средней школы № 5 города Нальчика Валентина

на Алексеевна Влазнева (Верещагина). — что мама Раи Голоднюк приехала к нам в Прохладный, чтобы высвободить пару рук для работы на трассе, а на себя добровольно взяла обязанности повара.

За участие в сооружении Кавказского оборонительного пояса многие строители были награждены медалью «За оборону Кавказа», отмечены Грамотами Народного Комиссариата Обороны и ценностями подарками, приказами по 10-му армейскому управлению оборонительных работ НКО СССР и 10-й саперной армии. В числе награжденных работников полевых строительств были и студенты педагогического института. Именными часами отмечен был труд выпускника института секретаря обкома комсомола М. Б. Кеневича. Как дорогую реликвию суровых лет сохраняет Д. А. Склярова Грамоту наркома обороны за самоотверженный труд в студенческом батальоне.

3. В АТАКУ ИДУТ КУРСАНТЫ

В ходе оборонительных боев под Сталинградом на наиболее опасные направления ставились курсантские полки, сформированные из слушателей Винницкого, Грозненского, Житомирского, двух Орджоникидзевских пехотных, Сталинградского военно-политического и двух артиллерийских военных училищ.

Вспоминая те дни, Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков писал: «...На боеспособность курсантских полков вполне можно было положиться, все они имели опытный и подготовленный командный состав, исключительно высокую комсомоль-

скую и партийную прослойку. Физически крепко морально стойкие курсанты были большой силой. Командармы использовали их для маневра, было весьма важно в условиях напряженной войны обстановки. Где стояли курсанты — противник не мог пробиться. Многие из них отдали свою лодовую жизнь за свободу и счастье своей Родины честь и слава им!»*

В числе тех, кто принимал участие в боях подступах к Сталинграду в курсантских полках были многие наши земляки, студенты и выпускники Кабардино-Балкарского педагогического института.

В конце августа 1942 года курсантская Орджоникидзевского пехотного училища под командованием лейтенанта Ф. В. Орлова, успевшего окончить физмат из-за войны, от Дона до Волги отходила с боями и в районе Малой Сочи сутки сдерживала натиск наступавших шестских войск, давая возможность нашим союзникам организовать оборону.

Многие комсомольцы сороковых лет хорошо помнят выступления по радио и в печати способного начинающего поэта, прекрасного организатора и талантливого вожака молодежи Ильи Яковлевича Васильева (Магдебурга). Не будучи в педагогическом институте студента, который бы не знал линского стипендиата студента литфака Василья Абашева, ведь учебу ему приходилось сочетать с работой на радио.

В первые же дни войны мысль о завершении образования пришлось оставить до лучших времен. Являясь заведующим отделом республиканской

* «Битва за Сталинград». Сборник. 1973, стр. 77—78

лодежной газеты, Васильев с головой уходит в работу. Благодаря его кипучей энергии газета становится важной мобилизующей силой молодежи республики в деле организации помощи фронту и в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

В газете и аппарате областного комитета ВЛКСМ он работал недолго. В мае 1942 года вместе с некоторыми студентами пединститута и комсомольскими работниками Васильев был призван в армию. Из запасного полка переведен в Грозненское военно-пехотное училище, а из него в составе курсантского полка отправлен на фронт. Так курсант Васильев оказался в гуще ожесточеннейших боев конца лета и осени сорок второго года у стен Сталинграда.

28 ноября 1942 года курсантский полк включился в боевые действия по уничтожению окруженной немецко-фашистской группировки. Участвуя в этой операции, Иван Яковлевич получил тяжелое ранение и надолго попал в госпиталь. Лишь в мае 1943 года его уволили в запас как непригодного к продолжению службы в рядах армии.

В июне сорок третьего года Иван Яковлевич возвратился на комсомольскую работу. Был секретарем областного комитета ВЛКСМ, работал в аппарате ЦК ВЛКСМ, директором издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». В настоящее время И. Я. Васильев работает ответственным сотрудником аппарата ВЦСПС.

* * *

25 сентября 1942 года сводный курсантский полк, в который входили слушатели Винницкого,

Житомирского, Краснознаменного Орджоникидзевского и других пехотных училищ, при шести пулеметах, триадцати минометах и девяти орудиях под командованием полковника С. П. Затулей, был переброшен на левый фланг 422-й стрелковой дивизии дальневосточников, которая вела бой в районе Лысой горы севернее совхоза «Горная поляна». Комиссаром второго батальона полка был предаватель пединститута Г. П. Петросян, а командиром минометной роты — выпускник исторического отделения сорок первого года лейтенант А. Ю. Гризев.

Над полосой обороны курсантского полка гвардии подствовала высота 136,6. Противник, имея преимущество в резервах и используя позиционный вес, сумел достаточно прочно укрепить высоту. Долговременные огневые точки, зарытые в землянки и самоходные орудия, разветвленные инженерные коммуникации и минные поля делали высоту довольно трудным для атаки объектом.

Ставя перед курсантским полком задачу овладению высотой 136,6, командующий 64-й Армии генерал М. С. Шумилов считал, что эта частная наступательная операция, как и удары 11-й гвардейской и 422-й дивизий, отвлечет часть сил противника, стремящегося во что бы то стало расширить коридор между 64-й и отрезанной 62-й Армиями.

В ночь на 2 октября второй батальон полка занял исходные рубежи для атаки на этот важный узел обороны противника. На рассвете, после большой артиллерийской подготовки, батальон начал штурм высоты. Но не удалось передовым взводам достигнуть окопов противника. Плотный артиллерийско-минометный и ружейно-пулеметный

огонь прижал к земле атакующих, которым удалось продвинуться всего на 80—100 метров. Требовалось срочно подавить хотя бы часть огневых средств противника. Пытаясь решить эту задачу придаными огневыми средствами батальону, комбат направил к артиллеристам и минометчикам начальника штаба. Но не успел он достигнуть позиций минометчиков. Его настигла вражеская пуля. А вскоре и комбат оказался раненым. Вызвав к телефону комиссара батальона Петросяна, полковник Затулей приказал ему принять командование на себя. Понимая, что под таким огнем противника поднять батальон в атаку не удастся, командир полка попросил поддержать курсантов артиллерией и танками соседей.

Вскоре по высоте ударили гвардейские минометы, совершила налет артиллерия резерва армии и в атаку пошла танковая рота.

Как только танки достигли залегшей цепи курсантов, раздалось мощное «ура»!. Бойцы вскочили и под прикрытием танков ворвались в первые траншеи, опоясывающие высоту. Смелым рывком противник был отброшен от передовой линии обороны. Через десять-пятнадцать минут одна из рот завязала бой на самой вершине высоты, куда по ходам сообщения из тыла враг бросал подкрепление из резерва.

Вскоре высота оказалась полностью в руках батальона. Попытки немецко-фашистских войск в этот день выбить курсантов с высоты 136,6 не увенчались успехом. В отражении их ожесточенных атак особенно отличились минометчики лейтенанта А. Ю. Бозиева, которого за участие в штурме и оборону высоты командование представило к награждению орденом Красной Звезды.

От стен Сталинграда до чехословацкого города Кошице — таков боевой путь ныне доцента кафедры научного коммунизма КБГУ Гургена Погоревича Петросяна. Его ратный подвиг отмечен орденом Отечественной войны II степени и несколькими медалями.

Его однополчанин Ахмат Юсупович Бозуспешно защитил кандидатскую диссертацию, работал старшим научным сотрудником научно-исследовательского института в Нальчике, а сейчас редактор республиканской газеты «Путь к коммунизму».

...На Лысой горе и ныне, спустя более тридцати лет после завершения битвы у стен города-героя, не растет даже бурьян. Выжженная термитами снарядами и минами, на долгие годы лишенная растительности, она стоит немым свидетелем примерной стойкости защитников Сталинграда.

4. У СТЕН СТАЛИНГРАДА

«Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге... Перелом в эти тяжелые и, временами казалось, последние часы был совершен 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева... После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган»*.

В середине октября противник предпринял еще

* Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1965, стр. 405.

одно контрнаступление в полосе 13-й гвардейской дивизии, но вновь встретил упорное сопротивление. Дни и ночи шли ожесточенные бои на улицах города, в домах и цехах разрушенных предприятий. В этих боях отличился командир взвода 42-го полка 13-й гвардейской дивизии гвардии лейтенант Кубати Туков.

Кубати Батыrbековичу оставалось сдать государственные экзамены на историческом отделении, где он завершал учебу заочно, так как приходилось работать в комитете по радиовещанию, когда грянула война. После краткосрочных офицерских курсов он некоторое время служил в 115-й кавдивизии, а затем из резерва получил назначение в дивизию Родимцева. Вот что рассказывает участник обороны Сталинграда, гвардии капитан в отставке А. Драган о последнем подвиге Тукова:

«На рассвете 25 ноября один из батальонов полка после ожесточенной схватки с врагом захватил дом на площади 9 Января, находившийся как раз напротив ставшего впоследствии легендарным «дома Павлова». Но закрепиться в разрушенном здании не удалось. Немцы повели по нему минометный огонь. Был убит командир 7-й роты старший лейтенант Наумов, ранены сержанты Павлов, Воронов, лейтенант Афанасьев... Гвардейцам пришлось отойти и закрепиться у «дома Павлова». Чтобы выявить огневые точки врага и уничтожить их, решено было произвести разведку боем. Под прикрытием дымовых шашек группа бойцов, возглавляемая лейтенантом Кубати Туковым, вновь просочилась через площадь.

Группа с честью выполнила поставленную задачу, но в схватке с гитлеровцами смертью героя пал сын Кабардино-Балкарии Кубати Туков. Тело

командира бойцы вынесли под ураганным огнем противника и доставили в «дом Павлова». После боя Тухова похоронили в братской могиле на же площади, где он сражался. Сейчас площадь носит имя В. И. Ленина»*...

— После окончания артиллерийской академии им. Дзержинского Иван Петрович Гриненко получил назначение в 138-й танковый полк,— рассказывает его жена Татьяна Дмитриевна.— Полк лоцировался сначала в Лабинской, а потом в Моздокских водах. Осенью 1942 года полк был переброшен под Сталинград. Мне известно, что и под Сталинградом и на Орловско-Курском направлении Иван Петрович принимал участие в тяжелых боях и был ранен. Весной 1944 года мы получили известие о том, что капитан И. П. Гриненко забыт был положен в госпиталь, где и умер...

В составе 277-й стрелковой дивизии защищавшего Сталинград выпускник краткосрочных курсов командного состава академии химзащиты П. Г. Пушкин. Позже воевал он в прославленной 1-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника А. А. Гречко. Его ратный подвиг отмечен золотом Красной Звезды и рядом других боевых наград...

Всего месяц работали в Урухской средней школе выпускники сорок первого года Б. М. Агоев и К. Д. Макаров.

Окончившая литературный факультет педикульта Л. И. Макарова пишет нам: «9 октября 1941 года мой муж и его товарищ Борис Агоев были призваны Лескенским райвоенкоматом и направлены в действующую армию. Вскоре мне стало

* Газ. «Кабардино-Балкарская правда», 1973, 3 февр.

вестно, что его вместе с группой фронтовиков, имевших высшее образование, должны были направить в Томск, где находилась академия связи. Но он рвался на фронт и поэтому не поехал в академию. Уже в 1943 году, когда от Клавдия Дмитриевича длительное время не было писем, я получила письмо от его друга, бывшего студента нашего института Петра Мошкина. Он сообщал, что вместе с моим мужем участвовал в ожесточенных боях по обороне Сталинграда, что Клавдий был контужен и тяжело ранен. За проявленное мужество и отвагу в боях был награжден орденом Красной Звезды. Позже мы получили еще одно извещение о награждении его орденом. Последнее письмо с фронта я получила в августе 1943 года, а в ноябре пришло извещение, что мой муж в звании сержанта пропал без вести»...

В боях за Сталинград пал смертью храбрых пулеметчик Александр Жилин...

— В мае 1942 года,— рассказывает его однокурсница учительница средней школы № 9 города Нальчика Мария Яковлевна Ушакова,— была удовлетворена просьба большой группы студенток и выпускниц института о призывае их в армию. Из запасного полка нас направили в разные части связистками. Вскоре мне удалось освоить технику работы на приборе управления артиллерийским зенитным огнем, и я получила право работать на нем. Это было в тот момент, когда наш полк прикрывал подступы к Сталинграду. Позже наша часть принимала участие в освобождении Ростова и в ожесточенных сражениях на территории Венгрии. Многое пришлось пережить нашему поколению студентов. Многих мы не досчитались в наших рядах после войны, но горды и счастливы тем, что о под-

вигах наших ровесников с таким благоговением теплотой говорит нынешняя молодежь.

5. НА «ГОЛУБОЙ ЛИНИИ»

Немецко-фашистское командование, стремясь избежать окружения своих войск на Северном Кавказе, стянуло на Таманский полуостров и подошли к нему достаточно крупные силы. Ликвидация этой группировки, основным ядром которой являлась 17-я немецкая армия, была одной из задач Советской Армии на первую половину 1943 г.

Главный узел обороны противника — станция Крымская. Через нее проходили основные железнодорожные и грунтовые магистрали на Новороссийск, Анапу, Тамань, Темрюк. Стремясь во что бы то ни стало удержать этот важный населенный пункт, гитлеровцы превратили его в мощный центр сопротивления. Подступы к станице были укреплены по всем правилам полевой фортификации, ары левее ее и высокая железнодорожная насыпь на фронту делали позиции врага почти неприступными. Крымская стала ключом к так называемой «Голубой линии» — линии обороны, прикрывающей Таманский полуостров.

Здесь скрестились фронтовые пути многих томцев института. Не знали друзья студенческих лет Ануар Темирканов и Мухамед Шибзухов, их части в 56-й Армии рядом взламывали «Голубую линию». В боях под Крымской 9 мая 1943 г. был ранен А. Ж. Темирканов, а несколькими днями позже под Неберджаевской погиб командир стрелкового взвода лейтенант М. И. Шибзухов.

Больше месяца продолжались упорные бои

этом районе, с той лишь разницей, что эпицентр их перемещался постепенно к западу от Крымской, где ряд господствующих высот оставался в руках противника. И хотя по указанию Ставки с 7 июня активные наступательные действия прекращались на Северо-Кавказском фронте, в районе станиц Молдаванской и Киевской кипели бои местного значения. Одна из высот на этом участке, вошедшая в историю боев на «Голубой линии» как «Высота героев», по несколько раз переходила из рук в руки.

Батальон прорыва из резерва армии, где служил старший лейтенант Карданов Буба Мацикович (ныне доцент кафедры русского языка КБГУ), получил задание войти в подчинение гвардейского полка, штурмовавшего высоту 195,5 у станицы Молдаванской.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, непрерывный артиллерийский и минометный обстрел, активные действия вражеской авиации, обрушившей ряд бомбовых ударов на наши наступающие цепи, и невыносимо знойный день, группа подразделений батальона прорыва в рукопашном бою ценою больших потерь сбросила противника с высоты 195,5. Но другие подразделения батальона на флангах продвижения не имели, поэтому следовало ожидать, что немцы организуют контрнаступление и попытаются вновь овладеть высотой.

В этот критический момент оказалось, что батальонное командование выбыло из строя. Учитывая сложившуюся обстановку, старший лейтенант Карданов принял командование на себя и отдал приказ об организации обороны. К полуночи удалось приспособить вражеские окопы к отражению контратаки, а в 3 часа ночи отбить вылазку противника.

С наступлением рассвета не менее полутора автоматчиков при поддержке минометного предприняли новую атаку на наши позиции, но нуждены были отступить... Не прошло и часа, на высоту при поддержке двух самоходных орудий трех танков двинулось более пятисот вражеских солдат. Завязался трудный бой. Благодаря самоверженности защитников высоты и умелому иннициативному бою офицером Кардановым наши бойцы жгли один танк, подбили самоходное орудие и ставили атакующих залечь. Когда инициатива перешла к оборонявшимся, защитники высоты рельным ударом отбросили остатки противника с склонов высоты. Батальон на плечах врага ворвался в хутор Горно-Веселый. Старший лейтенант Карданов был ранен. За овладение высотой 195 успешную ее оборону большинство бойцов было награждено боевыми орденами и медалями.

В архивах Министерства обороны СССР хранятся несколько документов, красноречиво рассказывающих о боевом пути офицера Б. М. Карданова.

Командир 1-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской Краснознаменной Таманской стрелковой дивизии Герой Советского Союза гвардии полковник Поветкин в боевой характеристикие командира роты Б. М. Карданова писал:

«...В ночь на 3 ноября 1943 года, взговаривая штурмовую группу, в штормовую погоду, подстрелом противника, форсировал Керченский пролив и, высадившись на восточном берегу Керченского полуострова, повел свою роту на укрепленные рубежи противника на берегу... Рота под командованием Карданова действовала исключительно хорошо и мужественно. В атаке на высоты 110,7 и 110,9 истребила до 30 гитлеровцев. Продвигаясь вперед

расширяя и улучшая свои позиции, рота в бою за высоту 115,4 уничтожила до 20 фашистов.

Офицерский состав роты умело руководил боем своих подразделений. Тов. Карданов в трудные минуты боя не терялся, действовал решительно и мужественно, выполняя поставленную задачу.

За умелое руководство боем подразделения в десантной операции по овладению восточным берегом Керченского полуострова тов. Карданов представлен к ордену Красного Знамени».

В наградном листе на командира 2-го стрелкового батальона 288-го гвардейского стрелкового полка 94-й гвардейской Звенигородской ордена Суворова стрелковой дивизии гвардии капитана Б. М. Карданова говорится: «В период наступательных боев с 22.8 по 28.8 1944 г. от р. Реут до р. Прут батальон под командованием т. Карданова во взаимодействии с другими подразделениями полка с боями прошел выше 130 км, освободил столицу Молдавской ССР г. Кишинев и другие населенные пункты, умелым маневром осуществил окружение немецкой группировки. Всего батальоном захвачено в плен 180 немецких солдат и офицеров, истреблено свыше 350 вражеских солдат и офицеров... Тов. Карданов лично на самых трудных участках руководил боями, умело принимал важные тактические решения в местах наиболее яростного сопротивления противника. Личный состав батальона показал образцы героизма и стойкости... За проявленное мужество и отвагу достоин правительственный награды — ордена Красного Знамени»*.

Отгремели бои. Буба Мацикович возвратился в

* Архив МО СССР, ф. 33, оп. 690155, д. 5311, л. 12

родной институт. Окончив его, он стал преподавателем вуза и начал работу над кандидатской сертацией. Прокладывая свой путь в науку, онложил максимум сил, преодолел немало трудностей. Были годы до предела заполненные не только учебной и научной, но и организаторской и общественной деятельностью.

Некоторое время Карданов исполнял обязанности директора института, был избран в составы кульпетского и институтского партийных бюро, депутатом Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся.

Имя Бубы Мациковича Караднова хорошо известно научной общественности по его вкладу в составление русско-кабардинского словаря, русско-кабардино-черкесского словаря, по монографии «Фразеология кабардинского языка» и ряду других научных трудов.

В 1974 году Б. М. Караднов в Институте языка и литературы Академии наук Грузинской ССР успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Б. М. Караднов, кавалер четырех боевых орденов и нескольких медалей, коммунист, ученик сейчас на переднем крае борьбы за формирование будущих специалистов народного образования, развитие культуры и науки.

* * *

В 1968 году в Нальчике была организована встреча ветеранов 124-й Пражской Краснознаменной орденов Ленина, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого отдельной гаубичной артиллерии

ской бригады большой мощности резерва Главного Командования. Под Новороссийском начала свой славный боевой путь бригада, в которой несли службу многие нальчане, в том числе товарищи Б. М. Карданова по учебе в пединституте Владимир Заветаев, Александр Логинов, Василий Олейник, Шакир Тенишев, Владимир Тюрин, Павел Чучулин и другие. Участвуя в боях на левом фланге Северо-Кавказского фронта и обеспечивая успешные действия 18-й Армии и частей Черноморского флота по освобождению города Новороссийска, артиллеристы бригады заслужили высокую оценку командования фронтом, и на знамени артбригады засияла первая награда — орден Красного Знамени. Трудными фронтовыми дорогами прошли воины этого соединения от предгорий Кавказа до Берлина.

Многие из них, вернувшись к мирному труду, присоединили к наградам за ратные подвиги награды Родины за доблестный труд. Защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, на должности доцента кафедры истории КПСС КБГУ работает Александр Иванович Логинов. Его грудь украшают ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

В годы мира удостоен медали «За трудовую доблесть» ныне учитель средней школы № 4 Павел Павлович Чучулин.

В морском десанте по освобождению города Новороссийска участвовал и выпускник сорок первого года факультета химии и естествознания И. Н. Новосельцев, служивший на Черноморском флоте. До последних дней И. Н. Новосельцев учителяствовал в одной из школ города Минеральные Воды.

* * *

В трудные дни оборонительных боев на Дону на Туапсинском направлении в составе 18-й Армии затем в наступательных боях на центральном участке «Голубой линии» в составе 56-й Армии крепла боевая слава 395-й стрелковой дивизии. После окончания, вместе с Бубой Кардановым, в рядах Орджоникидзевского пехотного училища должность командира взвода минометной батареи 726-го стрелкового полка этой дивизии прибыл лейтенант Карабльби Дзагов. 26 сентября 1942 года 198-я немецкая пехотная дивизия при поддержке крупных сил авиации после плотной артиллерийской подготовки перешла в наступление на Фагорийское, но, натолкнувшись на упорное сопротивление наших 30-й и 395-й дивизий, вынуждена была отступить. А несколько позже немецкое командование нанесло два удара из района восточнее Фагорийского и на левом фланге 395-й дивизии — целью окружить основную группировку 18-й Армии. В ожесточенных боях приходилось отступать минометчикам Карабльби Дзагова. Бойцы чувствовали, что каждый шаг отступления создает угрозу Туапсе. В эти дни Совинформбюро принесло горестную весть для Карабльби: наши войска оставили Налчик, а значит, и его родное село Шалушку.

Благодаря решительным действиям командования вскоре на Туапсинском направлении удалось ликвидировать прорыв противника. Весь конец октября войска 18-й Армии вели напряженные оборонительные бои, а в ноябре в труднейших условиях горно-лесистой местности была проведена наступательная операция, которая полностью устранила опасность выхода немецко-фашистских войск к Туапсе.

12 января 1943 года части 395-й стрелковой дивизии под командованием полковника Рахимова перешли в наступление, с боями вышли к Кубани и в начале февраля осуществили ее форсирование. К огромной радости Каальби и его родные края были освобождены от немецких захватчиков. Вскоре он узнал, что мать, сестра и братья живы, но дома находится только младший брат — остальные воюют.

После освобождения Краснодара дивизия перешла в 56-ю Армию. Каальби Дзагов за умелые действия в боевых операциях получил продвижение по службе. Он стал командиром минометной батареи. Беспокойство вызывало лишь продолжительное молчание из дома. В дни боев на «Голубой линии» в мае 1943 года он писал сестре Джантабей: «...чувствую себя хорошо. Но почему-то из дома письма не доходят. Пиши правильно адрес и ничего не добавляй. Напиши, как живете, каково здоровье матери. Если есть адреса моих братьев, то пришли их. Передавай привет всем родным и товарищам. Твой брат Каальби».

Чтобы не дать противнику отвести часть войск в Крым, командование Северо-Кавказским фронтом отдало приказ 9-й и 56-й Армиям о переходе в наступление 11 сентября 1943 года. 22-й стрелковый корпус, в который вошла 395-я дивизия, прорвал центральный участок «Голубой линии», овладел станицей Киевской и развел успешное наступление в направлении Варениковской — крупного узла обороны противника, огражденного сплошными минными полями и опоясанного проволочными заграждениями. Минометчики батареи капитана Дзагова принимали участие в ожесточенных боях на подступах к станице и в уличных сражениях.

Преодолевая вражеское сопротивление, к 1 сентября части корпуса вышли к новому обозначенному рубежу противника между таманскими лиманами. Форсировав Старую Кубань, в 22-го корпуса 2 октября прорвали линию обороны противника между Ахтанизовским и Кизильским лиманами, овладели сильно укрепленным сопротивлением — станицей Старотитаровской двумя днями позже ворвались в станицу Всестеблиевскую. Оставалось совершить еще один взвод, чтобы сбросить войска противника в море, тем упорнее и настойчивее сопротивлялся враг, средоточив последние резервы, цепляясь за дюну высотку, за каждый населенный пункт яростью отстаивали остатки 17-й немецкой армии, подступы к косе Чушке.

Участвуя в последних на Северном Кавказе боях, отважный комбат, проявив беззаветное мужество и героизм, пал смертью храбрых в районе города Соленый Темрюкского района 6 октября 1943 года. Приказом по 22-му стрелковому корпусу за образцовое выполнение боевых заданий командования капитан Дзагов Караджби Касимович смертельно был награжден орденом Отечественной войны I степени.

А через три дня радио и газеты сообщили о подвиге Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось: «Войска Северо-Кавказского фронта, ударами с суши и высадкой десантов с моря, в результате многодневных упорных боев, завершили разгром таманской группировки противника и к концу дня, 9 октября, полностью очистили от немецко-фашистских захватчиков Таманский полуостров...

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, уч-

вовавшим в боях за освобождение Таманского полуострова.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!»

IV. ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

1. ПОХОРОНЕН БЫЛ ДВАЖДЫ ЗАЖИВО

Конверт был не похож на те, в которых прислали письма Андрей Иванович. Да и не мог знать, куда дороги эвакуации забросили ее с сынишкой. В суматохе сборов, долгих дней нелегких пути из Нальчика и трудностей устройства на новом месте в далекой Киргизии Анна Илларионовна уже потеряла надежду на то, что связь может быть быстро восстановлена.

И вот в руках у нее письмо. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Дрожащей рукой вскрыла конверт, и строчки горестного извещения лишили ее самой крошечной надежды, таившейся где-то далеко в глубине души. «Ваш муж, старший политрук Щеголев А. И. в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 4 августа 1942 года. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии». Извещение подписал начальник военно-лечебного училища генерал-майор Ивановский.

Как в тумане прошли несколько дней после получения похоронки. Десятилетний сынишка был совсем подспорьем и не мог помочь матери перенести столь тяжкое горе, свалившееся на ее плечи. Ему очень хотелось узнать подробности о

следнем подвиге отца. И он решил обратиться с просьбой к командованию училища рассказать о нем всю правду. На наивное и трогательное письмо мальчика очень скоро пришел ответ от заместителя начальника военно-пехотного училища по политчасти майора Гречихина. Как святую реликвию тех грозных лет хранят в семье это письмо. Вот отрывок из него.

«Дорогой мой мальчик!

Ты просишь, чтобы мы написали всю правду о твоем папе. Я постараюсь это сделать. Поговорим с тобой как мужчина с мужчиной...

Твой папа был преподавателем нашего училища. Но как только возникла угроза выхода немецко-фашистских войск на Кубань, был сформирован курсантский полк, и мы выступили на фронт. Твой папа стал политруком роты противотанковых ружей. В эту роту были подобраны самые стойкие и самые мужественные курсанты. Политрук сразу полюбился бронебойщикам за доброту, хладнокровие, мужество и храбрость...

Боевая задача, которая была поставлена курсантскому полку, заключалась в том, чтобы не пропустить за Кубань наступающие фашистские полчища в районе города Кропоткина. Ты найди этот город на карте и увидишь, какое значение имел он в обороне всей Кубани. Про бой нашего училища за город Кропоткин сообщало Советское Информбюро.

В ночь на 4 августа наш полк занял оборону на северо-восточной окраине города. Рота бронебойщиков и батарея противотанковых орудий выдвинута была к дороге, по которой ожидалось наступление танков. Мы с твоим папой обошли позиции бронебойщиков, советовали им глубже око-

паться, подбадривали их и выражали уверенность, что курсанты стойко встретят врага.

В шесть часов утра показались мотоциклы. Очевидно, с целью разведки. Потом на нашу позицию совершили налет восемнадцать самолетов Немцев обстреляли. Одни удрали, остальные селились на дороге. Твой папа и командир роты пошли по ходам сообщения к бронебойщикам, чтобы подбодрить бойцов, которых волновал первый выстрел. Потом твой папа отошел к противотанковой пушке, замаскированной в кустах. Через полчаса на нем ходу выскочило 23 танка. Впереди шли два танка. На одном из них красное полотно с логотипом: «Смерть немецким оккупантам!». Увидев лозунг и звездочки на танках, бронебойщики потерялись. Но твой папа быстро догадался, что это немецкая провокация. Он решил дать знать курсантам сигналом орудийного выстрела и скомандовал: «По головному танку с красным лозунгом, огонь!»

С первого же выстрела этот танк загорелся, из него стали высакивать танкисты. Вторым выстрелом была сбита башня второго танка. Тогда бронебойщики заговорили все противотанковые ружья, полегли гранаты, разгорелся жаркий бой. Вместе с командиром роты твой папа руководил действиями бронебойщиков.

Подошли еще восемнадцать танков, и двадцать, совершив обходный маневр, пошли в атаку. Орудийный расчет. Один из них был подбит, а другой тяжелый немецкий танк сумел совсем блеснуть, подойти к огневой позиции и прямым попаданием разметал весь расчет. Погибли все, кто находился у орудия. Чудом уцелел только один наводчик, который был тяжело ранен. Очнувшись, он подбежал к лежавшему рядом командиру и политруху.

помощь им уже была не нужна. Они оба были мертвы.

Так в бою с немецкими танками погиб наш дорогой, добрый и храбрый политрук бронебойщиков Щеголев. Здесь же под грохот боя, чтобы не отдать на поругание захватчиков тел дорогих наших командиров, они и были захоронены...

Если тебе придется после войны побывать в тех местах, то пройди на северо-восточную окраину города Кропоткина. Там, где стоит курган с тригонометрической вышкой, и похоронен твой отец... Свято чти его память. Помоги маме пережить это большое горе. Учись и веди себя хорошо. Сейчас все невзгоды надо переживать стойко, как это умел делать Андрей Иванович...».

Но не погиб в том бою старший политрук Щеголев. Взрывная волна отбросила его в кусты, и он потерял сознание. Тяжело раненный, наводчик не мог предположить, что зашедшим с тыла танками к ним было оттеснено подразделение какой-то пехотной части во главе с комиссаром. Сраженного осколком вражеского снаряда комиссара он принял за старшего политрука и под его именем однополчане предали его земле.

Во второй половине дня стало известно, что вклинившиеся в нашу оборону механизированные части противника ворвались в город и взорвали мост через Кубань. Началась передислокация войск, оборонявших подступы к Кропоткину, и раненого старшего политрука обнаружил санинструктор части, сменившей бронебойщиков. Выходившие к южной переправе через Кубань войска пропустили полевой госпиталь, в который был доставлен Андрей Иванович Щеголев.

Только через несколько суток, уже в стацио-

нарном дербентском госпитале, пришел он в сознание. Контузия и ранение были столь серьезны, что врачам пришлось немало повозиться, пока не удалось речь и частично восстановился слух.

Потом долго шли поиски семьи, но приходили ответы были неутешительными.

И только тогда, когда немецко-фашистские захватчики были изгнаны с территории Кабардино-Балкарии, когда в Нальчике началось восстановление нормальной жизни, стали функционировать предприятия и государственные учреждения, ведущей канцелярией Кабардино-Балкарского педагогического института Веры Васильевны Лебедевой встретились два письма. Одно от Анны Илларионовны с горестной вестью о гибели Андрея Ивановича. Другое — от самого Андрея Ивановича.

Трудно теперь, спустя многие годы, представить себе, сколь велика была семейная радость, слышаю «воскрешения из мертвых» отца семейства и какое счастье ему узнать, что родные живы и здоровы.

Ранней весной сорок третьего года, выйдя из госпиталя, старший политрук А. И. Шелев получил назначение в резерв Северо-Кавказского фронта, а оттуда в отдельную Седанскую стрелковую бригаду, которая вела бои на Кубани.

Но недолго шли от него письма родным. Лишь в мае 1943 года, когда в Краснодаре установилась связь с родственниками, Анна Илларионовна запросила командированию членов семьи в Краснодар. Сколько ни просила она, сколько ни писала в адрес мужа и его друзей, веты не приходили.

Наконец, уже осенью получила она весточку, которая вселила хоть небольшую надежду. Письмо приспал старший лейтенант медицинской службы Г. А. Эпов. В нем сообщалось: «...Ваш муж, Шелев

Андрей Иванович, находившийся в нашей части, 2 июня 1943 года в боях с немецкими оккупантами был ранен и эвакуирован в госпиталь». Не было известно только, в какой госпиталь он эвакуирован.

На счастье Андрея Ивановича ранение оказалось легким, но связь с семьей прервалась в связи с ее переездом из Киргизии в Воронежскую область.

Вернувшись в часть и приступив к исполнению служебных обязанностей в конце лета сорок третьего года, старший политрук оказался в гуще разворачивающихся событий перед завершающимся этапом освобождения Таманского полуострова.

Участвуя в ночном бою в районе Новороссийска, старший политрук был в третий раз тяжело ранен. Когда санитары доставили его в медсанбат, то стало ясно, что без срочного хирургического вмешательства спасти Щеголева нельзя.

Бригада вела бои в труднодоступном горном районе, удобных для транспорта дорог не было. Обходным путем к армейскому полевому госпиталю добираться приходилось по нескольку суток.

Тогда, несмотря на то, что в части испытывалась острые нехватка личного состава (упорные бои шли почти все лето), решено было выделить группу бойцов во главе с санинструктором и попытаться через перевал на носилках доставить Щеголева в госпиталь.

Но случилось непредвиденное. Ночью группа, сбившись с тропы, вышла в ущелье, где не было не только госпиталя, но и никаких перевалов, характерных для прифронтовой полосы. На рассвете, произведя разведку, бойцы убедились, что ущелье уходит далеко на юго-восток, в сторону, противоположную объекту, к которому они должны были

выйти. Никому из разведчиков на глаза не попадал провода связи, не видно было даже следов недавних привалов. Горное эхо разносило гул артиллерийской стрельбы так, что терялось всякое представление о том, где в действительности передовая край.

Пришлось возвращаться на перевал. Время было безвозвратно потеряно. А раненому становилось все хуже. К вечеру, выбиваясь из сил, группа вышла к артиллерийским складам, и там было установлено, что до госпиталя еще не меньше полуторы суток пути. Видя осунувшиеся лица бойцов, участную горем девушку-санитарку и мечущегося в горячке старшего политрука, старшина артсостава распорядился выделить группе двух выносливых мулов, на которых доставлялось питание лично в составу, и дал проводника. Это помогло только третью сутки доставить раненого в госпиталь.

Безумно трудный путь по горным тропам, потерянное время привели к тому, что началась гангрена голени правой ноги. Видавший виды главный хирург госпиталя, осмотрев раненого, покачал головой и резко бросил: «Немедленно в операционную!».

Началась борьба за жизнь старшего политрука.

После ампутации голени правой ноги состоявшееся консилиум, руководство госпиталя пришло к заключению, что потребуется повторная операция, которую необходимо произвести в стационарных условиях.

...Санитарный самолет, приняв на борт вместе с тяжелоранеными старшего политрука, взял курс на Краснодар.

Андрею Ивановичу пришлось перенести еще д

сложнейшие операции, прежде чем услышать одобряющее: «Теперь с уверенностью можно сказать, что Вы вернулись с того света!».

Несколько месяцев лечился Андрей Иванович в госпиталях. Потом разыскал семью. А в 1946 году вместе с Анной Илларионовной вернулся на работу в наш педагогический институт. В Нальчике уже узнал о том, что многие студенты и товарищи по работе так и не вернулись с войны.

Время было трудное. Работать приходилось много. Состояние здоровья не позволяло уже браться со столь неистощимой энергией, как в предвоенные годы, за все. Но этого, уже немолодого, столько перенесшего испытаний человека не оставляла в покое идея — довести до конца начатое в тридцатые годы исследование по крестьянскому движению в Кабардино-Балкарии в годы ставлипинской реакции и нового революционного подъема.

Бессонные ночи проводил он над источниками, с огромным трудом собирая материалы в послевоенные годы. Неомотря на трудности, работал в архивах Москвы и Ростова. Случались неудачи, учащались головные боли от чрезмерного перенапряжения. Но ветеран войны не сдавался. И когда в 1956 году его труд был представлен Ученому совету исторического факультета МГУ, Андрею Ивановичу Щеголеву единогласно была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В домик на улице Чернышевского частенько наведываются воспитанники Анны Илларионовны и Андрея Ивановича. У многих из них время посребрило головы, многим пришлось пройти нелегкий путь испытаний войной. Но они не забывают своих наставников и, как в годы студенчества, приносят

им свои радости и печали, приносят чувства глубокой благодарности за подаренную им радость жизни, за данную им частицу души воспитателя, стремившихся привить не только любовь к учительскому труду, но и к нашей великой Родине.

Мне пришлось быть невольным свидетелем встречи одного из них, ныне полковника Советской Армии Бориса Машевича Базиева, со своим ставником, которого он считал погибшим все долгие тридцать лет. Испытавший тяготы фронтовых дорог, потерявший в боях не одного друга, глядевший смерти в глаза воин, встретив в венце университета своего учителя, не мог вымолвить ни одного слова и, лишь прижав к своей груди растроганного теплотой встречи всхлипнувшего от избытка чувств ветерана, скрывал от прохожих слез радости и благодарности тем, кто дважды вырвал из цепких объятий смерти его старшего друга счастливой студенческой поры.

Родина высоко оценила боевые и трудовые слуги супругов. Андрей Иванович Щеголев, коммунист с почти пятидесятилетним стажем, награжден орденом Отечественной войны I степени и несколюкими медалями. Труд Анны Илларионовны отмечен орденом «Знак почета».

Ушли на заслуженный отдых ветераны нашего вуза, но не порывают связей с его жизнью, с деятельностью его партийной организации. Это удивительно. Ведь сами они — живая история в

2. ПОРУЧЕНЕЦ КОМАНДУЮЩЕГО

Весть о войне застигла Федора Орлова на из Закукоева, где он проходил педагогическую практику и где ему посчастливилось осуществить

вой в своей жизни выпуск питомцев школы, в Нальчик. Он ехал сюда, чтобы сдать экзамены летней сессии и подготовиться к последнему учебному году в институте. В памяти всплывали лица его выпускников, трогательные напутствия заоковцев Гукетловых, у которых он жил и которые успели сильно привязаться к молодому русскому учителю.

Война круто изменила жизнь будущего учителя. Не состоялось никаких каникул, да и диплом о высшем образовании пришлось получать уже после войны. Вместе с группой выпускников и студентов-старшекурсников Федор Орлов получил направление в Орджоникидзевское пехотное училище. Курсанты готовились к назначению в действующую армию, но Федору Орлову на этот раз не удалось сразу попасть на фронт. Вместе с небольшой группой выпускников, отлично окончивших училище, лейтенанта Орлова оставили для обучения курсантов.

Летом 1942 года, когда возникла опасность быстрого выхода фашистских войск к Волге и на Кавказ, курсантский полк Орджоникидзевского пехотного училища был переброшен в излучину Дона, где вступил в бой. 22 августа на Дону под Малой Россошкой рота Орлова получила задачу прикрыть отход измотанной в тяжелых боях пехотной дивизии. Равнина, ни кустарника, ни оврага — все как на ладони, кругом воронки от мин и бомб. Все пространство простреливается засевшими в деревне немцами. Но приказ командования тверд: «Сутки держать рубеж!».

Ночь ушла на подготовку к предстоящему бою. Курсанты окапывались, проверяли оружие, резали камыш для маскировки. Со стороны противника от-

четливо доносился гул подтягиваемой техники, слышались обрывки команд.

С первыми лучами солнца начался минный и артиллерийский обстрел курсантских позиций, а вскоре на оборону роты обрушил бомбовый удар караван пикирующих «юнкерсов». В это же время пошла немецкая пехота, ее первый натиск был сантами отбит. Но потери в роте были велики. Две-три такие атаки, и рубеж будет некому держать. Командир роты принял смелое решение перейти от обороны к атаке и захватить окрестное село. Только так можно укрыться от авиации иставить артиллерию противника в трудное положение.

Лейтенант Орлов поднялся первым и увлек с собой бойцов роты. Сбив неприятельское прикрытие на окраине села, рота закрепилась во временных траншеях. В стремительном бою она уничтожила около сотни захватчиков. Отчаянные покидки врага, подтянувшего из резерва до батальона автоматчиков, выбить роту Орлова из деревни успеха не имели. Лейтенант Орлов за проявленную находчивость и смелые действия, обеспечившие ход дивизии в тыл, был награжден медалью «Отвага». В ночь на 24 августа, по приказу командования, рота курсантов была направлена в ре-62-й Армии, защищавшей Сталинград. Командир роты получил новое назначение.

Вот что пишет в своей книге «Годы возмездия 1943—1945» Маршал Советского Союза А. И. Марголенко:

«Ф. В. Орлов, начиная со Сталинграда и вплоть до конца войны, состоял при мне офицером для ручений. Храбрость и исполнительность были отличительными качествами. Он выполнял нем

заданий, связанных с большой ответственностью и риском. Мы попадали с ним в весьма сложную обстановку, и мне представляется, что его находчивость и бдительность не раз избавляли нас обоих от смертельной опасности».

Будучи в Ростове, я разыскал полковника Орлова и подробнее узнал о его военной биографии.

— У стен Сталинграда я вначале командовал батальоном,— рассказал Федор Васильевич.— Потом меня перевели на должность офицера связи механизированного корпуса. В конце декабря 1942 года нас, нескольких офицеров связи, вызвали к командующему Сталинградским фронтом, в то время еще генералу армии А. И. Еременко. Беседа была непродолжительной. Командующий интересовался, кто из нас в каких боях участвовал, за какие подвиги награжден. И на этом встреча закончилась. Откровенно говоря, идя по вызову, я рассчитывал на большее, думал, что мне дадут какое-то ответственное боевое поручение.

Однако через день после этого мне вручили приказ о назначении на должность офицера для особых поручений командующего Сталинградским фронтом. Об этом периоде моей военной службы А. И. Еременко упоминает также и в своей книге «Сталинград». Обе книги с дарственной надписью автор подарил мне.

Федор Васильевич протянул мне книги и фотоальбом. На титульном листе книги «Сталинград» рукой А. И. Еременко написано: «Полковнику Орлову Федору Васильевичу, преданному нашей великой Родине солдату, прошедшему со мной рядом весь боевой путь Великой Отечественной войны, сделавшему много хорошего для общей победы над врагом и для меня лично, посылаю свой труд

на добрую память о величайшей в истории войне — битве у великой русской реки Волги. Маршал Советского Союза А. Еременко. 30 июня 1961 г. Москва».

Славный путь нашего храброго земляка от стен Сталинграда до Златой Праги пролег через Калининский фронт, Крым, Прибалтику, Польшу и Чехословакию. Участником многих операций от освобождения Смоленска до штурма Моравии и Остравы — был Федор Васильевич Орлов. Свидетельством его больших заслуг являются награды — ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, ордена и медали Польши и Чехословакии.

Среди фотографий, которые хранятся в альбоме, есть уникальные, на которых запечатлены военачальники в дни Великой Отечественной войны. Бережно хранит он фото фронтового генерала — полковника Е. А. Пархоменко, сына прославленного героя гражданской войны Александра Ивановича Пархоменко. Здесь же, в альбоме, и стихи студенческих лет.

После войны Орлов закончил академию им. М. В. Фрунзе. Но он не забыл и своей мирной профессии учителя. Закончив заочно физико-математический факультет Львовского педагогического института, он шесть лет преподавал математику и физику в Черновицком военном училище, а позже — в Днепропетровском институте инженеров железнодорожного транспорта. Вот уже несколько лет Ф. В. Орлов находится на заслуженном отдыхе, но педагогическую деятельность не оставляет. Сейчас он руководит подготовительными курсами в институте инженеров железнодорожного транспорта.

Я рассказал ветерану о том, что студенческие

КБГУ решили организовать встречу выпускников института всех лет и собрать материалы о тех, кому не удалось дожить до наших дней.

— Хорошее это дело,— сказал Орлов.— Когда-то мы строили студенческое общежитие и были одними из первых его жильцов. В одной комнате жили Иван Таран, Мусафир Огурлуев и я. Из троих только мне удалось дожить до нынешних дней. Пусть наша студенческая молодежь не только помнит о тех, кто отдал жизнь за счастье грядущих поколений, но и будет достойна их светлой памяти.

3. «ПОМНИТЕ ИХ, ЛЮДИ!»

Еще в 1943 году Айшат Боташевна Огурлуева получила извещение о том, что сын ее Мусафир, участвуя в боях за освобождение Украины, пропал без вести.

Уже после войны другу его студенческих лет журналисту Магомеду Настуеву после долгих поисков удалось установить, что офицер Огурлуев не пропал без вести, а погиб, увлекая за собой в атаку стрелковую роту. Этот бой рота вела за село Привольное в Донбассе.

В 1971 году во время встречи со своими однополчанами, которая проходила в городе Зугрэсе Донецкой области, мой фронтовой друг Н. И. Моругий рассказал об ожесточенных боях, проходивших в 1943 году за освобождение его родного города Приволье, близ Лисичанска. Мне почему-то подумалось, что село Привольное могло за эти годы стать городом, и вот спустя почти год с момен-

та встречи, перечитывая рассказ о Мусафире Огурлуеве в университетской многотиражной газете решил с ним познакомить своего фронтового друга, хотя и не рассчитывал на то, что удастся точно установить место гибели бывшего студента педагогического института.

Каково же было мое удивление, когда в ответ на посланную мною вырезку из нашей многотиражки в течение недели пришел ответ. Вот что рассказал мне Н. И. Моругий: «Я сомневался, что смог чем-либо помочь, ибо первый же человек, который занимался изучением периода боев за наше Приволье, директор местной школы, сказал мне, что фамилии такой среди тех, кто освобождал город он не помнит. И все же я поехал в горисполком показал вырезку из газеты, и мне дали списки тех, кто погиб в боях за Приволье. На первой же странице обнаружил я фамилию вашего земляка. Действительно, лейтенант Огурлуев Мусафир Шейхович освобождал наш город и погиб в жестоком бою. Похоронен он на братском кладбище 28 марта 1943 года».

Обильно полита кровью народов нашей многонациональной страны родная мне земля Донбасс. Свято чтят героические подвиги отцов и старших братьев нынешнее поколение. Я осмотрел все памятники в районе боев за наш город. На господствующей высоте около бывшей шахты им. Артема руками комсомольцев Ново-Краматорского механического завода и города Лисичанска сооружен обелиск, у подножия которого лежит чугунная плита с надписью:

«На этом плацдарме в мае-августе 1943 года стояли насмерть воины славной 59-й гвардейской Краматорской Краснознаменной орденов Суворова

и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии. Помните их, люди!».

Одним из славных гвардейцев этой дивизии был питомец вашего института, сын балкарского народа Мусафир Огурлуев. Вечная ему слава и сердечная благодарность от моих земляков».

...Почти четверть века числился без вести пропавшим офицер Амит Муталипов. Самолет-разведчик, на котором он вылетел на задание в оккупированный фашистами Крым, не вернулся на аэродром. Кубанские плавни цепко держали тайну подбитого в воздушном бою самолета ПЕ-2 и его экипажа. Осущенный участок плавней обнажил многие раны минувшей войны. На останки самолета наткнулся колхозный пастух. Его внимание привлек заржавленный перочинный нож, у которого чудом сохранилась одна из половинок ручки. При очень тщательном рассмотрении на ручке удалось прочитать нацарапанное: «А. Муталипов».

Так была открыта еще одна из безвестных могил — экипажа пикирующего бомбардировщика-разведчика, чуть-чуть не дотянувшего до своего аэродрома после тяжелого воздушного боя.

С воинскими почестями были перезахоронены останки экипажа. Каждый день чья-то заботливая рука укладывает к подножию скромного обелиска на братской могиле цветы, свидетельство дани тех, за чье счастье отдали жизни герояи.

4. ГВАРДИЙ МАЙОР

У выпускника Карабаевского педрабфака Хамзата Бадахова было два страстных желания. Хотелось быть учителем физики, заходить в притих-

ший класс и к восторгу и удивлению учащих монстрировать и пояснить приборы и опыты процессах окружающей действительности. И еще тал он стать военным. Да и кого из юношеских лет не волновали подвиги легендарного комиссара Чапаева? Кому не хотелось, как Павка Королев громить врагов революции.

Хамзат прекрасно понимал, что соединить желания невозможно. Поэтому отдал предпочтение учительской профессии и поступил на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. Не думал он тогда, что военный же станет раньше, чем учителем.

Когда пришла пора проходить службу в армии, Тамбовское кавалерийское училище предоставило ему возможность в совершенстве овладеть военной специальностью. Потом, когда уже началась война, волею судеб он оказался в Балашовском кадетском бардировочном училище, но, проявив настойчивость, сумел добиться откомандирования в действующую армию.

В сентябре 1942 года, получив назначение в 1-й гвардейский кавалерийский корпус, гвардии лейтенант Х. И. Бадаев становится командиром роты лыжников и участвует в боевых операциях Воронежского и Степного фронтов.

10 октября 1943 года разведывательный эскадрон под командованием Х. И. Бадаева, форсировав реку Тетерев, дерзкой атакой выбил вражеский гарнизон из Затонска и сутки удерживал до подхода основных сил корпуса этот важный опорный пункт противника, прикрывавший подступы к южному крылу Украины. Командир 2-й гвардейской кавалерийской Крымской Краснознаменной дивизии гвардии генерал-майор Х. Д. Мамсуров лично

чил орден Отечественной войны I степени отважному разведчику.

Попытка после освобождения Киева войсками правого крыла 1-го Украинского фронта развивать наступление на Житомир натолкнулась на яростное сопротивление врага. Немецко-фашистское командование, прикрыв подступы к господствующим высотам и населенным пунктам, вынудило наши наступающие части остановиться перед степной и равнинной полосой. В течение недели все попытки разведать подступы к укреплениям противника, проникнуть в тыл и взять «языка» заканчивались неудачами. Разведка боем приносila только потери. Тогда-то и возникла идея сформировать поисковую группу, которая должна была добыть интересующие командование разведывательные данные. Командиром ее назначен был Х. И. Бадахов.

В ночь на 23 ноября 1943 года поисковая группа проникла в тыл противника в районе Осиновки и уже на первых шагах чуть было не провалила операцию. На пути бокового дозора попался сарай. Разведчики заглянули внутрь, осветили фонариком пол и обнаружили вповалку спящих, видно недавно подброшенных к передовой, фашистских солдат. Дверь предательски скрипнула, и кто-то из глубины сарая окликнул по-немецки разведчиков. Ничего не оставалось делать, как открыть автоматный огонь и уходить от злополучного сарая. Провал был неминуем. Тогда Бадахов, разбив разведчиков на две группы, одну отправил для перехода к передовой, чтобы отвлечь противника, а с другой ушел дальше. Уже за полночь разведчики натолкнулись на землянку, которую охраняли двое часовых. Времени оставалось мало.

Решено было снимать часовых и брать тех, кто землянке. Так в руках наших воинов оказалось шесть «языков». Переходить к своим пришлось легко в стороне от места, где возвращалась первая группа. Движение сковывали захваченные. И же удалось до рассвета выйти к нейтральной зоне. Благополучно миновав боевое охранение врага, ведчики чуть не попали под обстрел. Выручила держка командира, который рассредоточив группу, с первым «языком» сумел приблизиться к реднему краю так, чтобы, не поднимая большого шума, дать условный сигнал. Из шести захваченных только четырех удалось доставить благополучно. Два фельдфебеля оказались очень разговорчивыми и сообщили чрезвычайно важные сведения о новых соединениях, которые передислоцировались на этот участок фронта. Все участники поисковой группы были отмечены высокими правительственными наградами. К сожалению, награжденный лист гвардии лейтенанта Х. И. Бадахова также попал на подпись командующему фронтом.

До сих пор хранит Хамзат Ибраевич кусок карты, изъятой им у одного из взятых в поиске фельдфебелей. На обороте дата «23 XI—43» и подпись «Осиновка».

В начале осени сорок четвертого года 1-й гвардейский кавалерийский корпус был введен в прорыв на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с целью выйти на словацкую границу и соединиться с патриотами, поднявшими восстание в тылу у немецко-фашистских войск. За двое суток гвардейцы проникнув сквозь огненный коридор, сумели продержаться сопротивление врага и достигнуть намеченных рубежей. Помощник начальника разведывательного полка гвардии майор Х. И. Бадахов во главе первых

довых групп одним из первых ступил на землю Словакии. Но противнику удалось закрыть пробитую нашими войсками брешь, и корпус оказался в труднейших условиях — без боеприпасов, продовольствия, фуражи.

В эти трудные дни Х. И. Бадахову пришлось прикрывать вывод обозов с ранеными из вражеского окружения. Его подвиг был отмечен орденом Красной Звезды.

Потом новые бои по разгрому Верхне-Силезской группировки противника, по овладению и расширению плацдарма на левом берегу реки Одер в районе города Ратибор. В те зимние дни сорок пятого года гвардии майору Х. И. Бадахову с группой разведчиков в боевых порядках одного из полков пришлось отражать по 8—9 яростных контратак противника, стремившегося ликвидировать наш плацдарм.

В боевой характеристике тех лет говорится: «В должности помощника начальника разведки дивизии — с августа 1944 года. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Храб. В боях по уничтожению окруженной группировки войск противника в районе Каттовицы—Глейвиц, при форсировании рек Одер, Шпрее и Эльба, преодоляя смерть, проявил мужество, отвагу и героизм. Не прерывно находился в боевых порядках частей дивизии. Сам лично с двумя разведчиками вел разведку. За проявленное мужество и геройство в бою по защите Родины от немецко-фашистских захватчиков дважды награжден правительственными наградами и представлен к высшей награде — ордену Ленина». К концу войны еще один орден — орден Красного Знамени украсил грудь гвардии майора Х. И. Бадахова.

Уже после войны ему довелось выполнять особое задание командования.

Но в глубине души он хранил мысль о том, чтобы вернуться в институт, продолжить учебу, обрести гражданскую специальность. Многим из нас памятны послевоенные вузовские годы. О них и о студентах тех лет очень хорошо сказал на Всесоюзном слете студентов 19 октября 1971 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «...И едва отгремели годы войны, прямо в гимнастерках, в солдатских шинелях они вернулись в аудитории, чтобы закончить образование. Высшая школа надолго запомнит образ студента-фронтовика. Его обостренное чувство ответственности, трудолюбие, его гражданский темперамент и партийная принципиальность явились замечательным примером для многих последующих поколений студентства».

Вернулся в родной институт и заставил себя засесть за учебники гвардии майор Х. И. Бадаев. Трудно, очень трудно было учиться в те годы. Руками студентов восстанавливалась учебная база. Не хватало литературы, бумаги для конспектов, на глядных пособий, приборов и оборудования. Были продовольственные карточки, холодные аудитории и комнаты в общежитии.

Но были учебные группы, где почти каждый студент имел по несколько наград, и в предпраздничные дни будто солнца прибывало в аудитории от блеска орденов и медалей. Стремление преодолеть послевоенные трудности делало чудеса. Зачарованно смотрела молодежь на своих заслуженных однокурсников. Училась у них выдержке, мужеству и трудолюбию. Почти все в те годы знали лучших студентов на литфаке Бубу Карданова.

Леонида Кулаковского и Ахтедхана Налоева, на химико-биологическом Александре Гунько, Александра Жихарева и Виктора Иванова, на физмате — Хамзата Бадахова, Ивана Ланина и других. Наверное, стремление наверстать упущенное за годы войны и привело большинство из них в науку.

В годы учебы увлекли Хамзата Бадахова проблемы, с которыми знакомил слушателей на семинарах по физике поверхностных явлений тогда начинавший свой путь в пединституте кандидат физико-математических наук Сергей Николаевич Задумкин. Многие часы проводил Бадахов в лабораториях, пытаясь сконструировать свою экспериментальную установку для проверки теоретических расчетов. Труд его не пропал даром. Уже в 1952 году вышла в свет первая научная работа, выполненная совместно с С. Н. Задумкиным. Статья носила название: «Периодическая зависимость поверхностного натяжения металлов от атомного номера».

Но путь к кандидатской диссертации оказался трудным и тернистым. Были взлеты и падения. Были удачные опыты и противоречивые результаты измерений и расчетов. Были мгновения радостных открытий и дни и годы мучительных поисков путей преодоления неудач. Почти двадцать лет потребовалось для того, чтобы сказать, что им внесена какая-то доля в решение общей проблемы. Скромно назвал Х. И. Бадахов свой труд: «Некоторые исследования в области поверхностных явлений», который был представлен ученым совету Кабардино-Балкарского государственного университета. На заседании совета профессор С. Н. Задумкин не только положительно оценил научную и практическую значимость представленной к защи-

те диссертации, но и о соискателе отзывался как трудолюбивом, настойчивом и по-граждански мужественном исследователе.

Действительно, защищать диссертацию, когда седина посеребрила голову, когда многие ученики уже сделали серьезную заявку в большую науку, коллеги, годящиеся в сыновья, сумели давно «остановиться» — это тоже своего рода подвиг. И не жена он для того, чтобы у тех, кто работает рядом не угасал огонек научного поиска, не иссякал стремление к совершенствованию.

Много лет работает Хамзат Ибраевич Бадахов в Высокогорном геофизическом институте. И здесь как и тридцать лет назад, он на переднем крае — разведке. Ведет разведку поведения ледников горных лавин в лаборатории гляциологии в Прэльбрусье.

5. РЕЙД НА ОДЕССУ

Немало славных страниц в боевую летопись Великой Отечественной войны вписали воины конно-механизированной группы под командованием генерала И. А. Плиева. В операциях по вражеским тылам, в разгроме «армии мстителей», в боях на оперативно важных направлениях под знаменами ссоединений группы мужественно сражались с захватчиками представители многих народов нашей необъятной Родины. Были в их числе и наши земляки.

По указанию представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского конно-механизированная группа из резерва 4-го Украинского фронта в середине

февраля 1944 года начала передислокацию на участок 3-го Украинского фронта, где готовился прорыв вражеской обороны. В составе инженерных войск фронта, обеспечивавших переправу через Днепр в районе Никополя, находился и 101-й отдельный понтонно-мостовой батальон, где взводным нес службу лейтенант А. Х. Налоев.

Несмотря на непогоду, над переправой почти ежедневно появлялись группы вражеских бомбардировщиков, и большого труда стоило зенитчикам, нашей истребительной авиации и понтонерам, чтобы после каждого налета бесперебойно по наведенному мосту, без срыва сроков переброски, переправлялись войска и техника.

В один из дней, когда двигались подразделения 30-й кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавкорпуса, лейтенант Налоев, следя за ходом переправы на правом берегу Днепра, в колонне конников заметил офицера, лицо которого показалось ему очень знакомым.

— Григорий! — окликнул он его.

Ловко лавируя в массе переправляющихся, всадник выбрался из общего потока и остановился рядом с Налоевым. Ошибки быть не могло: перед Ахмедханом стоял товарищ по учебе в пединституте Григорий Качаров. Его нетрудно было узнать по смуглому, чуть скуластому лицу, густым ложматым вразброс бровям и с лукавой искоркой карим глазам.

После крепких объятий, по случаю такой радостной встречи на берегах Днепра, на правах хозяина Ахмедхан пригласил товарища в свои «каппартаменты». И через миг землянка понтонеров заполнилась раскатистым солдатским смехом. Григорий был не только лихим джигитом, великолеп-

ным спортсменом, мастерство которого приводило в восторг многочисленных нальчикских футбольных болельщиков, но и отличным рассказчиком, и прекрасным танцором, и просто видным парнем. Не одна студентка, глядя на него зачарованным взглядом, надеялась на приглашение, приходя на вечера танцев в институт.

От шуток, веселых былей и армейских розыгрышей разговор незаметно перешел на родные места, захватил общих знакомых, войну и фронтовые пути-дороги.

— После офицерских курсов в Орджоникидзевском пехотном училище,— поведал Качаров,— получил назначение в 316-й кавполк нашей 115-й кавалерийской дивизии. В боях на подступах к Сталинграду вместе с однополчанами хлебнул горечь безвозвратных потерь и трудных боев отступления. Потом оказался ненадолго в резерве, и вот теперь уже ветеран 133-го кавполка 30-й дивизии, командир сабельного взвода. В нашем корпусе много земляков. Мне посчастливилось встречаться с Адамом Шогенцуковым, с твоим урухским другом Бобой Канчукоевым, боевую службу несут в нем Мухамед Вороков из Каменномостского, Моца Мудранов, Сахатгери Тлеужев, Блу Абазов, Жилоков и другие. Жаль, что ты многих прозевал, они раньше переправились, а то можно было бы устроить теплую встречу наших земляков на берегу Днепра.

...Через несколько дней после этой встречи конно-механизированная группа, войдя в прорыв на участке 8-й Армии и преодолевая отчаянное сопротивление частей 24-й танковой, 16-й механизированной и 3-й горнострелковой вражеских дивизий, развернула наступление в общем направлении на

город Новый Буг. 30-й кавдивизии со средствами усиления была поставлена задача, совершив обходный маневр с юга, нанести удар частью сил по южной окраине, а главными силами перерезать дороги, идущие из города на запад, чтобы воспрепятствовать отходу частей гарнизона за реку Ингул и не допустить подхода свежих резервов с запада. Вот как описывает в своей книге один из эпизодов взятия Нового Буга генерал И. А. Плиев: «...Внезапность была полнейшей. И все-таки некоторая часть пехоты с техникой вырвалась из города и пыталась пробиться на запад по дороге на Сафневку. Генерал Головской успел перехватить эту дорогу силами 133-го кавалерийского полка подполковника Т. А. Иванова. Полк, успешно выполнив задачу, вышел сюда налегке, часть артиллерии застряла в грязи.

Прорвавшаяся из города вражеская пехота попала под сильный пулеметный огонь и залегла. Гитлеровцы пустили вперед танки и двинулись в атаку. Танки противника шли медленно, чтобы не отрываться от утопающей в грязи пехоты. Казаки, используя каждую складку местности, залегли на плащпалатках и ждали. Командир сосредоточил огонь всех соседних эскадронов по атакующей пехоте противника. Но гитлеровцы продолжали лезть напролом, видя в этом единственное спасение. И вдруг кто-то из казаков вскочил и бросился на встречу танкам противника. За ним еще несколько. Они бежали, падали, ползли, снова вскакивали и бежали. Подразделения усилили фланговый огонь по пехоте, стараясь прижать ее к земле. Ряды атакующих таяли, но оставшиеся в живых все шли и шли, ведя огонь на ходу. Три взрыва раздались почти одновременно, потом снова взрывы и снова.

Танки загорелись густым черным огнем. И б от этих взрывов сдетонировало мощное «ур- контратакующих казаков...». В этом бою отли ся и сабельный взвод старшего лейтен Г. Д. Качарова.

Отсекая пути отхода 6-й немецкой армии, но-механизированная группа вышла к Снигир и 14 марта соединилась с нашими наступающ войсками, а затем, развернувшись на за успешно преследовала отступавшие к Южному гу разрозненные соединения противника. Бле щие действия дивизий 4-го кавкорпуса были в ко оценены командованием. 30-я Краснознамен кавалерийская дивизия получила наименова Новобугской. Орденом Суворова награждены ли гвардейские дивизии корпуса.

После небольшой передышки и пополне средствами усиления в конце марта 1944 года 1 но-механизированная группа, форсировав Юж Буг на участке 37-й Армии, начала новую ре вую операцию в направлении Березовки и П дельной. К утру 31 марта передовые части 1 кавдивизии вышли к реке Тилигул. Начальник литодела 4-го гвардейского Кубанского казачи кавалерийского корпуса полковник Карев, отме высокий боевой дух воинов и массовое проявле героизма, в политдонесении писал: «Для того бы овладеть населенным пунктом Степанов личному составу 30-й Краснознаменной кавалер ской дивизии надо было под огнем противника рейти по пояс в ледяной воде через реку Ти гул. И эта задача была с честью выполнена. Р была форсирована, село взято с бою, и пресле вание противника продолжалось дальше. Бойцы офицеры дивизии, промокшие в студеной холода

воде, в морозную снежную погоду продолжали преследование, не имея возможности обогреться и обсушиться. Но никто ни слова не сказал об этом. Все рвались вперед»*.

— В моей памяти,— рассказывает народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Огурлиевич Шо-генцуков,— отчетливо сохранились впечатления о тех героических днях. На второй или третий день нашего рейда начался мелкий леденящий дождь. В сплошное месиво превратились дороги. Выбивались из сил лошади. На солдатских руках и плечах передвигались боевая техника, орудия, боеприпасы, продовольствие, снаряжение. Бездорожье сковывало маневр. На подступах к Раздельной пошел снег. Каждый метр наступления достигался предельным напряжением усилий наших воинов. Измотанных больше трудным маршем и непогодой, чем противником, гвардейцев только чудо могло поднять на ночную атаку этого важного опорного пункта. Командование понимало, что всякая отсрочка взятия Раздельной влекла за собой не только излишние потери, но и утрату инициативы. Поэтому генерал И. А. Плиев пришел к единственно правильному в тех условиях решению — лично возглавить конную атаку на город. Широкое оповещение об этом войск сыграло роль по поднятию боевого духа личного состава. В едином порыве все соединения ринулись на штурм Раздельной. Трудный бой продолжался всю ночь и до середины следующего дня. Конники одержали важную победу. Получив задание корпусной газете собрать подробный материал о ночном штурме

* Архив МО СССР, ф. 4 гв. КК, оп. 114562, д. 1, л. 5.

Раздельной кавалеристами генерала В. С. Госского и разыскивая штаб дивизии, я встретил сшего лейтенанта Г. Д. Качарова. Он весь горел давней схваткой с противником, поэтому разговор вначале шел, главным образом, о событиях ночи, об отличившихся бойцах его сабельного подразделения, о мужестве и стойкости, о тех, для кого этот был последним. Потом, будто спохватившись он вспомнил о встрече с Ахмедханом Налоевым никопольской переправе, передал мне его просьбу, пожелав мне успешных дел, рассказал, как бы лучше добраться до штаба дивизии. Это была наша последняя встреча.

5 апреля 1944 года в специальной сводке Центрального информбюро сообщалось: «...Конно-механизированные соединения вышли к городу Раздельная. Немцы упорно защищали этот важный узел коммуникаций и опорный пункт обороны на подступах к Одессе. Стремительными ударами наши боевые товарищи сломили сопротивление противника и овладели крупным узлом железных дорог и городом Раздельная. Таким образом, железнодорожная линия Одесса — Тирасполь перерезана нашими войсками. Самым отрезаны основные пути отхода в Румынию Одесской группировке противника».

От Раздельной конно-механизированная группа устремилась на юг, отсекая основные силы 6-й мещкой и 3-й румынской армий. 8 апреля, в результате умелого маневра и мощного удара по резервам, прикрывавшим тылы вражеских войск, нашим конникам удалось захватить Беляевку. Теперь предстояло совершить еще один бросок, чтобы вновь с тыла овладеть Одессой.

«...В моей памяти 9 апреля 1944 года,— пишет генерал И. А. Плиев,— остался как день, которы

принес и огорчения и бурную радость решающей победы. Оба эти чувства жили во мне одновременно, так как в одно и то же время происходили события, их порождавшие. ...Военная судьба приготовила нам самые тяжелые испытания, самые знаменательные победы».

На левом фланге группы через Петерсталь и Дальник наносился удар силами 4-го гвардейского механизированного корпуса и 5-й отдельной мотострелковой бригады. В центре пробивалась через Татарку 9-я гвардейская кавдивизия. На правом фланге в направлении южной части Татарки и Болгарских хуторов, совершив широкий маневр через Мариенталь, наступала дивизия генерала В. С. Головского. И, наконец, на Овидиополь и Караглино-Бугаз направлялась усиленная 10-я гвардейская дивизия.

«...Всю ночь ни на минуту не утихали бои. Всю ночь соединения группы громили, раскалывали, расчленяли и распыляли отходившие из Одессы потоки войск противника... Теперь надо было во что бы то ни стало захватить всю юго-западную часть города... Единственное и верное решение — развернуть священные гвардейские боевые знамена полков, бригад и дивизий в боевых порядках войск и сделать самый трудный бросок вперед.

...Эта атака представляла собой грандиозное зрелище. Кавалерийские дивизии, перестроившись в ходе боя в один эшелон и выдвинув в боевые порядки все танки, самоходные установки, артиллерию, пулеметные тачанки, все штабы и даже санитарные эскадроны — словом все, буквально все, рванулись в конном строю вперед.

...Пули зла высвистывают свою короткую пес-

ию смерти. Им аккомпанируют взрывы снарядов. На мгновенье конно-танковая лава смешивается с массами растерявшихся солдат противника, и поле сразу же покрывается трупами гитлеровцев. Затем она врывается на улицы Одессы. Особенно удачной была атака конницы генерала Головского. Ее удар пришелся по главным силам отходящей дивизии немцев, и они сдались в плен». — Так описывает последний момент боя за Одессу генерал Плиев в своих мемуарах.

Но не всем воинам группы удалось увидеть освобожденную Одессу. В последней атаке вражеская пуля сразила любимца 133-го полка старшего лейтенанта Качарова Григория Джавадовича.

6. НА ПЕРЕПРАВЕ

Шел третий год Великой Отечественной войны. Советская Армия, нанося удар за ударом, все больше очищала нашу землю от фашистских захватчиков и завершала освобождение своей родины.

23 июня 1944 года началась одна из крупнейших наступательных операций четырех фронтов в Белоруссии. Она охватывала более тысячи километров по фронту и до шестисот километров в глубину. Основная трудность ее заключалась в том, что войскам предстояло форсировать такие водные преграды, как Днепр, Друть, Березину, Свислочь и ряд мелких, сильно заболоченных рек и речушек. Для успешного выполнения операции под кодовым названием «Багратион» и были стянуты многие инженерные части резерва Главного Командования с других фронтов в Белоруссию. В числе этих под-

разделений действовал и 101-й отдельный понтонно-мостовой батальон под командованием подполковника И. В. Ильичева. Десятки водных преград преодолевали войска 3-го Белорусского фронта по понтонам, сооруженным бойцами батальона, сотни мостов и переправ было ими построено, десятки тысяч мин обезврежено. От умелых действий саперов-понтонеров во многом зависел успех операции войск. Вместе с тем малейшая ошибка саперов могла не только поставить под угрозу срыва операцию, но и повлечь за собой тысячи ненужных жертв.

Вот что написал нам заместитель командира батальона подполковник запаса И. П. Есипенко, ныне живущий в Таганроге:

«Войска 3-го Белорусского фронта вели ожесточенные бои за освобождение Литвы. Передовые части фронта, с ходу форсировав реку Неман, сумели захватить на левом берегу небольшой плацдарм. Это никак не устраивало немецкое командование. И оно приняло все меры к тому, чтобы сбросить наши войска в Неман. В бой против нашей пехоты были брошены крупные силы танков, самоходной артиллерии, в воздухе «висели» пикирующие бомбардировщики. И хотя наши бойцы проявляли образцы стойкости и беззаветного мужества, слишком неравны были силы и давало себя знать отсутствие резервов, боеприпасов и техники на плацдарме.

В один из моментов, когда немцам уже казалось, что силы наши иссякли и горстка смельчаков будет ликвидирована, командование фронта поставило перед нашим батальоном задачу: во что бы то ни стало навести переправу через Неман и обеспе-

чить переброску на левый берег резерва, танков и артиллерии.

Перед нами возникла проблема, не имея в наличии наплавных средств, обеспечить сооружение таких pontонов, которые в состоянии были бы выдержать при транспортировании вес нашего Т-34.

И вот в этот критический момент командир pontонного взвода лейтенант А. Х. Налоев, проявив редкую изобретательность и умение сапера, собрал из трофейных, захваченных на предыдущих водных рубежах у немцев pontонов и других подручных средств, некое подобие парома. Расчеты показали, что паром может выдержать солидные нагрузки, поэтому командованию было доложено о готовности батальона начать переправу. Вскоре к месту погрузки подошла танковая рота. Выскочивший из первого танка молоденький лейтенант зашел на паром и, с сомнением покачав головой, сказал:

— Я на эту посудину загонять танк не буду. Погибнем без встречи с противником!

Другие танкисты тоже не осмеливались выскакивать за погрузку. Возникла ситуация, последствия которой трудно оценить. И тогда лейтенант Налоев, вскочив на головной танк, крикнул механизму-водителю:

— А ну, загоняй на паром! А ты, товарищ лейтенант, если не веришь, оставайся на правом берегу. Мы тебя на лодке переправим. На первом танке к плацдарму пойду я. И если ponton не выдержит, то вместе с танком буду на дне!

Такое заявление сапера задело самолюбие танкистов. А когда они увидели, что танк зашел на паром и паром не утратил своих плавучих качеств, а Ахмедхан Налоев не собирается сходить с танка,

им даже стало стыдно за недоверие к сооружению саперов.

После третьего или четвертого рейса мы с командиром осмотрели паром и, отозвав в сторону лейтенанта Налоева, поручили ему проверить все крепления. К нашему счастью, паром лейтенанта Налоева оказался настолько прочным, что за одну ночь нам удалось переправить танковую бригаду и артиллерийский полк, которые внесли значительные изменения в расстановку сил, и наши войска прочно закрепились на захваченном плацдарме.

За успешное выполнение боевого задания командования фронтом и проявленные при этом находчивость и мужество лейтенант А. Х. Налоев был награжден орденом Отечественной войны 1 степени».

Вскоре немецкая разведка нашла место причалия парома на правом берегу и подвергла его бешеному обстрелу. Паром был поврежден, но переправа на правый берег Немана была уже сделана капитально. Земляк Ахмедхана Налоева и его товарищ по учебе в институте Ирмиё Израилов рассказывает:

— Наша танковая бригада генерала Букона подошла к месту переправы, когда саперы заканчивали сборку понтонного моста. Надо сказать, что работать им приходилось под непрерывным артиллерийским обстрелом. Находясь на опушке леса и готовясь к переправе, мы удивлялись спокойствию и мужеству командира саперов, который не кланялся каждому снаряду, не сутился и создавал атмосферу уверенности. Когда на мост начали перегонять танки, в храбром командире я узнал своего нальчикского друга Ахмедхана Налоева. Пря-

мо на мосту мы обнялись и расцеловались как родные братья. Понять нас может только тот, кому удалось встретиться на трудных дорогах войны. Тут же я узнал, что друг мой несет службу теперь в уже Отдельном Неманском понтонно-мостовом батальоне, получившем такое наименование за выполнение заданий командования фронтом по обеспечению переправы через Неман.

7. ОБЕЛИСК В БЕЛГРАДЕ

— В числе тех, кто в 1939 году учился на первом курсе физико-математического факультета нашего института,— рассказывает министр культуры КБАССР К. К. Эфендиев,— немало было одаренных студентов. Наш курс отличался не только хорошей математической подготовкой, но был в числе первых и по общеобразовательным дисциплинам. До сих пор помнится, что по грамотности и овладению русским языком нас ставили в пример филологам. Мы неизменно выходили победителями проводимых тогда фронтальных общегородских диктантов. Но, пожалуй, самым способным, наделенным необыкновенным математическим талантом, был мой лучший друг студенческих лет Маша Туков. Не скажу, что математика давалась мне с большими трудностями, как и другим отлично успевавшим студентам. Но мы просто поражались той необычайной легкости, с которой Маша преодолел довольно трудный рубеж перехода от школьного курса элементарной математики к высшей. Да и не только нас, но и многих преподавателей восторгали его глубокие и содержательные ответы о сложных понятиях введения в математический анализ, необыкновенно оригинальные

методы в решении задач повышенной трудности из аналитической геометрии, высшей алгебры, физики и дифференциальных уравнений. Причем выполнялось все это без излишнего позерства, просто, скромно и удивительно понятно для всех. Нам даже иногда казалось, что все это Маша уже знал давным-давно, еще на школьной скамье, в Нартане. Наши наставники Нина Ивановна Кос, Георгий Нилович Нилов, Меер Бениаминович Хазанов и другие были единодушны в мнении, что им удалось раскрыть в Тукове такое дарование, которое обещало буйно расцвести и украсить математическую науку новыми блестящими открытиями. Друг мой не замыкался узкими интересами одной дисциплины. Скромный, общительный, внимательный и добродушный, он находил время для помощи товарищам по учебе, для участия во многих массовых мероприятиях, для бурной общественной деятельности. Его знали и любили не только студенты физмата, но и большинство наших друзей по учебе с других факультетов. Не удивительно поэтому, что, когда ввели именные стипендии и обсуждали претендентов, кандидатура Тукова названа была одной из первых. Помню, с какой радостью мы сердечно поздравляли его, когда решение совета института о назначении Тукову сталинской стипендии было утверждено Наркомпросом.

С нами на одном курсе училась Одарка Шевченко. Очень миловидная, бойкая, участница многих интересных начинаний на курсе, она сразу же сдружилась с коллективом. Не знаю, то ли по душевному другу пришла ее открытая симпатия к нему, то ли он в ней увидел то, что многие из нас заметить не смогли, но дружба их переросла в такую необыкновенную нежную любовь, что все мы

относились к ней как к святыне. Не было насмешек и острых замечаний, свойственных тому возрасту. Не было мальчишеской ревности. Не было злословия. И чувство это, насколько мне известно, пронесли они через годы невзгод и испытаний.

Но не суждено было моему другу сделать великих открытий. Не сбылись его сокровенные желания. Последний экзамен летней сессии второго курса по теории рядов сдавали мы доценту М. Б. Хазанову 30 июня 1941 года, когда уже полыхало пожарище войны, навязанной нашей стране гитлеровской кликой. Даже отличная оценка, последняя на студенческой скамье, не радовала моего друга. Он уже весь был во власти дум, которые одолевали всю нашу молодежь: скорее стать в ряды защитников Родины.

— По комсомольским путевкам,— продолжает воспоминания доцент кафедры политической экономии КБГУ А. И. Куянцев,— нас, группу студентов пединститута и слушателей педрабфака, летом сорок первого года направили в 19-ю авиашколу, которая находилась в станице Пролетарской Ростовской области. Вместе со мной в школу прибыли студенты Анатолий Доленко, Зарамук Каров, Ильяс Тетуев, Маша Туков, Килостан Эфендиев, Мухамед Хаджиев, слушатели рабфака Хажпаго Вологиров и Гумар Князев.

Вскоре, ввиду сложившейся военной обстановки, школа была передислоцирована в город Александров Гай Саратовской области. Друзья мои по учебе в институте овладевали авиационными специальностями с большим старанием. С Анатолием Доленко нам пришлось проходить обучение в одной эскадрилье и у одного инструктора. Крепко скроенный, атлетического телосложения, большой

физической силы, находчивости и смекалки он легко овладевал летным искусством. Мне нравилась его уверенная манера управления учебным самолетом. Часто, делясь с ним впечатлениями от очередных полетов, мы мечтали о том, что скоро наступит день, когда можно будет уже на боевой машине ринуться в схватку с ненавистными захватчиками, вторгшимися на нашу землю и в наше небо.

Но случилось непредвиденное. К моменту окончания школы техники не оказалось. Не успевала наша промышленность, да и часть авиационных заводов была в пути, эвакуируясь на Восток. На фронт уходили курсантские полки. Поэтому большинство слушателей школы зачислили во вновь формируемую бригаду, а затем перебросили на оборону волжской твердыни. Так я, Анатолий Доленко, Ильяс Тетуев и Маша Туков оказались в 57-й Армии на южных подступах к Сталинграду. И стали мы пехотой. Кто стрелком, а кто минометчиком. В дни трудных боев обороны, а потом грандиозного наступления по окружению и уничтожению паулюсовской армии овладели мы нелегким искусством войны. Уже после войны узнал я о том, что на фронте погиб Ильяс Тетуев. Будучи минометчиком, Анатолий Доленко не раз оказывался в гуще боевых событий тех дней. В районе Котельниково с группой армейских разведчиков он участвовал в дерзком рейде по тылам противника. Весной 1943 года наша часть вышла к городу Матвеев Курган и завязала бои за господствующие высоты на подступах к городу. Здесь вражеская пуля и сразила нашего мужественного друга.

Бережно хранят в семье Доленко письмо Маши

Тукова, которое он отправил матери Анатоли 24/IV 1943 года. «Здравствуйте, Ольга Константиновна! Письмо, которое Вы написали А. А. Доленко, я получил на днях. С большим прискорбие сообщаю Вам, что Анатолий Доленко погиб на фронте в борьбе с немецкими людоедами. Он на смертью храбрых и, прежде чем отдать свою жизнь, уничтожил много захватчиков. Вы должны этим гордиться. Вашего Толю я еще знал по институтской жизни. Учился с ним вместе в авиа школе. Громил немецких захватчиков вместе с ним. Мы отомстим гадам за Вашего Анатолия. С приветом М. Туков».

Слово свое Маша сдержал, как привык всегда выполнять обещанное. Летом и осенью сорок третьего года он принимал участие в ожесточенных боях, завершившихся освобождением Харькова и выходом наших войск к Днепру. А когда части армии были отведены на отдых и переформирование как отличившегося воина, Тукова направили на армейские краткосрочные курсы офицерского состава. Получив офицерское звание, он писал сестре Раисе в конце апреля 1944 года: «...Получил твои письма и платочек, за что очень благодарен тебе. Сейчас нахожусь на отдыхе; живу хорошо, здоровье крепкое, ни в чем не нуждаюсь. За меня не беспокойся... На имя отца послал вам денежный аттестат, по которому с мая вы будете получать деньги... Одарке пишу письма. Боре и Юрке желаю, чтобы они выросли большими и стали умными молодцами. Ты, Рая, побольше читай художественной литературы, повышай свои знания. Передай пламенный привет всем, всем! Желаю тебе крепкого здоровья и хороших успехов в работе».

Вскоре, уже командиром минометной роты,

вступил гвардии лейтенант М. Б. Туков на землю Болгарии, а осень сорок четвертого встретил в наступлении на столицу Югославии Белград.

Гитлеровцы, стремясь во что бы то ни стало сохранить инициативу на юге, стягивали к Белграду все войска, которые были в Италии, и участвовали в боях с Югославской народно-освободительной армией. Город превращался в неприступную крепость. Стремительный выход наших войск к пригородам столицы встретил яростное сопротивление противника. Плечом к плечу с нашими воинами на штурм города шли соединения Югославской народно-освободительной армии. Семь дней и семь ночей октября продолжались уличные бои. Дом за домом, улица за улицей очищались от захватчиков. Под смертоносным свинцовым огнем шли на последний бой за свободную Югославию представители многих народов нашей страны и вместе с югославскими братьями падали на белградские мостовые. Когда казалось, что сопротивление противника иссякло, с тыла пришла неожиданная весть. Крупное соединение фашистских войск с танками и артиллерией движется на выручку окруженному гарнизону и уже прорвало в нескольких местах слабые заслоны югославской бригады и наших резервов. Фронт оказался всюду. Гвардии старший лейтенант М. Б. Туков, к тому времени переведенный в оперативный отдел штаба полка, получил задание во главе танковой роты, с бронебойщиками и двумя ротами автоматчиков сбить авангард противника. Боевую задачу группа выполнила успешно. Но вражеская пуля сразила нашего земляка.

Мне недавно удалось познакомиться с письмом, которое прислали однополчане Николаю Батырбе-

ковичу Тукову, его старшему брату, вскоре по этого боя.

«...Михаил (так звали Тукова в части), — говорится в этом письме, — вместе с другими павшими в бою офицерами нашего соединения похоронены братской могиле с воинскими почестями на центральной площади города Белграда 21 октября 1944 года. На могиле воздвигнут обелиск, на котором золотыми буквами выбиты имена героев, павших за освобождение от немецких извергов города Белграда. Вместе с Вами мы переживаем это большое горе. Михаил являлся самым скромным и самым лучшим товарищем, прекрасным работником нашего отдела. От рядового солдата вырос он старшего лейтенанта. Его грудь украшали три правительственные награды...

От стени Сталинграда до столицы союзной и республики Югославии — Белграда — таков путь героя.

Михаил любил свою родину, свой народ. За него отдал свою жизнь, и его имя будет вечно храниться в нашей памяти».

Письмо подписали Кустов, Турчин, Филатов, Клименский, Богомолов, Молчанов, Абрамов, Ляпин, Лисова.

8. УЧИТЕЛЬ

Наша первая встреча с Мухабом Алимовичем Камбиевым состоялась почти двадцать лет назад на заочном отделении физико-математического факультета педагогического института. То было время, когда завершали образование многие люди, к

торым война и трудные послевоенные годы помешали раньше окончить вуз.

Студенты тех лет отличались необычайным упорством в овладении общеобразовательными и специальными дисциплинами, в приобретении практических навыков и умений, в преодолении трудностей, возникавших в связи с длительным перерывом в учебе. Основной массе присущи были большое трудолюбие, высокая дисциплина и неуемная страсть к пополнению знаний. Это и понятно. Требовалось наверстать упущенное.

Учебными планами по подготовке учителей математики предусматривалось проведение практикума по измерительным работам на местности. В ходе его мимо моего внимания не могло пройти незамеченным удивительно умелое и легкое, точнее — ювелирное, обращение Мухаба Алимовича с измерительными приборами и инструментами. Быстрее других завершал он измерения и их обработку, точнее получал результаты измерений и очень аккуратно оформлял выполненную работу. Все это я относил за счет его учительского опыта, обретенного в школе. Но это было не так. Опыт работы с приборами получил он еще до работы в школе.

Как-то в перерыве учебных занятий мы разговорились, и я спросил:

— Скажите, что привело Вас к выбору учительской профессии?

— Авиация... — не задумываясь, ответил он.

— Как, авиация! — выразил я недоумение. По моим представлениям, стройный, с хорошо сохранившейся военной выпрямкой и не расставшийся с армейской формой студент, все же не походил на летчика. Его манера скромно держаться, не повышать голоса, не командовать, а советовать, когда

возникала в том необходимость, не горячиться, когда его не понимали, лишь подчеркивала, на мой взгляд, в нем сугубо «земную» профессию.

Чуть улыбнувшись, слегка задумавшись, как бы проверяя правильность своего утверждения, Мухаб Алимович ответил:

— А Вы напрасно сомневаетесь. Кого из нас еще на школьной скамье не влекло небо? Спасение челюскинцев, сверх дальние перелеты экипажей Чкалова и Громова, полеты в стратосферу и первый воздушный маршрут через Северный полюс — все это не могло не будоражить пылкого воображения юношества. Казалось, путь к подвигу только в покорении воздушного океана.

На этой основе у меня со старшим братом Залимханом не раз возникали столь горячие перепалки, что отцу приходилось «охлаждать» наши страсти. Дело в том, что Залимхан сразу решил стать учителем, а я не мог примириться с его выбором и всеми силами стремился склонить к мысли поступить в авиаучилище. После окончания школы брат поступил на филологический факультет нашего пединститута, а я в январе 1941 года сумел «пробиться» в Астраханскую военно-техническую школу авиамехаников.

С началом войны меня направили в 21-ю учебную авиаэскадрилью, а потом зачислили курсантом авиационного училища.

До сих пор чувство первого самостоятельного полета и покоренного неба заставляет где-то в глубине души гордиться тем, что цель была достигнута. В училище пришлось осваивать новейшую военную технику, уметь работать с точными и умными приборами, выполнять сложнейшие маневры в полете, совершенствовать мастерство воздушного боя.

Подготовка офицера-летчика — не изолированный процесс. Нам, курсантам, приходилось помогать друг другу в овладении теорией, делиться хоть и небольшим, но уже приобретенным опытом самостоятельных вылетов. Как-то так случалось, что не раз ко мне обращались с вопросами друзья по учебе и я, как мог, терпеливо объяснял им непонятное, показывал на моделях и не раз, наблюдая учебные полеты друзей, помогал им разобраться в допущенных ошибках, участвовал в разборах полетов.

Думаю, что это происходило потому, что я чуть раньше других начал свой путь в авиацию, ведь в училище я пришел уже авиамехаником, и кое-что у меня получалось лучше. Кроме того, помогая другим, я сам быстрее осваивал свою профессию и приближал день, когда можно будет в боевой обстановке проверить свою выучку. Мечтал скорее попасть на фронт, ведь брат мой, Залимхан, уже воевал. Но мечте этой не суждено было сбыться. Незадолго до окончания учебы меня вызвал начальник училища. Приняв мой рапорт и придирчиво меня оглядев, он не произнес слов приказа о назначении в действующую часть, а начал разговор, который и определил мою дальнейшую судьбу.

— Мы внимательно следили, товарищ Камбиев, за Вашим ростом, — сказал начальник училища. — Рады, что в училище родился хороший летчик. Еще один боевой офицер на фронте — это неплохо. Но Вы — прирожденный учитель. Там, где несколько офицеров и инструкторов убивают часы и тратят гору слов на пояснение детали или маневра и не могут получить нужного результата, у Вас получается все просто, доступно и без большого напряжения. Фронту, конечно, нужен еще один хороший летчик, но ему требуется много хороших летчиков.

И если мы для подготовки сотен офицеров не пошли, против Вашего желания, одного в действующую армию, мы лучше поможем общему делу победы над врагом. Вас зачисляем летчиком-инструктором училища — и никаких разговоров!

— Так до конца войны мне и пришлось трудиться на педагогическом поприще. А после увольнения в запас и возвращения в родное Каменномостское я уже не мог не пойти работать в школу. Авиация меня приземлила к ней...

Но не рассказал тогда Мухаб Алимович о том, какие трудности пришлось пережить, когда родные места были оккупированы немецко-фашистскими захватчиками. Сколько раз подавал он рапорт по начальству об отправке на фронт, когда почта привнесла горестную весть, что на последнем этапе Великой Отечественной войны на землях Польши смертью храбрыхпал офицер Залимхан Алимович Камбиев.

Годы испытаний научили его большой выдержке, быть чутким и внимательным к людям, закалили волю, а это не могло не завоевать ребячих сердец.

В школу, где не хватало учителей, где текучесть педагогических кадров достигла катастрофических размеров, а успеваемость ежегодно снижалась и росло второгодничество, пришел учитель-коммунист, которому до всего было дело. И его труд не пропал даром. Уже на первом этапе работы с классом, восстанавливая пробелы в образовании и проводя над учебниками и задачниками бессонные ночи, удалось добиться заинтересованности учащихся предметом. Начала расти успеваемость.

У ребят появилась потребность в организации дополнительных занятий. Поднялась активность.

Первый успех окрылил учителя. Это и заставило его всерьез подумать с завершением собственного образования. А когда вуз был окончен, Мухабу Алимовичу Камбиеву доверено было возглавить педагогический коллектив Каменномостской средней школы № 1.

Уже на посту директора школы, анализируя причины, порождающие низкую успеваемость и слабый общеобразовательный уровень учащихся, он сумел найти основные звенья, ухватившись за которые можно было решить эти сложные задачи. Благодаря его кипучей энергии и неутомимой деятельности, в школе вырос работоспособный педагогический коллектив, выдвинувший подлинных мастеров своего дела, таких, как Л. Т. Куготов, А. М. Мирзаканов, С. Г. Жандаров, Х. Б. Шернин и другие. Из числа питомцев школы выросли многие ученые. В их числе Х. Э. Дзасежев, Ф. И. Османова, И. Х. Батов, М. Х. Беканов.

А когда школа одной из первых в республике перешла на русский язык обучения в начальных классах и благодаря этому значительно повысила общеобразовательный уровень подготовки учащихся, когда школа из отстающих стала одной из лучших в Зольском районе, опыт каменномостских учителей заслужил всероссийское признание. К ним стали ездить учиться многие учителя не только нашей республики. На базе школы в 1963 году прошла научно-практическая конференция, в которой приняли участие многие представители автономных республик, областей и краев Российской Федерации.

Вскоре после этой конференции состоялась наша вторая встреча с Мухабом Алимовичем.

— Так в чем же все-таки секрет успеха Вашего коллектива? — спросил я его.

— А секрета никакого и нет, — отвётил он. — Просто в школе не должен работать человек, который не любит учительской профессии, в педагогическом коллективе не должно быть равнодушных. А все остальное — повседневный кропотливый труд, результаты которого не всегда сказываются на следующем уроке, а проявляются только через годы. Быть может, на этом пути нам больше повезло. У нас подобрался коллектив учителей, который смело пошел на эксперимент, сознавая свою ответственность перед обществом, поручившим нам важное дело обучения и воспитания подрастающего поколения.

А когда позже, на встрече выпускников педагогического института, посвященной сорокалетию с момента его открытия, уже Герою Социалистического Труда заслуженному учителю школ КБАССР Мухабу Алимовичу Камиеву было предоставлено слово, то он больше говорил об опыте лучших учителей школ Зольского района и республики, чем о заслугах коллектива школы. И это не случайно. Он продолжал учиться всему новому, передовому, что по крупицам создавали его коллеги на ниве народного просвещения.

...Шумно несет Малка свои воды мимо Каменномостского. Мы стоим на берегу реки. Мечтательно всматриваясь в перекат волн, директор школы, депутат Каменномостского сельского Совета, говорит:

— Наше школьное здание уже не удовлетворяет нынешним требованиям. Хоть и много забот приносят мои избиратели, но радостно сознавать, что вместе со мной они вынашивают идею о строительстве здесь современной многоэтажной школы с

прекрасными учебными кабинетами, залами, столовой. И верится, что мечта эта сбудется, как сбывается многое в мыслях и чаяниях нашего народа.

9. ПИСЬМА

Как отклик на мои выступления в республиканской печати стали приходить письма. Каждое из них — это взволнованный рассказ о студенческой юности, о друзьях и близких, о стойкости, мужестве и герониме в трудные годы войны, о верности матери-родине.

«...Ваш призыв через газеты,— говорится в письме писателя Хачима Тевнова,— заставил взяться за перо и сообщить о том, что мой брат Абузед погиб при прорыве Ленинградской блокады 11 сентября 1942 года. Не суждено было сбыться его мечте стать учителем. Со второго курса физико-математического факультета нашего института ушел он на фронт. Воевал в 349-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе Волховского фронта. Стал коммунистом. О его смелых действиях сообщалось в одной из сводок Совинформбюро...».

Однокурсник Героя Советского Союза Гранта Оганьянца, завуч Нальчикского культпросветучилища Ю. Х. Богомолов пишет: «...Дружным многонациональным коллективом был наш курс. На нем учились Зоя Борукаева, Женя Воронков, Хабас Долов, Алексей Израилов, Валентина Караваева, Хамид Кетенчиев, Гавриил Ликов, Хафисат Мзокова, Грант Оганьянц и другие. Много времени и внимания уделяли овладению специальностью, любили спорт, активно участвовали в студенческой само-

деятельности. В годы войны мужская часть пуска стала в ряды защитников родины. Смеялись храбрых пали наши друзья Долов, Кетенчян Оганьянц. Боевые награды украсили грудь многих товарищей. Особую гордость испытываем мы от того, что именно из числа выпускников нашего курса вырос Герой Советского Союза...».

Отозвался заслуженный учитель школы КБАССР Иван Алексеевич Чагелишвили: «... выпускников физмата 1939 года, было всего восемь человек. Все четверо мужчин воевали. Юсуф Алев погиб в жестоких боях на Карельском перешейке. Иван Левин призван был в начале войны и после учебы на краткосрочных курсах в Орджонидзевском пехотном училище направлен на фронт. Уже после войны его жена Валентина Николаевна, также выпускница нашего пединститута, сказала мне, что политрук Левин пал смертью храбрых в конце сентября 1942 года, защищая Ставрополь. Из Прохладного уходил на фронт мой однокурсник Петр Никитин. Многое пришлось ему пройти. Был ранен. После выздоровления вернулся к учительской деятельности и до сих пор работает в Воронежской области.

В 1941 году у меня истекал срок службы в армии, но война помешала демобилизации. Пришел с первого и до последнего дня войны быть в действующих частях. Исключение составили четыре сгица, которые по ранению пролежал в госпитале. Сейчас учителствую».

О друзьях периода студенчества тепло отзыается преподаватель Пятигорского медучилища Кения Ивановна Гришина (Паук): «...воспоминания перенесли меня в годы счастливой студенческой

юности и воскресили в памяти милых моему сердцу друзей по учебе. К великому огорчению, я не знаю, как сложились судьбы многих из них. По слухам, Андрей Ольховиков погиб в самом начале войны. Всеобщим любимцем был не только на нашем курсе, но и, пожалуй, во всем институте, друг Андрея Бетал Куашев. Его оптимизм, неистощимый юмор и поэтический дар оставили неизгладимую память у каждого, кому посчастливилось встречаться с ним в те годы. Мне известно, что Бетал был храбрым защитником Родины в годы войны.

В сентябре 1942 года я добровольно ушла на фронт и всю войну и даже некоторое время после нее проходила службу в должности санинструктора в полевом хирургическом госпитале...».

«...Трудные испытания выпали на долю нашего поколения,— рассказывает участница Великой Отечественной войны Ольга Алексеевна Родионова. — Многие мои товарищи по учебе и выпускники института приняли участие в боях. В их числе ныне учителя П. И. Абрамов, А. В. Бороздна, В. И. Гусев, Л. И. Дроzdov, К. А. Дроздова, Н. И. Лебедев, М. А. Лебедева, Н. И. Литвиненко, директор профтехучилища Х. М. Башлоев, директор школы С. А. Михайлов, зав. района К. В. Семенихин, партийный работник А. Д. Савенко, редактор книжного издательства С. Б. Типпеев, доценты А. Я. Дудецкий, В. Г. Иванов, А. К. Караев и многие другие.

Все мы склоняем головы перед светлой памятью тех, кому не удалось увидеть нашей победы. К названным другими именам героев, отдавших жизнь за счастье Родины, хочу добавить еще несколько фамилий. Это — Эрлих Алхасов, Иван Воротилин,

Виктор Игонькин, Адам Кешоков, Адальби Конов, Максим Карабань, Константин Морозов, Михаил Никитович Немов, Степан Пасечный, Николай Фумбаров...».

«...После окончания географического отделения института,— пишет завуч Кенженской средней школы Шамсадин Эльмурзович Шибзухов,— получил направление в Шитхалинскую семилетку, где вскоре стал директором школы. В годы войны был мобилизован и проходил службу командиром пулеметного расчета в пулеметном эскадроне 297-го кавполка 115-й кавалерийской дивизии. В боях на Цимлянском направлении в конце августа 1942 года получил тяжелое ранение, после которого почти на год попал в госпиталь. Воевать больше не пришлось. Награжден орденами Красная Звезда и «Знак почета».

Друг Шамсадина Эльмурзовича по студенческой скамье кавалер двух орденов Отечественной войны Ирмиё Ливиевич Израилов рассказывает: «...В первые же дни войны нас с Зачи Князевым, также студентом нашего педагогического института, направили в танковое училище. После окончания училища мы с ним получили звания техников-лейтенантов и в должностях заместителей командиров танковых рот прибыли в Сормово за получением материальной части. Оттуда дороги наши разошлись. Мне известно только, что Зачи участвовал в обороне Сталинграда, в крупнейшем танковом сражении на Курской дуге и погиб в тяжелом бою в районе хутора Тарасовка Днепропетровской области, изгоняя немецко-фашистских захватчиков с украинской земли...».

Учитель Пятигорской средней школы № 25

П. И. Еськов прислал фотографию, на которой запечатлен момент шахматного первенства института 1937 года. За столиками его участники Султан Болотоков, Евгений Воронков, Петр Еськов, Умати и Джабраил Макоевы, Замадин Хацаев и другие. «...Всем нам,— пишет Петр Иванович,— в годы войны пришлось с оружием в руках отстаивать честь и независимость нашей родины. В числе первых, принявших удар захватчиков на себя, был лейтенант Хацаев З. А., смертью храбрых павший в 1942 году. Погиб и Султан Болотоков. Боевыми наградами отмечен фронтовой путь Воронкова и Макоевых. Умати Макоев сейчас кандидат физико-математических наук, полковник запаса. Д. Т. Макоев — директор нальчикской средней школы № 4, в институте усовершенствования учителей работает Е. И. Воронков».

В 1932 году первым секретарем партийного бюро педагогического института был избран Хажисмель Жамбулатович Буранов. В годы войны в редакцию газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» он писал с Ленинградского фронта: «На каком бы фронте я ни находился, я буду беспощадно истреблять врага. Убитый на нашем фронте фашист не попадет на Кавказ». Его брат, инвалид Великой Отечественной войны, Мухамед Жамбулатович прислал его сохранившиеся фронтовые письма. Одно из них, датированное 18 апреля 1944 года, написано офицером Цветковым, однополчанином Х. Ж. Буранова. В нем говорится: «...Ваш брат командир стрелкового взвода лейтенант Буранов в боях за нашу социалистическую родину погиб под деревней Кисели, которая находится недалеко от города Острова Ленинградской области. Погиб он герой-

ски, ведя свой взвод в атаку на врага. Похоронен со всеми воинскими почестями в деревне Барашки...».

Стал кандидатом наук, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией института рыбного хозяйства в Ростове-на-Дону Александр Федорович Гунько. «...В институт поступил в 1939 году,— пишет он.— В октябре сорок первого пришлось прервать учебу и идти на фронт. Дважды, в 1942 и в 1943 годах, был ранен. Учебу продолжил и завершил уже после войны. Некоторое время работал директором Плановской средней школы, потом поступил в аспирантуру...».

Братьев-близнецов Магомеда и Масхута Хазнаевых из Гунделена в институте знали многие. После окончания исторического отделения оба были направлены учительствовать в родное село. Только при прохождении срочной службы в армии они попали в разные части. Масхут Хаджиевич сообщает: «...Последнее письмо от брата пришло в сорок первом со Смоленского направления. Магомед писал: «Вот уже больше месяца бьемся с немецкими фашистами, и пока жив, хотел бы знать, как обстоят дела у тебя». Ответное письмо, которое я ему послал, вернулось с пометкой: «Вручить невозможно». Только в 1943 году родные получили извещение о том, что зам. политрука роты Хазнаев 2 марта 1942 года погиб в тяжелом бою.

Службу в Советской Армии я начал в августе 1940 года и продолжал ее до конца войны. Принимал участие в боевых операциях на Юго-Западном фронте и в Крыму. Заочно закончил историческое отделение Кабардино-Балкарского госуниверситета и работаю преподавателем истории и обществоведения средней школы родного Гунделена...».

Писем много. За каждым из них судьбы тех, кто с оружием в руках отстаивал честь и независимость нашей Родины, кто ковал и стал свидетелем великой Победы и кому не удалось увидеть этого счастливого дня.

10. ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Важную роль на первом этапе работы поисковой группы следопытов университета сыграла двухтомная «Боевая слава Кабардино-Балкарии». Из нее зачерпнуты были сведения о том, как складывались фронтовые биографии более двадцати питомцев и преподавателей пединститута. О героических подвигах бесстрашных танкистов Гранта Оганянца и Хамида Апажева, о мужественных командах батальонов Дмитрия Бычкове, Бубе Карданове и Бетале Куашеве, о храбости, проявленной в боях офицерами-пехотинцами Баширом Кардановым, Мусафиrom Огурлуевым, Султаном Паштовым, Ильей Тресковым, Хачимом Шафиевым, Мухамедом Шибзуховым, артиллеристами Аскерханом Хагабаковым и Жирасланом Эфендиеевым, кавалеристами Мухамедом Кардановым и Сарби Черкесовым, сапером Ахмедханом Налоевым, связистом Алексеем Израиловым и другими, узнали наши студенты из этой летописи.

Некоторые сведения удалось получить из материалов, опубликованных в республиканских газетах. Но этого было мало, чтобы оценить вклад, внесенный коллективом пединститута в общее дело победы над врагом.

Предстояло выяснить, как сложились судьбы сотен участников войны, учившихся и работавших в вузе. Пришлось обращаться за помощью к читате-

лям наших газет, к работникам университета, преподавателям средних специальных учебных заведений города и учителям школ, чтобы из имеющихся в личных архивах документов и по их воспоминаниям были установлены имена активных участников боев.

На нашу просьбу откликнулись многие. Стали поступать списки и фотографии выпускников, фронтовые письма, горестные извещения, вырезки из газет и другие документы тех грозных лет. В села республики и соседних областей и краев с конкретными заданиями по поиску выезжали студенты-следопыты.

В ходе подготовки к 25-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. большую помощь оказала многотиражная газета «Университетская жизнь». Из номера в номер она знакомила читателей с материалами поиска, с именами ранее безвестных героев.

О наших находках рассказывали республиканские газеты, радио, телевидение, литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ошхамахо» и журнал «Вестник высшей школы».

Собственно говоря, в настоящий сборник вошли материалы поисков и находок.

Хочется подчеркнуть, что начатое дело встречено было с пониманием и благодаря активному участию в нем многих людей не угасло в самом его начале.

В дополнение к рассказанному выше есть необходимость сообщить некоторые факты, ставшие известными в самое последнее время.

«...По решению бюро обкома партии,— пишет из Кривого Рога Мефодий Ефремович Савченко,— в июле 1941 года был сформирован городской истребительный батальон, в который входили преподаватели, не призванные по состоянию здоровья или возрасту в ряды Советской Армии. В их числе были В. Г. Гурьянов, А. В. Клыков, Х. И. Таймуразов, А. Н. Савченко, М. Б. Хазанов, я и другие, фамилии которых забылись. 7 августа 1942 года батальон расформировали, а на следующий день мы пешком уходили из Нальчика и, совершив переход до города Они, выехали оттуда в Тбилиси. Затем эвакуация нас разбросала в разные места».

Сохранилась справка о том, что М. Е. Савченко состоял в Нальчикском истребительном батальоне в должности начальника боепитания.

С письмом заместителя командира 36-го кавалерийского полка 47-й Кубанской кавдивизии майора П. В. Завгороднего нас познакомила Вера Гавриловна Гутиева. В нем говорится: «...Ваш муж, капитан Гутиев, презирай смерть и опасность, храбро дрался с ненавистным врагом. Смелый был командир и хороший товарищ. Он отдал свою жизнь за Родину, за то, чтобы Ваши дети и Вы жили свободной жизнью. Погиб он в августе месяце 1941 года и похоронен в сел. Рожанов БССР».

В парке им. Понятовского в центре города Лодзи (Польша) высится беломраморный памятник на могиле капитана Константина Александровича Карапурова, жизнь которого была оборвана бандитской пулей в марте 1945 года. До войны Константин Александрович был шофером институтской эмки, а вот как он воевал смогут рассказать одно-

полчане, связь с которыми пока еще не установлена.

Несколько лет работал маляром в институте Алексей Кузнецов. Когда пришла пора уходить защищать Родину, его место в бригаде занял шестнадцатилетний сын Василий. Но недолго пришлось ему трудиться. Когда немецко-фашистские захватчики рвались к Нальчику, юноша добровольцем ушел в армию. О том, каким был его боевой путь красноречиво рассказывают три фронтовых письма, с которыми познакомила нас его мать Пелагея Андреевна Кузнецова.

Письмо первое. «19 мая 1944 года. Здравствуйте, дорогая Пелагея Андреевна. Примите боевые приветы от всех комсомольцев, друзей по оружию Вашего Василия. Большое спасибо, что Вы воспитали такого смелого сына. В боях с немецко-фашистскими захватчиками он всегда впереди. Никогда не падает духом, всегда весел, в трудную минуту приходит на помощь боевым товарищам. Скоро он получит свою первую правительственную награду — медаль «За оборону Кавказа». Дорогая Пелагея Андреевна, желаем Вам больших успехов в жизни. Комсогр Харитоненко, комсомольцы: Бодаренко, Халадзе, Бочурский, Боркутва, Ходонишвили и другие».

Письмо второе. «3 июня 1944 года. Здравствуйте, дорогая мама, Валя, Нина! Пишу письмо из передовой и сообщаю, что воюю у Маршала Жукова. Работы хватает по горло, так как я комсогор подразделения. В последнем бою геройски погиб мой предшественник, а я был его заместителем. Мы скоро пойдем в решающее наступление, чтобы в этом году разбить заклятых фашистов. Приходит час расплаты за все злодеяния и издевательства

над нашим народом. Мне радостно сознавать, что в это наступление я иду коммунистом. Меня, мама, приняли в члены ВКП(б), хотя мне всего-навсего 19 лет. Девчат прошу беречь тебя, мама. И еще прошу, когда начнем наступать, на письма не будет хватать времени, поэтому не волнуйтесь, если они долго не будут приходить. Привет всем. Ваш Вася».

Письмо третье. «20 августа 1944 года. Здравствуйте, дорогая мама, сестры Валя и Нина! Пишет вам письмо товарищ Вася, друживший с ним еще с Нальчика. Дорогая мамаша, сообщаю, что Ваш сын Вася погиб в неравном бою с врагом. Он был смелым и отважным бойцом. Всегда говорил: «Я буду бить захватчиков, пока мои глаза видят их!» Он выполнил свое обещание. На его могиле наши бойцы поклялись отомстить за его смерть и наше общее горе. Ваш Серебряков Владимир».

Стало известно, что на Ленинградском фронте отдали жизни за Родину Суфарби Балкаров и Хамид Кетенчиев, но, как складывались их фронтовые биографии, еще предстоит выяснить.

В одном из писем с фронта старший лейтенант Михаил Болотков писал: «Насколько я представляю военные действия на Кавказе, немцы не могли миновать нашего села. Раз они были в нем, то, видимо, немало бед натворили моим односельчанам, а может быть, и вам, дорогие мои. Я обещаю мстить фашистам за все их злодеяния». Как отличившегося офицера, Михаила Болоткова направили на переподготовку командного состава в военное училище. После его успешного окончания, осенью 1943 года, Михаил снова оказался на фронте, но о дальнейшей судьбе его пока нам ничего узнать не удалось.

Активно помогавший нашим следопытам участник Великой Отечественной войны директор средней школы № 4 гор. Нальчика Д. Т. Макоев рассказал:

— В первой половине июня 1941 года наша воинская часть была передислоцирована из Бреста на восток. Буквально за несколько дней до выхода из крепости мне удалось встретиться там с только что прибывшим земляком. Это был мой товарищ по учебе в институте, а впоследствии секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, Султан Баучиев.

Султан окончил литфак за год до войны. В институте его знали почти все по кипучей деятельности в комсомоле. Разговор наш, естественно, велся о наших общих знакомых, о студенческой жизни и о том, что произошло за время нашей разлуки. Узнал я и о том, что Султан нес службу в батарее Керима Калантарова, о которой впоследствии упоминал писатель С. Смирнов. Уже после войны от его товарищей удалось слышать, что Султан Баучиев, видимо, в числе многих безвестных защитников легендарной Брестской крепости пал смертью храбрых.

Долгое время многие однокурсники считали погившим Александра Загребу. Но это оказалось не так.

Мне удалось встретиться и беседовать с Александром Сергеевичем. Службу в армии начал он в 1939 году вместе с Б. М. Базиевым на Украине в гор. Тульчине. Участвовал в освобождении Западной Украины и с первых дней войны оказался на передовой. Отступал до Днепра, где под Каневым был тяжело ранен. После госпиталя снова на фронте. В одном из боев под станицей Макошино был

вторично ранен. Когда пришел в сознание, понял, что в плену. С группой раненых был оставлен в госпитале, и только благодаря помощи и большому риску санитарок выжил. Попытка бежать из госпиталя закончилась отправкой сначала в лагерь для военнопленных, а затем в Бухенвальд. Пришлось испытать все ужасы этого известного всему миру фашистского лагеря смерти. Сейчас А. С. Загреба учительствует в одной из школ города Минеральные Воды.

— Из выпускников исторического отделения 1938 года,— вспоминает Хамид Хакяшевич Блянихов,— которые участвовали в боях, по-моему, только нескольким удалось уцелеть. Мой однокашник Николай Федорович Мишков участвовал в разгроме империалистической Японии, награжден орденом Отечественной войны II степени. Многие годы находился он на ответственной работе. Труд его отмечен орденом Трудового Красного Знамени. Сейчас — персональный пенсионер.

Я проходил службу на должности помощника политрука батареи 28-го гаубичного артполка. Воевал. После тяжелого ранения вернулся к мирной жизни. Не оставляю работы до сих пор.

В одном училище, в одной роте учились Андрей Атапин, Алим Кешоков и Ашот Саркисянц. Молодые офицеры Атапин и Саркисянц участвовали в освобождении Северного Кавказа и в десантных операциях Отдельной Приморской армии. В одном из боев на подступах к Керчи Ашот Саркисянц был тяжело ранен и после лечения в госпитале не вернулся на фронт. А Андрей Атапин еще воевал на 4-м и 1-м Украинских фронтах, был тяжело ранен. Демобилизовался из армии в 1944 году. Грудь его украшают орден Красной Звезды и

ряд медалей. Сейчас А. П. Атапин ушел на пенсию с должности начальника отдела кадров треста «Каббалкпромстрой».

Старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института Е. Т. Хакуашев из материалов архива, собранного о тех, кто не вернулся с войны, узнал о своем школьном учителе и заочнике пединститута Залимхане Шамсатдиновиче Ордашеве, который храбро сражался с захватчиками и погиб далеко от родных мест.

Не все знают, что выпускник литфака, теперь пенсионер, Степан Владимирович Зуев на фронтах Великой Отечественной войны проявил образцы мужества и отваги. Трижды он был тяжело ранен, дважды награжден орденом Красной Звезды.

Так и не пришлось Михаилу Самутову принять участия в байдарочном походе. Он даже не провожал своих друзей — свалил его приступ малярии. Через год, когда педрабфак был окончен, Михаил стал студентом пединститута, но вскоре его призвали на срочную службу. После увольнения в запас на учебу в институт он уже не вернулся. Заочник Самутов стал работать в органах НКВД. Окончив краткосрочные курсы офицерского состава, Михаил готовился к оперативной работе, когда грянула война.

Ни минуты не колеблясь, в первые же дни, он подал рапорт, в котором говорилось: «...Мое страстное желание — с оружием в руках защищать рубежи социалистической Родины от врагов нашего отечества. Моя военная специальность — танкист. Прошу учесть мое желание и не отказать в просьбе». Но рапорт этот начальство удовлетворить не смогло.

Когда возникла опасность выхода гитлеровских войск на Кавказ, потребовалось подобрать и подготовить для работы в условиях предполагаемых боевых действий группу оперативных работников. Обладая необходимыми для разведчика данными — мужеством, хладнокровием, достаточной физической тренированностью, умением в совершенстве пользоваться всеми видами оружия, приемами рукопашной схватки и молниеносной реакцией, умением ориентироваться в сложной обстановке,— Михаил, вместе с тем, не отличался броской внешностью и в среде молодых горцев ничем особенным не выделялся. Так случилось, что в отобранную группу Самутов вошел одним из первых.

Известно, что в период оккупации Северного Кавказа немецко-фашистскими захватчиками лейтенанту М. М. Самутову приходилось не раз выполнять ответственные задания в тылу у противника по заданию разведотдела 37-й Армии, занимавшей оборону на территории республики, а также вести разведку и устанавливать связи с подпольщиками, работавшими по заданию командования Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда.

К сожалению, об этом периоде деятельности отважного разведчика, погибшего на боевом посту, нам не удалось найти никаких следов. Быть может, участники тех событий расскажут о них.

Вместе с юношами рвались в бой и девушки-студентки. Зое Колесниковой не удалось окончить институт, или перевестись в другой вуз. Вместе с мужем, военным летчиком, Зоя выехала в Кишинев, где формировалась авиационная часть. Там она и встретила войну. Вот что пишет З. С. Колесникова из Воронежа: «Мне пришлось принимать

участие в войне с первых дней, защищая Молдавию, а закончить ее в Кенигсберге. Сначала работала в батальоне аэродромного обслуживания, а позже служила в 330-й истребительной авиационной дивизии.

Дружной многонациональной семьей был коллектив военных летчиков. В нем были наши хорошие друзья Александр Покрышкин, Ахмедхан Султан, Петр Середа, Петр Чуников, Анатолий Морозов и многие, многие другие. Все они впоследствии стали Героями Советского Союза, а Александр Покрышкин получил это звание трижды. Нашим большим другом был также славный сын кабардинского народа Кубати Карданов».

Так и не смогла продолжить учебу в пединституте второкурсница литфака отличница Екатерина Петровна Дианова (Гунченко). После окончания работ студенческого батальона на строительстве оборонительных сооружений в районе Прокладного она явилась в Нальчикский военкомат с просьбой направить ее в действующую армию. 10 февраля 1942 года просьба была удовлетворена. Дианова была направлена в запасной полк, а оттуда в одну из стрелковых дивизий, которая защищала подступы к Алагирю. Под Алагиром, получив ранение, Дианова попала в госпиталь, а затем до победы над немецко-фашистскими захватчиками служила в 399-й отдельной ордена Красной Звезды экспедиционно-телеграфной роте 1-го Украинского фронта.

Только в мае 1942 года добровольцами ушли в армию второкурсницы Соня Кешева, Лида Некрасова и другие. Они принимали участие в Сталинградской битве, в боях на 1-м Белорусском фронте и при разгроме империалистической Японии.

Война застала студентку литфака Нону Абидову на Дальнем Востоке. Мысли о продолжении учебы не могло и быть. Она стремилась на фронт. В 1942 году просьба ее была удовлетворена: Нона стала связисткой одной из пехотных частей, отправившихся на фронт. Потом участвовала в боях на 1-м и 2-м Белорусских фронтах, дошла до самой Германии.

В октябре 1942 года, когда нависла опасность над Нальчиком, добровольно ушли в армию студентки литфака Лиза Петренко, Нина Евграфова и студентка педучилища Зоя Абашина. Девушек направили в отдельный медико-санитарный батальон 351-й стрелковой дивизии, которая участвовала в освобождении Кабардино-Балкарии. Командир роты медсанбата, ныне главврач санатория «Россия» в Ессентуках, Иван Иванович Горелик высоко отзывается о мужестве и героизме, проявленных нашими землячками в тяжелых боях, о их самоотверженном труде по спасению раненых воинов.

* * *

Конечно, на наши письма и выступления в печати откликнулись далеко не все. Некоторые тайно поступили из скромности, другие — чтобы не брить нанесенных войной ран. Пройдет немногим времени, и все труднее будет восстановить этот короткий, но очень важный исторический промежуток в жизни тех, кто учился и работал в нашем пединституте.

Поэтому мы продолжаем поиск в надежде на то, что не останутся безвестными героями, не будет безвестных могил.

Мы хорошо помним слова чешского писателя-патриота Юлиуса Фучика: «Не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собираите свидетельства о тех, кто пал за свободу и за вас».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Вместо предисловия	6
I. Навечно в строю	15
1. Первый поход	15
2. Братья	22
3. Девять отважных	27
4. Фронтовые встречи	37
5. Строки из писем героя	44
6. Навечно в строю	51
II. Они были первыми	58
1. Двенадцать	58
2. Справка из архива	64
3. Еще одна страница	68
4. Политработники	71
5. Ветераны	80
6. Однополчане	86
7. Комиссар подполья	92
8. Перо и штык	99
III. Выпускники сорок первого	107
1. На подступах к Москве	107
2. Студенческий батальон	115
3. В атаку идут курсанты	119
4. У стен Сталинграда	124
5. На «Голубой линии»	128
IV. Поиск продолжается...	138
1. Похоронен был дважды заживо	138
2. Порученец командующего	146
3. «Помните их, люди!»	151
4. Гвардии майор	153
5. Рейд на Одессу	160
6. На переправе	168
7. Обелиск в Белграде	172
8. Учитель	178
9. Письма	185
10. Поиск продолжается	191

Виталий Дмитриевич Лесев
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Редактор *Л. А. Лачинова*

Художник *И. Г. Абрамов*

Художественный редактор *З. Х. Бгажноков*

Технический редактор *С. С. Кумукова*

Сдано в набор 21/III 1975 г. Подписано к печати 8/V 1975

Формат 70×100 1/32. Бумага типографская № 1.

Физ. печ. л. 6,375+вкл. 0,5. Усл. печ. л. 8,22+вкл. 0,645.

Уч.-изд. л. 7,96+вкл. 0,476. Тираж 2000 экз. Заказ № 3709

Ч00604. Цена в переплете 40 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головко, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Нальчик, пр. им. Ленина, 33